

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

3 (27) / 2024

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

№ 3 (27) ISSN 2713-2811
Вологда 2024

Издается с июня 2018 года
Выходит 4 раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
В. Н. Некрасов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Дата выхода в свет: 30.09.2024

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2024

© ВоГУ, 2024

VILE of the FPS of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Online scientific and practical
journal of private and public law

№ 3 (27) ISSN 2713-2811
Vologda 2024

Published since June 2018

Published four times a year

Founders:

VILE of the FPS of Russia (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia),

VoSU (Vologda State University)

Editor-in-Chief:

Vasilii N. Nekrasov

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Date of publication: September 30, 2024

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration Number EI No. FS77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE of the FPS of Russia, 2024

© VoSU, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Некрасов В. Н. – врио начальника ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук (главный редактор);

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Воронина Н. П. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Городов О. А. – профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мионов А. В. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Самович Ю. В. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Санташов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Углицких Д. В. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Уторова Т. Н. – директор Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

Фархутдинов И. З. – ведущий сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL

Vasilii N. Nekrasov – Acting Head of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law) (Editor-in-Chief);

Pavel V. Golodov – Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, (Deputy Editor-in-Chief);

Ol'ga Yu. Krukova – Senior Researcher of the Sub-branch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law) (Executive Secretary);

Aleksei V. Barkov – professor at the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Natal'ya P. Voronina – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Boris Ya. Gavrilov – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Oleg A. Gorodov – professor at the Commercial Law Department of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Ivan V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Aleksandr S. Dugenets – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal “Administrative Law and Process”, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Vladimir A. Kvashnin – professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana A. Koren' – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Lev L. Kruglikov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena V. Kuznetsova – associate professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina – professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law);

Oleg S. Kuchin – professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Gorazd Meshko – professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Aleksei V. Mironov – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Yurii V. Mishalchenko – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. In Economics, Professor;

Roman V. Nagornyykh – professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Natal'ya V. Panteleeva – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Vladimir A. Ponikarov – professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Marina M. Popovich – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Roman A. Romashov – professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Yuliya V. Samovich – professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei L. Santashov – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav P. Silkin – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Sergei A. Starostin – professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Professor;

Dmitrii V. Uglitskikh – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law);

Tatyana N. Utorova – Director of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Candidate of Sciences (Law);

Insur Z. Farkhutdinov – Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law) (by agreement);

Dulat S. Chukmaitov – professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor;

Vyacheslav B. Shabanov – Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Aleksandr S. Shatalov – professor at the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics», Doctor of Sciences (Law), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	9
ЕПИФАНОВ А. Е. К вопросу организации и деятельности чрезвычайных комиссий по противодействию хозяйственным и должностным преступлениям (по материалам Царицынской губернии)	15
СОФРОНОВА С. А., ВОЛОГИНА А. С. Понятие и сущность правомерного злоупотребления субъективным правом	23
МАТВЕЕВ Д. О. О некоторых перспективных направлениях сотрудничества МВД России и ФСИН России	30
ПЕЛЕНИЦЫНА М. В., ЯЦЕНКО А. О. Правовое регулирование трансграничного оборота судебных актов как объекта признания и исполнения иностранного решения в цивилистическом процессе Российской Федерации.	37
СОЛОВЬЕВА К. М., ДЕРБИНА О. В. О реализации пробации в деятельности групп социальной защиты осужденных исправительных учреждений	44
УШАКОВ В. Н. Терминологический анализ понятия права на благоприятную окружающую среду: некоторые предложения по изменениям в экологическом законодательстве	50
БОРИСОВСКИЙ П. В. Характеристика преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса ..	56
ГРИГОРЬЯН И. Г. К вопросу об оказании содействия осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях	65
КОМБАРОВ Р. В. К вопросу об исполнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	71
КОРНЕВ А. С. К вопросу о понятии искусственного интеллекта для целей уголовно-правовых наук	78
КУЗНЕЦОВА Н. В. Правовые причины, способствующие коррупционным преступлениям в исправительных учреждениях ..	83
ЛЕЩЕНКО В. П. Квалификация мошенничества с использованием электронного средства платежа и его отграничение от смежных составов преступлений	88
МАРЗАГАНОВА А. М. Проблемы преодоления межотраслевой рассогласованности норм об ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств	95
МИХАЙЛОВ Д. О. Транснациональная организованная экологическая преступность: постановка проблемы	104
МОКРЕЦОВ Ю. В. Методика оценки деятельности исправительных центров: проблемы и пути совершенствования	113
ПОТАПОВ А. М. Об отличиях законодательства о пробации в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации	119
РАНЕНКОВА Е. А., УГЛИЦКИХ Д. В. Уголовно-правовые средства борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет: законодательные и правоприменительные проблемы ..	128
САРГСЯН М. А. Пути совершенствования отсрочки отбывания наказания как института уголовного и уголовно-исполнительного права	136
СКОРОХОДОВА А. С. Основания и границы назначения несовершеннолетним условного осуждения	143
СОФРОНОВ Д. Н. Проблема эффективности правовых ограничений в сфере правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия адвокатам органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	149
ВАЛЬКОВА Е. В., ЗИНОВЬЕВА М. И. Цифровые права в отрасли гражданского права: современное состояние и перспективы	157
ОНИЩЕНКО И. С., ФЕДОРОВА А. В. Актуальные вопросы ответственности лиц, замещающих родителей, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей	162
КИРИЛОВСКАЯ Н. Н. Международный уголовный суд: история и современность	169

CONTENT

EDITORIAL	9
EPIFANOV A.E. On the Issue of Establishment and Activities of Emergency Commissions for Combating Economic and Official Crimes in the Early 1920s (Case Study of the Tsaritsyn Province)	15
SOFRONOVA S.A., VOLOGINA A.S. Concept and Essence of Legitimate Abuse of Subjective Law	23
MATVEEV D.O. On Some Promising Areas of Cooperation between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service	30
PELENITSYNA M.V., YATSENKO A.O. Legal Regulation of Cross-Border Turnover of Judicial Acts as an Object of Recognition and Enforcement of a Foreign Decision in the Civil Procedure of the Russian Federation	37
SOLOV'EVA K.M., DERBINA O.V. On the Implementation of Probation in the Activities of Convict Social Protection Groups in Correctional Institutions	44
USHAKOV V.N. Terminological Analysis of the Concept of the Right to a Favorable Environment: Some Proposals for Amending Environmental Legislation	50
BORISOVSKII P.V. Characteristics of Crimes Committed in Megalopolises	56
GRIGOR'YAN I.G. On the Issue of Providing Assistance to Convicts Registered with Criminal Executive Inspections	65
KOMBAROV R.V. On the Issue of the Execution of Punishment in the Form of Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities	71
KORNEV A.S. On the concept of artificial intelligence for the purposes of criminal law sciences.....	78
KUZNETSOVA N.V. Legal Grounds for Corruption Crimes in Correctional Institutions	83
LESHCHENKO V.P. Qualification of Electronic Payment Fraud and Its Separation from Related Crimes.	88
MARZAGANOVA A.M. Problems of Overcoming Intersectoral Inconsistency of the Norms on Liability for Misuse of Budgetary Funds ..	95
MIKHAILOV D.O. Transnational Organized Environmental Crime: Problem Statement	104
MOKRETSOV Yu.V. Performance Assessment Methodology for Correctional Centers: Problems and Ways of Improvement	113
POTAPOV A.M. On Differences in the Legislation on Probation in the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation	119
RANENKOVA E.A., UGLITSKIKH D.V. Criminal Deterrence of Fictitious Migration Registration: Legislative and Law Enforcement Problems	128
SARGSYAN M.A. Ways to Improve Postponement of a Sentence as an Institution of Criminal and Penal Law	136
SKOROKHODOVA A.S. Grounds and Boundaries for the Appointment of a Suspended Sentence to Minors	143
SOFRONOV D.N. Analyzing Effectiveness of Legal Restrictions in the Field of Legal Regulation of Legal Relations of Confidential Assistance of Lawyers to Bodies Engaged in Law Enforcement Intelligence Operations	149
VALKOVA E.V., ZINOV'EVA M.I. Digital Rights in the Field of Civil Law: Current State and Prospects	157
ONISHCHENKO I.S., FEDOROVA A.V. Analyzing Substitute Parents' Responsibility for Improper Performance of Their Duties	162
KIRILOVSKAYA N.N. International Criminal Court: History and Modern Times	169

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается третий в 2024 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «*ius publicum et privatum*».

На страницах журнала представлены научные дискуссии по актуальным вопросам, касающимся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теоретико-исторические правовые науки»**. В статье доктора юридических наук, профессора А. Е. Епифанова с историко-правовых позиций рассматриваются организация и деятельность чрезвычайных комиссий по противодействию должностным преступлениям и преступлениям в экономической сфере в начале 1920-х гг. на примере Царицынской губернии. На основе архивных материалов раскрываются история, правовой статус, организационные и правовые основы деятельности органов государственной безопасности по борьбе с преступлениями указанной категории.

В исследовании кандидата юридических наук, доцента С. А. Софроновой и А. С. Вологиной анализируются общетеоретические и нормативные подходы к понятию «правомерное злоупотребление правом», определяются возможные причины и условия существования данного явления, обосновывается объективный характер правомерного злоупотребления правом, исследуются его морально-нравственные аспекты. Определяются возможные негативные последствия на примере изучения практики злоупотребления правом на обращение со стороны осужденных, приводятся возможные средства минимизации его негативных последствий в деятельности государства и общества, в том числе посредством обеспечения эффективного функционирования механизма разрешения споров о праве, а также повышения качества действующего законодательства. Обосновывается значение правового воспитания и правового просвещения для формирования должного уровня правовой культуры.

Специальность **«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»** представлена четырьмя статьями. Открывает рубрику исследование кандидата юридических

наук Д. О. Матвеева. Автор приходит к выводу о том, что, важным условием реализации функций, возложенных на органы государственной власти, является организация их регулярного взаимодействия между собой. Вызванное практической необходимостью сотрудничество уголовно-исполнительной системы и полиции с каждым годом становится все теснее и многограннее. Результатом систематического взаимодействия между ведомствами стало достижение значительных результатов в противодействии преступлениям, совершаемым на территории пенитенциарных учреждений, в организации конвоирования осужденных и лиц, находящихся под стражей, в профилактике правонарушений среди лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Несмотря на достигнутые показатели сохраняется потребность в расширении сотрудничества Министерства внутренних дел и Федеральной службы исполнения наказаний по таким направлениям, как профилактика правонарушений, организация силового сопровождения специальных мероприятий и противодействие экстремизму.

В следующей статье, подготовленной кандидатом юридических наук, доцентом М. В. Пеленицыной и кандидатом юридических наук, доцентом А. О. Яценко, рассматриваются особенности взаимодействия в области гражданской юрисдикции различных государств в рамках трансграничного оборота судебных актов. Для признания и исполнения иностранного судебного решения необходимы два обстоятельства: это должен быть акт, во-первых, принятый судом, во-вторых, вынесенный по существу спора. Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов являются важной гарантией защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц и необходимой частью эффективной системы международного правового сотрудничества.

В статье К. М. Соловьевой и кандидата юридических наук, доцента О. В. Дербиной обозначены трудности, которые возникли в практической деятельности сотрудников различных подразделений исправительных учреждений, прежде всего сотрудников групп социальной защиты осужденных, в сфере пробации. Сформулированы предложения, способствующие повышению эффективности реализации пробации. В частности, необходима корректировка отдельных процедурных сроков, связанных с реализацией мероприятий в сфере пробации. Внесено предложение по разработке примерной программы курсов подготовки осужденных к освобождению. Даны рекомендации по улучшению взаимодействия в сфере пробации с различными органами публичной власти.

Завершает рубрику статья В. Н. Ушакова, где анализируется терминологическое содержание права на благоприятную окружающую среду, рассматриваются ключевые составляющие данного права, определяются некоторые особенности, сходства и различия терминов «окружающая среда», «природная среда», «благоприятная окружающая среда», а также иных терминов, связанных с исследуемой тематикой. Отмечается целесообразность законотворческих инициатив по развитию терминологии благоприятной окружающей среды.

В рамках специальности **«Уголовно-правовые науки»** размещены четырнадцать статей. Открывает раздел статья кандидата юридических наук П. В. Борисовского, в которой рассматриваются особенности преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса. Анализируются специфические характеристики мегаполиса, способствующие развитию преступности, в том числе против собственности. Представлены уголовно-правовая, криминологическая и криминалистическая характеристика преступлений данной категории.

Статья И. Г. Григорьяна посвящена проблеме отсутствия правового регулирования механизма оказания содействия осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнитель-

ных инспекциях, в получении социально-правовой и иной помощи. Приводятся статистические данные, позиции ученых по рассматриваемой проблеме, предлагается решение вопроса посредством внедрения комплексной системы оказания содействия в ресоциализации и социальной адаптации осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества. В заключение представлены выводы о повышении эффективности данной системы, целесообразности оптимизации для рассматриваемой категории осужденных механизма, обеспечивающего процесс их исправления, основанного на индивидуальном подходе к вопросу оказания содействия вне зависимости от трудности жизненной ситуации.

В статье кандидата юридических наук, доцента Р. В. Комбарова рассматриваются вопросы исполнения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Проводится анализ норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства по вопросам исполнения данного вида наказания. Указываются проблемы, возникающие при реализации наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предлагаются конкретные пути их решения.

Кандидат юридических наук, доцент А. С. Корнев отмечает, что искусственный интеллект предоставляет новые возможности для человечества во всех сферах жизнедеятельности, и именно с ним ассоциируется прорывное развитие как отдельной конкретной отрасли, так и страны в целом. В связи с этим перед наукой уголовного права стоит сложная задача по обеспечению эффективного и устойчивого развития и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации и недопущению преступных посягательств на общественные отношения в данной сфере. Сложность решения указанной задачи заключается в отсутствии на сегодняшний день единого понимания категории «искусственный интеллект» в числе прочего ввиду стремительного развития и изменения соответствующих технологий.

Исследование кандидата юридических наук, доцента Н. В. Кузнецовой посвящено анализу правовых причин, детерминирующих должностные коррупционные преступления в системе исполнения наказаний в целом и в исправительных учреждениях в частности. Анализ отдельных положений Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации позволил выделить ряд недостатков юридической техники, использованной законодателем при конструировании норм. Выявленные дефекты связаны с наличием пробелов нормативного регулирования общественных отношений, распространенностью правовых норм, не имеющих официального толкования, присутствием в текстах статей коррупциогенных факторов. В практической деятельности указанные упущения становятся условиями, детерминирующими совершение сотрудниками исправительных учреждений преступлений, связанных со взяточничеством, злоупотреблением полномочиями, использованием служебного положения вопреки интересам службы.

В статье В. П. Лещенко исследуются проблемы обеспечения точной квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронного средства платежа, в контексте реализации принципа справедливости, дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. Выделяются ключевые особенности преодоления конкуренции между смежными составами преступлений, предметом которых являются электронные денежные средства.

Продолжает рубрику статья кандидата юридических наук А. М. Марзагановой, в которой исследуются вопросы межотраслевой рассогласованности норм, обеспечивающих ох-

рану общественных отношений в области надлежащего (установленного законом) порядка расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов. Обращается внимание на терминологическую неопределенность ст. 285.1 и 285.2 УК РФ, что является причиной значительных трудностей в правоприменительной деятельности. Обосновывается необходимость гармонизации норм бюджетного, административно-деликтного и уголовного законодательства. Предлагаются варианты преодоления межотраслевой рассогласованности указанных норм.

Исследование кандидата юридических наук Д. О. Михайлова посвящено проблеме формирования нового – экологического – направления в деятельности организованных преступных группировок национального и транснационального уровня. Отмечается, что в современных условиях повышенного внимания к экологической повестке в мире организованная преступность, действуя по экономической модели диверсификации преступных практик, начинает использовать сферу экологии и обращения полезных ископаемых в качестве источника финансирования преступной деятельности. Сформулированы положения по совершенствованию системы противодействия нарождающейся угрозе как на мировом, так и региональном уровнях.

Раздел продолжает исследование кандидата экономических наук, доцента Ю. В. Мокрецова, в котором анализируется проблема оценки эффективности деятельности исправительных центров. Предложена методика рейтинговой оценки их деятельности для более эффективного исполнения функций уголовно-исполнительной системы. Предлагается методика сравнительной оценки эффективности деятельности центров за счет разработки критериев и их детализация для расчета суммарных показателей.

В статье кандидата юридических наук, доцента А. М. Потапова рассматриваются отличия содержания данных нормативных правовых актов на основании сравнительно-правового анализа законов о пробации в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации. При описании отличий содержания пробации анализируются ее цели, задачи, виды и формы. Раскрываются закрепленные в законах о пробации субъекты и участники пробации, их функции и полномочия в данной сфере. Кроме того, дана оценка особенностям отдельных видов пробации, не представленных в законодательстве и практике Российской Федерации, затронуты вопросы примирительных процедур в пробации (медиации), анализируются особенности ее реализации в отношении несовершеннолетних. Сформулированы выводы и предложения по использованию положительного законодательного опыта в сфере пробации Республики Казахстан и Кыргызской Республики в совершенствовании отечественного законодательства о пробации.

Продолжает рубрику статья кандидата юридических наук Е. А. Раненковой и кандидата юридических наук, доцента Д. В. Углицких, в которой рассматриваются некоторые аспекты уголовно-правовых средств борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет, проанализирована их эффективность. Сделаны объективные выводы и высказаны предложения, направленные на совершенствование нормативно-правовой деятельности в части установления дополнительных механизмов противодействия фиктивной постановке на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации.

Исследование М. А. Саргсян посвящено институту отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), исследуются дискуссионные вопросы основания ее применения, предлагается расширить круг субъектов, включив в него усыновителей, а также указывается необходимость разъяснить основания и сроки предоставления отсрочки отбывания наказания

суррогатной матери. Учитывая неравенство граждан по половому признаку при применении ст. 82 УК РФ, предлагается уравнивать мужчин и женщин в праве предоставления отсрочки независимо от состава семьи. Анализируется возможность предоставления отсрочки при совокупности преступлений, а также разъясняются основания неприменения норм этого института.

А. А. Скороходова рассматривает некоторые проблемные аспекты назначения условного осуждения в Российской Федерации, в том числе лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте. Приводятся статистические данные о привлечении к уголовной ответственности и видах уголовного наказания в Российской Федерации за 2020–2023 гг., рассматриваются основания назначения условного осуждения в соответствии с уголовным законодательством, делается вывод о необоснованном расширении сферы применения данной уголовно-правовой меры, предлагаются пути корректировки российского законодательства, направленные на решение выявленных проблем.

Завершает рубрику статья Д. Н. Софронова, в которой исследуются особенности правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в условиях юридической коллизии действующих нормативных правовых актов, регламентирующих соответствующие общественные отношения. Оценивается эффективность установленных в них правовых ограничений на предмет достижения цели, связанной с обеспечением невозможности применения института конфиденциального содействия для получения доступа соответствующих компетентных органов к адвокатской тайне без согласия доверителей, использования адвокатского статуса содействующего лица для вмешательства в деятельность адвоката и адвокатуры либо воспрепятствования ее осуществлению.

Специальность «**Частно-правовые (цивилистические) науки**» представлена двумя статьями. В статье Е. В. Вальковой и М. И. Зиновьевой на основе анализа действующего гражданского законодательства Российской Федерации, теоретических положений рассматриваются новеллы правового регулирования цифровых отношений. Поднимаются ключевые проблемы цифровых прав в рамках их закрепления в гражданском законодательстве, отнесения к объектам отраслей права, возможности выделения в отдельную отрасль.

Статья кандидата юридических наук, доцента И. С. Онищенко и А. В. Федоровой посвящена анализу форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, таких как опека, попечительство и приемная семья, в контексте действующего законодательства. Рассматриваются ключевые аспекты данных форм, их различия и взаимосвязь. Особое внимание уделяется вопросам, возникающим из-за неоднозначности трактования соответствующих понятий и пробелов в действующем законодательстве. Предлагаются меры по совершенствованию семейного законодательства в данной сфере.

Завершает выпуск публикация по специальности «**Международно-правовые науки**». В статье кандидата юридических наук, доцента Н. Н. Кириловской раскрываются история и причины создания международного уголовного суда как первого постоянного действующего международного судебного органа. Проводится параллель с ранее действующими международными судебными органами, в частности Нюрнбергским трибуналом и международными уголовными трибуналами по бывшей Югославии. Также анализируются причины отказа от членства МУС со стороны ведущих держав мира.

Мы приглашаем активных читателей и авторов издания обмениваться научными идея-

ми на страницах нашего издания. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске журнала, способствуют пополнению и обновлению научной базы исследователей по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации новых исследований.

Желаем интересных научных статей, дискуссий и творческих успехов в работе.

С уважением,
главный редактор
доктор юридических наук

Некрасов Василий Николаевич

Научная статья

УДК 35(470.45)

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.001

К вопросу организации и деятельности чрезвычайных комиссий по противодействию хозяйственным и должностным преступлениям в начале 1920-х гг. (по материалам Царицынской губернии)

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЕПИФАНОВ

Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России,
Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Аннотация. В статье с историко-правовых позиций рассматриваются организация и деятельность чрезвычайных комиссий по противодействию должностным преступлениям и преступлениям в экономической сфере в начале 1920-х гг. на примере Царицынской губернии. На основе архивных материалов раскрываются история, правовой статус, организационные и правовые основы деятельности органов государственной безопасности применительно к борьбе с преступлениями указанной категории.

Ключевые слова: губернская чрезвычайная комиссия; ВЧК; межведомственные комиссии; должностные преступления; спекуляция.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Епифанов А. Е. К вопросу организации и деятельности чрезвычайных комиссий по противодействию хозяйственным и должностным преступлениям (по материалам Царицынской губернии) // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 3 (27). С. 15–22. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.001.

Original article

On the Issue of Establishment and Activities of Emergency Commissions for Combating Economic and Official Crimes in the Early 1920s (Case Study of the Tsaritsyn Province)

ALEKSANDR E. EPIFANOV

Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia,
Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Abstract. The article considers organization and activities of emergency commissions for countering official and economic crimes in the early 1920s from a historical and legal perspective on the example of the Tsaritsyn province. On the basis of archival materials, the history, legal status, organizational and legal foundations of the activities of state security agencies in relation to combating crimes of this category are revealed.

Keywords: provincial emergency commission; Cheka; interdepartmental commissions; malfeasance; speculation.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Epifanov A.E. On the issue of establishment and activities of emergency commissions for combating economic and official crimes in the early 1920s (case study of the Tsaritsyn province). *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 15–22. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.001.

История и правовое регулирование противодействия хозяйственным и должностным преступлениям традиционно вызывают повышенный интерес у исследователей. Предметом научной дискуссии являются организация и деятельность соответствующих органов госбезопасности, формы и методы функционирования.

В последние годы проблемы борьбы с названными преступными деяниями стали объектом исследований А. В. Шмониной, О. И. Семькиной, И. М. Мацкевича, В. П. Портнова, О. Б. Мозохина, А. С. Соколова [1–5] и других авторов. Необходимо признать, что в названных работах вопросы, связанные с организацией и деятельностью органов ВЧК в данной сфере, комплексной и систематической разработки не получили. Невысокая степень анализа и изученности избранной темы придают ей актуальность, позволяют дополнить и скорректировать представления, сложившиеся в данной сфере.

К вопросам, обладающим особой актуальностью, следует отнести порядок и практику оперативно-служебной деятельности органов госбезопасности в борьбе с экономическими и должностными преступлениями. Исследование представляет собой попытку раскрыть особенности и содержание оперативно-розыскной и следственной работы в данной сфере.

Деятельность чрезвычайных комиссий выступала одной из форм борьбы с экономическими и должностными преступлениями в изучаемый период. В этой связи цель настоящей статьи заключается в установлении особенностей и методов данной деятельности, что позволит расширить сложившиеся представления об истории Советского государства и его органов в борьбе с преступностью изучаемого периода, а систематизация и обобщение соответствующего опыта позволит извлечь из него правильные выводы.

При подготовке статьи применялись как общенаучные, так и исторические методы исследования. Логический и диалектический методы использовались в качестве основных, равно как и методы системно-функционального анализа и синтеза. Широкое применение нашли специально-исторические методы, исторический, историко-сравнительный и статистический.

Выступая 3 февраля 1920 г. на открытии 4-й конференции губернских чрезвычайных комиссий, Ф. Э. Дзержинский призвал отказаться от «оружия террора» и перестроить работу их секретно-оперативных отделов. Новые методы работы, по его мысли, не должны быть связаны с массовыми обысками и террором, но предполагали постоянные наблюдения

и пресечение «козней и злонамерений» врагов. Принимая во внимание прогнозируемую угрозу овладения агентами Антанты и отечественными контрреволюционерами аппаратами экономической жизни, Ф. Э. Дзержинский призвал секретно-оперативные отделы ЧК на местах обратить внимание на экономические, совнархозовские, продовольственные, распределительные, транспортные и иные органы. Особое внимание надлежало уделить вопросам борьбы с развивавшейся спекуляцией, являвшейся отражением имевшей место «неналаженности», неспособности овладеть экономической жизнью [6, с. 363].

Принятая на основе решений 2-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий инструкция ЧК на местах от 01.12.1918 в числе прочих ставила задачи беспощадной борьбы всеми имеющимися силами с экономическими преступлениями. Она вменяла в обязанность местным чрезвычайным комиссиям доведение до сведения местной и центральной властей информации о совершающихся в данной сфере беспорядках и их пресечение [7, с. 67].

Как того требовала инструкция, работа комиссий происходила в тесном контакте и сотрудничестве со всеми советскими учреждениями. Вместе с тем по всем фактам злоупотреблений и упущений в советских органах ЧК с ведома руководства последних обязаны были принимать соответствующие меры. При этом об арестах ответственных советских и партийных работников надлежало извещать соответствующие учреждения в течение 24 часов.

Высшим органом по противодействию экономическим преступлениям на местах инструкцией были названы губернские чрезвычайные комиссии. Учитывая требования 2-й Всероссийской конференции ЧК, непосредственно полномочиями в рассматриваемой сфере были наделены секретно-оперативный и юридический отделы. Так, внутри юридического отдела существовала специализация относительно преступлений по должности и спекуляции. Сосредоточивший в своем распоряжении все негласные сведения секретно-оперативный отдел осуществлял их оперативно-чекистскую разработку и реализацию во вверенных губЧК населенных пунктах с учетом названных категорий, в том числе с участием уездных ЧК. Канцелярии губернских ЧК включали такие делопроизводства, как «спекулятивное» и «преступления по должности».

Губернские чрезвычайные комиссии согласно инструкции наделялись правом внесудебной расправы с виновниками экономических преступлений на предмет их пресечения или прекращения. Перечень соответствующих мер, который исчерпывающим не являлся, включал штрафы, высылки и расстрелы (Центральный архив ФСБ России. Ф. 10с. Оп. 3. Д. 11).

В 1918–1919 гг. органы госбезопасности оказались не в состоянии уделить должное внимание борьбе со спекуляцией, поскольку были заняты противодействием более опасным контрреволюционным преступлениям. В связи с этим, уверовав в собственную безнаказанность, спекулянты, в том числе из государственных служащих, в огромных масштабах скупали и расхищали дефицитные продовольствие и материальные ценности, после чего за баснословные деньги реализовывали их на «черном рынке».

Декретом СНК от 21.10.2019 «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» [8] все дела о крупной спекуляции взятыми на учет товарами и продуктами, а также дела о должностных преступлениях уличенных в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов, участии в спекуляции и взятках лиц по постановлению ВЧК

и особой межведомственной комиссии из подсудности народных судов были изъяты (Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 95. Оп. 1. Д. 27).

Специальная межведомственная комиссия была образована при ВЧК для изучения всех источников спекуляции, а также связанных с ними должностных преступлений на предмет постоянного наблюдения за противодействием спекуляции, объединения направленных на это мер [9, с. 62]. Ее составили утвержденные СНК представители наркоматов продовольствия, юстиции, государственного контроля (впоследствии Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ)); ВСНХ, Московского совета, чрезвычайного уполномоченного по снабжению Совета рабоче-крестьянской обороны по снабжению Красной армии, ВЦСПС и ВЧК [8].

На комиссию возлагались выработка и проведение в жизнь мер по проверке личного состава производственных, заготовительных и распределительных органов, обследованию характера их деятельности с позиций борьбы со спекуляцией; назначение ревизий материально-хозяйственных частей учреждений и предприятий, а также подведение их итогов; надзор за учетом наличия товаров и материалов на предприятиях, особенно производящих предметы военного снаряжения и обмундирования; установление мер ответственности для руководителей учреждений за практические результаты их работы; совместно с рабочими организациями разработка способов и форм надзора за деятельностью фабрично-заводских организаций, продовольственных в частности, а также за операциями кооперативных организаций.

Названная комиссия наделялась правом надзора за торговлей, как уличной, так и в закрытых помещениях; закрытия частных кафе, гастрономов и столовых в тех случаях, когда они не могли обслуживать нужды трудящихся. Она принимала меры по устранению злоупотреблений с продовольственными и иными карточками в советских магазинах, по борьбе с хищениями из пекарен муки, а также продовольствия со складов. Кроме того, межведомственной комиссии была поставлена задача пресекать перевозки спекулянтами грузов по железным дорогам.

17 июля 1920 г. приказом ВЧК № 96, учитывая поступающие с мест запросы, были объявлены постановление о межведомственных комиссиях при ВЧК (межкомы) и регулирующая их организацию и деятельность инструкция. Согласно названному постановлению, подписанному наркомом РКИ В. А. Аванесовым и юстиции Д. И. Курским, а также председателем ВЧК И. К. Ксенофонтовым, названные комиссии в срочном порядке образовывались при губернских ЧК на предмет неотложного и тщательного расследования всех дел, направляемых Наркоматом РКИ и иных органов на места. В их состав из числа коммунистов включались представители наркоматов РКИ, юстиции и органов ЧК. На межкомы была возложена обязанность производить всестороннее расследование уголовных дел данной категории «местными силами» и представлять их в междуведомственную комиссию при ВЧК, которая наделялась правом придания им последующего направления со своим заключением.

Как это следовало из названной инструкции, в результате достигнутого между ВЧК, наркоматами РКИ и юстиции соглашения межведомственные комиссии при каждой губернской ЧК образовывались на постоянной основе. Их председателями назначались представители губЧК, членами соответственно функционеры органов РКИ и юстиции на местах.

Своим предназначением межкомы имели расследование дел, поступавших им из центра и соответствующих местных «авторитетных» органов. Кроме того, межкомы наделялись правом самостоятельно заниматься контрольной и ревизионной деятельностью по

обследованию «хозяйственной жизни», а также деятельности производственных и распределительных органов Советской республики на территории соответствующей губернии, изыскания и осуществления «мер пресечения» по борьбе с преступностью в данной сфере. При этом они обязаны были руководствоваться исключительно инструкциями Особой межведомственной комиссии (Осмежкома или ОМК) при ВЧК.

Правом непосредственного направления дел в губернские межкомы наделялись ВЧК, ее осмежком, наркомы РКИ и юстиции. На местах в случаях, требующих участия в разбирательстве представителей названных ведомств, в межкомы дела могли направлять по представлениям своих заинтересованных подразделений губернский исполком, а также губЧК по собственной инициативе.

Изучив дело, межкомы направляли его со своим заключением и рекомендацией конкретных мероприятий по принадлежности. В силу своей исключительной компетенции межкомы преследовали цели обследования действующих «хозяйственных аппаратов», производственных и распределительных учреждений на предмет выявления источников спекуляции на местах; систематизации полученных в результате обследования данных согласно инструкций Осмежкома ВЧК; направления законченных дел об отдельных хозяйственных правонарушениях или преступлениях в соответствующие инстанции – губЧК, трибуналы либо ОМК.

Межкомы состояли при губернских ЧК, однако в пределах стоящих перед ними задач могли использовать не только их исполнительные аппараты, но и местных органов РКИ и отделов юстиции. Кроме того, межкомы были полномочны назначать «сведущим лицам» экспертизы по находящимся в их производстве делам. За исключением канцелярии, собственного исполнительного аппарата межкомы не имели. Канцелярии межкомов создавались и обеспечивались на солидарных началах названными ведомствами. О своей деятельности межкомы отчитывались только перед соответствующими губернскими ЧК, а также ОМК ВЧК (ГАВО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 27. Л. 45–45 об.).

В изучаемый период органы ВЧК совместно с РКИ проделали большую работу по анализу причин распространения и живучести спекуляции. Проведя огромное количество обследований и ревизий, им удалось установить, что, маскируясь под уполномоченных хозорганов, спекулянты заключали с государственными организациями договоры и скупали различные товары. Ряд советских учреждений допускали частных лиц в качестве посредников. Скверная организация учета и отчетности в магазинах и на складах также благоприятствовала преступной деятельности спекулянтов.

Экономическое положение на местах и результаты борьбы с преступлениями по должности и спекуляцией на соответствующей территории находили отражение в двухнедельных сводках региональных ЧК. Так, из сводки № 18 Царицынской губернской чрезвычайной комиссии о положении и своей деятельности в регионе за период с 16 по 30 сентября 1921 г. следовало, что в борьбе со спекуляцией и должностными преступлениями много сил отнимало противодействие хищениям соли. Спекуляция данным продуктом и злоупотребления в его распределении представляли собой одну из приоритетных целей для сотрудников губЧК. Весной 1921 г. ими было пресечено паломничество жителей Царицына на соляные промыслы. Основным источником поставок соли на рынок стали работники водного транспорта. Перлюстрация их писем выявила огромные злоупотребления на соляных промыслах, получившие распространение как среди представителей администрации, так и рядовых рабочих. Практически все караваны параллельно загружались солью для ее сбыта в верховьях Волги. В среднем каждый из рейсов транспортировал не менее 50 пудов соли

на каждого из работников водного транспорта. Царицынскими чекистами были выявлены «субчики», которые ухитрились провозить и по 300 пудов. В значительной степени вина за подобные безобразия возлагалась на водно-транспортные ЧК. Так, обличительные материалы были собраны о должностных преступлениях сотрудников транспортных ЧК станции и пристани Владимировка Ленинского уезда, являвшихся активными участниками операций по транспортировке и сбыту похищенной соли. Для пресечения злоупотреблений работников соляных промыслов и смежных с ними учреждений ЦаргубЧК были затребованы «серьезные мероприятия со стороны Центра».

Все более «грозные» масштабы принимали хищения продуктов и материалов с царицынских предприятий. С заводов и фабрик в массовом порядке растаскивались продукция и иные материальные ценности. Если в предшествующий период рабочие ограничивались тем, что мастерили для обмена различные обиходные поделки, то после введение сдельщины и коллективного продовольственного снабжения для обмена на хлеб они переключились на кражи готовых изделий и ценных материалов.

На нефтяных складах чекистами были выявлены совершавшиеся путем заполнения цистерн водой крупные хищения нефтепродуктов работниками. Сэкономленное таким образом горючее, в частности керосин, сбывалось торговцами на рынке. Крупные хищения сельскохозяйственной продукции как администрацией, так и рабочими были выявлены в совхозах губернии во время уборки урожая (ГАВО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 9. Л. 13–21).

«Эпидемический характер» в изучаемый период по наблюдениям царицынской ГубЧК приобрели преступления по должности. Неопределенность оплаты труда рабочим и служащим советских учреждений, предприятий и организаций создавала весьма благоприятную почву для правонарушений. В материалах оперативно-служебной деятельности и уголовных производствах сотрудников госбезопасности региона фигурировали многочисленные проявления взяточничества, подлогов, укрывательства и саботажа во всем их многообразии [10, с. 15].

Сотрудники губернского продовольственного комитета с целью спекуляции «сплавляли на сторону» по подложным документам сотни пудов продуктов питания. Персонал губернского политпросвета значительную долю выручки от продажи билетов в театрах по незарегистрированным книжкам «растаскивали по своим карманам». Оптом и в розницу торговали пропусками на предприятия и в учреждения сотрудники бюро пропусков. Соревнованием с заведомо преступным элементом во взяточничестве, хищениях вещественных доказательств и пьянстве увлеклись народные судьи. Повсеместно имело место расхищение народного достояния и даже продуктов и материалов, предназначенных голодающим детям.

Характерно, что хищения распространялись не только на материалы, продукты и имущество, обладающие значительной ценностью. С целью спекуляции сбывались старые книги в качестве курительной бумаги, разные булавки и мелочи домашнего обихода.

Особенно угрожающие размеры приняло взяточничество на железных дорогах и в народных судах. Большое развитие приобрел такой особый род взяточничества, как «оплата желания исполнить свои обязанности». При этом одно учреждение добивалось от другого, чтобы причитающееся отпускалось в установленном размере, не урезывалось, не ухудшалось по качеству, а сам отпуск происходил без посулов на «завтра». Подобного рода взятка со временем превратилась в обязательное условие при выдаче разрешений на отпуск любых товаров, продуктов и т. п. Борьба с таким взяточничеством никаких перспектив не имела, поскольку заинтересованная сторона тщательно скрывала свое участие в нем, дабы не навлечь на себя немилость взяточника (ГАВО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 12. Л. 94 об.).

Противодействие экономическим преступлениям для сотрудников Царгубчк было сопряжено со значительными трудностями, которые усугублялись отсутствием достаточного количества опытных квалифицированных специалистов. Как это следовало из отчетности руководства коллегии Царицынской губЧК, день ото дня ее работа принимала все более утонченный и трудно усваиваемый чекистами губернии характер. В большинстве своем они имели низкий образовательный ценз, многие были и вовсе малограмотными. Однако имевшиеся недочеты постепенно изживались путем координирования проводимой работы, пополнением и профессиональной подготовкой сотрудников.

В начале 1920-х гг. борьба с экономическими преступлениями относилась к числу приоритетных направлений работы Царицынского губЧК, в частности его секретно-оперативного отдела. Особый акцент при этом делался на противодействие должностным преступлениям, а также обеспечение охраны всей совокупности материальных ценностей. На 1 июля 1921 г. в производстве Царицынской губернской чрезвычайной комиссии находилось 38 уголовных дел о должностных преступлениях. Один из обвиняемых по ним был приговорен к расстрелу (ГАВО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 10. Л. 148–148 об.).

Исследование показало, что использование чрезвычайных комиссий против хозяйственных и должностных преступлений обеспечивало успешное выполнение оперативных и служебных задач в данной сфере.

Архивные материалы позволили не только расширить проблематику изучения истории отечественных органов государственной безопасности, но и повысить его уровень, скорректировать сложившиеся представления в данной сфере и ввести в научный оборот новые сведения.

Вместе с тем рассмотрение затронутых проблем дает возможность прийти к выводу, что сделано еще далеко не все. Изучение организационных и правовых основ деятельности органов ВЧК открывает для исследователей широкие перспективы для научного творчества. Освещение затронутых проблем, несомненно, представит научно-практический интерес.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмонин А. В., Семькина О. И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства : моногр. М., 2013. 466 с.
2. Мацкевич И. М. Мифы преступного мира. М., 2014. 368 с.
3. Портнов В. П. ВЧК (1917–1922 гг.). М., 1987. 208 с.
4. Мозохин О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006. 479 с.
5. Соколов А. С. Борьба органов Всероссийской чрезвычайной комиссии со спекуляцией // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2018. № 4. С. 173–181.
6. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. : сб. док. М., 1958. 511 с.
7. Епифанов А. Е., Мохов А. Ю. Экономико-правовое содержание продовольственной безопасности Российской Федерации // Закон и право. 2021. № 3. С. 67–71.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 727–728.
9. Епифанов А. Е., Мохов А. Ю. Современные правовые механизмы гарантирования права каждого на питание и обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации // Вестник МГПУ. Сер. «Юридические науки». 2021. № 2 (42). С. 59–73.
10. Епифанов А. Е. К вопросу о сущности и правовой природе государственного контроля и надзора // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 2. С. 13–17.

REFERENCES

1. Shmonin A.V., Semykina O.I. *Prestupleniya ekonomicheskoi napravlenosti: ponyatie i genezis ugolovno zakonodatel'stva: monogr.* [Crimes of an economic orientation: concept and genesis of criminal legislation: monograph]. Moscow, 2013. 466 p.
2. Matskevich I.M. *Mify prestupnogo mira* [Myths of the criminal world]. Moscow, 2014. 368 p.
3. Portnov V.P. *VChK (1917–1922 gg.)* [Cheka (1917–1922)]. Moscow, 1987. 208 p.
4. Mozokhin O.B. *Pravo na repressii: vnesudebnye polnomochiya organov gosudarstvennoi bezopasnosti (1918–1953)* [The right to repression: extrajudicial powers of state security agencies (1918–1953)]. Moscow, 2006. 479 p.
5. Sokolov A.S. The struggle of the All-Russian extraordinary commission bodies against profiteering. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 4, pp. 173–181. (In Russ.).
6. *Iz istorii Vserossiiskoi Chrezvychainoi komissii 1917–1921 gg.: sb. dok.* [From the history of the All-Russian Extraordinary Commission of 1917–1921: collection of documents]. Moscow, 1958. 511 p.
7. Epifanov A.E., Mokhov A.Yu. Modern legal mechanisms for guaranteeing everyone's right to food and ensuring food security in the Russian Federation. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2021, no. 3, pp. 67–71. (In Russ.).
8. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1919 g.* [Collection of legalizations and government orders for 1919]. Moscow, 1943. Pp. 727–728.
9. Epifanov A.E., Mokhov A.Yu. Modern legal mechanisms to guarantee the rights of everyone to nutrition and food security in the Russian Federation. *Vestnik MGPU. Ser. "Yuridicheskie nauki" = Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series "Legal Sciences"*, 2021, no. 2 (42), pp. 59–73. (In Russ.).
10. Epifanov A.E. On the question of the essence and legal nature of state control and supervision. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Dagestan State University*, 2014, no. 2, pp. 13–17. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ ЭПИФАНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

ALEKSANDR E. EPIFANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Problems of the History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Статья поступила 27.05.2024

Научная статья
УДК 340.111.52
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.002

Понятие и сущность правомерного злоупотребления субъективным правом

СВЕТЛАНА АРКАДЬЕВНА СОФРОНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, ur.vipe-35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5079-9293>

ВОЛОГИНА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, kadvipe@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются общетеоретические и нормативные подходы к понятию «правомерное злоупотребление правом», определяются возможные причины и условия существования данного явления, обосновывается объективный характер правомерного злоупотребления правом, исследуются его морально-нравственные аспекты. Определяются возможные негативные последствия на примере изучения практики злоупотребления правом на обращение со стороны осужденных, анализируются возможные средства минимизации его негативных последствий в деятельности государства и общества, в том числе посредством обеспечения эффективного функционирования механизма разрешения споров о праве, а также повышения качества действующего законодательства. Обосновывается значение правового воспитания и правового просвещения для формирования должного уровня правовой культуры.

Ключевые слова: правомерное злоупотребление правом; правоотношение; субъективное право; правовая культура; правосознание.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Софронова С. А., Вологина А. С. Понятие и сущность правомерного злоупотребления субъективным правом // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 3 (27). С. 23–29. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.002.

Original article

Concept and Essence of Legitimate Abuse of Subjective Law

SVETLANA A. SOFRONOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, ur.vipe-35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5079-9293>

ALEKSANDRA S. VOLOGINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, kadrvice@mail.ru

Abstract. The article considers general theoretical and normative approaches to the concept “legitimate abuse of law”, identifies possible causes and conditions for the existence of this phenomenon, substantiates the objective nature of legitimate abuse of law, and studies its moral aspects. The author studies examples of convicts’ abuse of the right to appeal, determines possible negative consequences, and analyzes means of their minimization in activities of the state and society, including by ensuring effective functioning of the mechanism for resolving disputes about law, as well as improving the quality of current legislation. The importance of legal education and legal awareness for the formation of a proper level of legal culture is substantiated.

Key words: lawful abuse of law; legal relationship; subjective law; legal culture; legal awareness.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Sofronova S.A., Vologina A.S. Concept and essence of legitimate abuse of subjective law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 23–29. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.002.

Человек, его права и свободы, согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, являются высшей ценностью. Обязанность государства – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, создание гарантий и условий для реализации прав, свобод и законных интересов.

Но абсолютизация прав, отсутствие ценности паритета между правами отдельного человека и правами сообщества, формализация обязанности уважения к правам другого – все это ведет к проблеме формирования практики, при которой субъект своим действием (бездействием) формально действующие нормы не нарушает, но при этом или причиняет вред, или ставит под угрозу, или препятствует реализации прав и интересов иных субъектов.

В российской юридической науке единого подхода к понятию «правомерное злоупотребление правом» не сложилось. Например, по мнению А. А. Малиновского, злоупотребление правом следует понимать как «способ осуществления субъективного права в противоречии с его назначением, посредством которого субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений» [1, с. 109].

Основной квалифицирующий признак исследуемого явления, согласно предложенному определению, состоит в том, что субъект, «злоупотребляя правом, не выходит за пределы субъективного права» [2, с. 24], реализует свои права исходя из собственных интересов. Следовательно, наличие вредных последствий для иных участников правоотношений – это понятие исключительно субъективное, как, собственно, и сама квалификация конкретного деяния как «злоупотребление правом».

Нормативное закрепление исследуемое понятие получило в гражданском законодательстве [3, с. 44], которым регулируется сфера частноправовых отношений, предполагающая свободу волеизъявления субъектов и регулирование отношений на основе договора.

Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом квалифицируется как «осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав». Отметим, что важным для законодателя является такой критерий, как осознанность деяния, то есть субъект должен осознавать возможные негативные последствия своих действий для иных лиц.

Для определения факта «правомерного злоупотребления правом» актуален вопрос о правовом закреплении дозволенного и возможного поведения, то есть допустимых пределах реализации прав. Правовые пределы реализации прав установлены в п. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации: «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». В п. 5 ст. 10 ГК РФ содержатся дополнительные критерии определения пределов реализации прав, в качестве которых рассматриваются добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий [4, с. 8].

Можно сделать вывод, что в случае с правомерным злоупотреблением правом факт нарушения прав и свобод определяет, прежде всего, сам пострадавший субъект, ориентируясь на собственные интересы.

Особое внимание следует обратить на «добросовестность» и «разумность» как условия обеспечения пределов реализации субъективных прав. В современном обществе сложилась практика достаточно широкого волеизъявления субъектов правоотношений, прежде всего в сфере имущественных отношений, в которых правовые пределы реализации прав и законных интересов устанавливаются на условиях максимальной свободы выбора. Поэтому актуальным вновь становится вопрос о морально-нравственных аспектах регулирования правоотношений.

С учетом указанных аспектов рассматривают злоупотребление правом как «осуществление субъективного права в противоречии с доброй совестью, добрыми нравами и морально-этическими критериями» [2, с. 25].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что правомерное злоупотребление правом – явление объективное, существование которого объясняется прежде всего наличием возможности свободы выбора у субъекта правоотношений, свободой волеизъявления.

В качестве еще одной причины существования данного явления можно определить избыточность нормативного регулирования, сложность восприятия нормативных текстов, противоречивость и пробельность законодательства, что влечет снижение значения правового регулирования, приводит к нарушению требований к исполнению правовых предписаний [5, с. 16].

Поэтому основная задача государства – создать эффективный механизм разрешения спора о праве, для того чтобы субъекты правоотношений, полагающие, что имеет место причинение вреда их правам и свободам в результате злоупотребления правом со стороны иного лица, могли защитить свои интересы.

Например, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2023 № 5-КГ23-57-К2 содержится следующее положение: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны... Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если ус-

матривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались» [6]. Следовательно, суд также берет на себя обязанность выявлять факт недобросовестного поведения, даже если стороны об этом не заявляют, что также является дополнительной гарантией защиты прав.

Как свидетельствует анализ юридической практики, «правомерное злоупотребление правом» – явление межотраслевое, поэтому постепенно формируется юрисдикционная практика защиты и обеспечения интересов субъектов, способы исключения его негативных последствий, в том числе посредством принятия специальных норм, направленных на преодоление данного негативного явления.

В качестве примера можно рассмотреть злоупотребление осужденными правом на обращение. Жалоба является самым распространенным видом обращений, поступающих от осужденных, что подтверждают ежегодные отчеты Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Например, в докладе о реализации прав и свобод человека и гражданина на территории региона и деятельности Уполномоченного по правам человека в Алтайском крае в 2023 г. содержатся следующие данные: 261 обращение поступило к уполномоченному от осужденных, подследственных, а также лиц, обращающихся в их интересах, из них 122 обращения (46,7 %) поступили в интересах одного человека. В ходе проверок условий содержания данного осужденного в следственном изоляторе, исправительной колонии, при личных беседах факты нарушения его прав не подтвердились [7].

При этом следует понимать, что в соответствии с федеральными законами от 18.03.2020 № 48-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» и от 02.05.2006 № 59-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» уполномоченный по правам человека при получении обращения обязан обеспечить объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращения, запросить необходимые для рассмотрения обращения документы и материалы в других государственных органах, органах местного самоуправления и у иных должностных лиц, за исключением судов, органов дознания и органов предварительного следствия; принять меры, направленные на восстановление или защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов гражданина; дать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов.

Следует признать, что большая часть запросов остается, как правило, неудовлетворенной. Например, жалобы граждан на условия содержания в учреждениях УИС традиционно занимают значительную часть от поступающих обращений. В 2022 г., как следует из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, изложенные факты подтвердились лишь в 11,1 % случаях (162 обращения) [8].

В соответствии с ч. 5 ст. 11 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в случае, «если в письменном обращении гражданина содержится вопрос, на который ему неоднократно давались письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями, и при этом в обращении не приводятся новые доводы или обстоятельства ... должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе принять решение о безосновательности очередного

обращения и прекращении переписки с гражданином по данному вопросу при условии, что указанное обращение и ранее направляемые обращения направлялись в один и тот же государственный орган, орган местного самоуправления или одному и тому же должностному лицу. О данном решении уведомляется гражданин, направивший обращение». При этом отметим, что законодатель не квалифицирует данные действия гражданина как злоупотребление правом [9, с. 73].

Как следует из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2010 № 1268-О-О «ч. 5 ст. 11 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” направлена на предотвращение злоупотребления гражданами правом обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления путем многократного направления обращений, совпадающих по своему предмету и основаниям» [10].

В результате факт злоупотребления правом на обращение (жалобу) осужденным подтверждается тогда, когда жалоба направляется более двух раз, то есть «носит систематический характер, в конечном итоге являясь необоснованной и соответственно безрезультативной» [11].

Полагаем, что самым действенным и эффективным правовым средством противодействия и допустимым правовым последствием для лица, допустившего злоупотребления правом, является «полный или частичный отказ в судебном или административном порядке в защите принадлежащего лицу права» [3, с. 49].

Учитывая существование правомерного злоупотребления правом как объективного следствия наличия возможности свободы выбора у субъекта правоотношений, полагаем, что эффективным способом снижения актуальности данной проблемы станет формирование в обществе устойчиво высокого уровня правовой культуры и правосознания.

Основными причинами правомерного злоупотребления правом выступают, как правило, отсутствие уважения к правам и интересам иных лиц, выражающееся в игнорировании их прав, свобод и законных интересов, абсолютизации собственных прав и интересов. Правовое воспитание и правовое просвещение – основные средства формирования необходимого уровня правовой культуры в обществе, так как предполагают непрерывное воздействие «государства и гражданского общества на интеллектуально-волевою сферу личности с целью формирования иерархии ценностей, ориентаций, стимулирования правовой активности индивида» [12, с. 190–191].

Таким образом, «правомерное злоупотребление правом» – это способ осуществления субъективного права в противоречии с его назначением, посредством которого субъект своим недобросовестным действием (бездействием) формально действующие нормы не нарушает, но или причиняет вред, или ставит под угрозу, или препятствует реализации прав и интересов иных субъектов.

Правомерное злоупотребление правом следует рассматривать как объективное следствие расширения правомочий субъектов правоотношений и несовершенства законодательства. Задача государства и общества заключается в том, чтобы, с одной стороны, минимизировать его проявления путем создания эффективного и доступного механизма разрешения споров о праве, а с другой – обеспечить формирование должного уровня правовой культуры общества, основанного на идеях уважения к правам и свободам каждого человека и гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007. 352 с.
2. Беленченко Е. П. Юридическая природа и признаки злоупотребления правом // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 4 (5). С. 23–26.
3. Маслов В. А. К вопросу о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 43–53.
4. Вопленко Н. Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 7–15.
5. Василевич Г. А., Василевич С. Г. Правомерное поведение и злоупотребление правом // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 5–17.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 5-КГ23-57-К2 от 11.07.2023. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2267634 (дата обращения: 21.06.2024).
7. Доклад о реализации прав и свобод человека и гражданина на территории региона и деятельности Уполномоченного по правам человека в Алтайском крае в 2023 году. URL: <http://upch.alregn.ru/upload/iblock/4b6/gyuj59kxhzebyfttiki4u1uwnibsaikc/Доклад%202024.pdf?ysclid=lwnxkn6li2882938333> (дата обращения: 23.06.2024).
8. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2022.pdf> (дата обращения: 24.06.2024).
9. Бурынин С. С. Прекращение переписки как мера противодействия злоупотреблению правом на обращение // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 72–75.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1268-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сударева Ивана Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19102010-n-1268-o-o-ob/> (дата обращения: 23.06.2024).
11. Коробова И. Н., Елисеева Т. Н. Проблемы, возникающие при злоупотреблении осужденными правом на обращение, и возможные пути их решения // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 48–49.
12. Правкина И. Н., Правкин И. В. Правовое воспитание в современном обществе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 188–194.

REFERENCES

1. Malinovskii A.A. *Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)* [Abuse of subjective law (theoretical and legal research)]. Moscow, 2007. 352 p.
2. Belenchenko E.P. Legal nature and signs of the abuse of right. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo = Actual Issues of Modern Science and Society*, 2014, no. 4 (5), pp. 23–26. (In Russ.).
3. Maslov V.A. To the question of the place of violation in the right to the structure of legal behavior. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 43–53. (In Russ.).
4. Voplenko N.N. Abuse of rights as a generic concept of legal science. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5. Yurisprudentsiya = Bulletin of Volgograd State University. Ser. 5. Jurisprudence*, 2011, no. 1 (14), pp. 7–15. (In Russ.).

5. Vasilevich G.A., Vasilevich S.G. Lawful behavior and abuse of law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2022, no. 10, pp. 5–17. (In Russ.).
6. *Opredelenii Verkhovnogo Suda RF No. 5-KG23-57-K2 ot 11.07.2023* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG23-57-K2 of July 11, 2023]. Available at: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2267634 (accessed June 21, 2024).
7. *Doklad o realizatsii prav i svobod cheloveka i grazhdanina na territorii regiona i deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Altaiskom krae v 2023 godu* [Report on the implementation of human and civil rights and freedoms in the region and the activities of the Commissioner for Human Rights in the Altai Krai in 2023]. Available at: <http://upch.alregn.ru/upload/iblock/4b6/gyuj59kxhze6yfttiky4u1uwnibsaikc/Doklad%202024.pdf?ysclid=lwnxkn6li2882938333> (accessed June 23, 2024).
8. *Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2022 god* [Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2022]. Available at: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2022.pdf> (accessed June 24, 2024).
9. Burynin S.S. The termination of correspondence as a measure to combat the abuse of the right to petition. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2020, no. 6, pp. 72–75. (In Russ.).
10. *Opredenenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.10.2010 No. 1268-O-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Sudareva Ivana Mikhailovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chast'yu 5 stat'i 11 Federal'nogo zakona "O poryadke rassmotreniya obrashchenii grazhdan Rossiiskoi Federatsii"* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1268-O-O of October 19, 2010 "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivan M. Sudarev for violation of his Constitutional Rights by Part 5 of Article 11 of the Federal Law "On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation""]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19102010-n-1268-o-o-ob/> (accessed June 23, 2024).
11. Korobova I.N., Eliseeva T.N. Problems that arise when convicts overuse the right to appeal, and possible ways to solve them. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2021, no. 1, pp. 48–49. (In Russ.).
12. Pravkina I.N., Pravkin I.V. Legal education in modern society. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2023, no. 5 (154), pp. 188–194. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СВЕТЛАНА АРКАДЬЕВНА СОФРОНОВА – кандидат юридических наук, доцент, начальник юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ur.vipe-35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5079-9293>

ВОЛОГИНА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА – инспектор отделения комплектования постоянного состава отдела кадров Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kadvipe@mail.ru

SVETLANA A. SOFRONOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, ur.vipe-35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5079-9293>

ALEKSANDRA S. VOLOGINA – Inspector at the Permanent Staff Recruitment Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, kadvipe@mail.ru

Статья поступила 05.07.2024

Научная статья
УДК 343.342.3
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.003

О некоторых перспективных направлениях сотрудничества МВД России и ФСИН России

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ МАТВЕЕВ

Академия управления МВД России, Москва, Россия, Dimon1205M@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0644-3510>

Аннотация. Важным условием реализации функций, возложенных на органы государственной власти, является организация их регулярного взаимодействия между собой. Являясь в недавнем прошлом составной частью Министерства внутренних дел, отечественная пенитенциарная система, возглавляемая ныне Федеральной службой исполнения наказаний, и по сегодняшний день соединена с прежним ведомством крепкими связями. Вызванное практической необходимостью сотрудничество уголовно-исполнительной системы и полиции с каждым годом становится все теснее и многограннее. Результатом систематического взаимодействия между ведомствами стало достижение значительных результатов в противодействии преступлениям, совершаемым на территории пенитенциарных учреждений, в организации конвоирования осужденных и лиц, находящихся под стражей, в профилактике правонарушений среди лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Несмотря на достигнутые показатели, сохраняется потребность в расширении сотрудничества Министерства внутренних дел и Федеральной службы исполнения наказаний по таким направлениям, как профилактика правонарушений, организация силового сопровождения специальных мероприятий и противодействие экстремизму.

Ключевые слова: МВД России; ФСИН России; сотрудничество; взаимодействие; осужденные; экстремизм; специальные подразделения.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Матвеев Д. О. О некоторых перспективных направлениях сотрудничества МВД России и ФСИН России // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 30–36. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.003.

Original article

On Some Promising Areas of Cooperation between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service

DMITRII O. MATVEEV

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, Dimon1205M@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0644-3510>

© Матвеев Д. О., 2024

Abstract. For public authorities to successfully implement their functions, they should interact on a regular basis. Recently being an integral part of the Ministry of Internal Affairs, the domestic penitentiary system, now headed by the Federal Penitentiary Service, is still connected with the former department. Cooperation between the penitentiary system and the police, caused by practical necessity, is becoming closer and more multifaceted. Systematic interaction between the departments led to the achievement of significant results in countering crimes committed on the territory of penitentiary institutions, organizing the escort of convicts and persons in custody, preventing offenses among persons registered with criminal executive inspections. Despite the achieved indicators, there is still a need to expand cooperation between the Ministry of Internal Affairs and the Federal Penitentiary Service in such areas as crime prevention, organization of force support for special events and countering extremism.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia; Federal Penitentiary Service; cooperation; interaction; convicts; extremism; special units.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Matveev D.O. On some promising areas of cooperation between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 30–36. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.003.

Нормальное функционирование любой целостной системы и выполнение ею своего предназначения возможны лишь при согласованной работе всех входящих в ее состав частей. Отсутствие координации между отдельными элементами системы, напротив, даже при наличии большого потенциала каждого из них в отдельности, не позволит достичь намеченной цели, как, например, это было показано в басне всемирно известного русского писателя-баснописца Ивана Андреевича Крылова «Лебедь, рак и щука». Являясь элементами такой огромной многоуровневой системы, как государство, органы государственной власти также вынуждены взаимодействовать друг с другом для достижения общегосударственных целей. Нельзя при этом думать, что качество и интенсивность взаимодействия между всеми ведомствами одинаковы. Взаимоотношения одних органов носят нерегулярный, спорадический характер. Коммуникации между другими органами более устойчивые, но могут выражаться в форме комменсализма – такой формы взаимодействия, когда пользу от взаимоотношений извлекает только одна сторона. Однако наиболее распространенной разновидностью взаимодействия, встречающейся между государственными органами (в том числе и в нашей стране), является сотрудничество, под которым понимается совместная деятельность, которая строится как на принципах согласованности, единства мнений и слаженности действий, систематичности и устойчивости, так и на принципах взаимного партнерства и взаимного доверия, взаимной заинтересованности, поддержки, позитивного и созидательного взаимодействия [1].

Нетрудно догадаться, что взаимодействие таких правоохранительных органов, как Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральная служба исполнения наказания Российской Федерации являет собой пример именно сотрудничества. С момента образования в 1879 г. самостоятельного органа, осуществлявшего руководство местами заключения (на тот момент – Главное тюремное управление), данное ведомство (за исключением небольших периодов времени) являлось органичной частью Министерства (Наркомата) внутренних дел, функционирующей в тесной взаимосвязи с другими службами. После передачи в 1998 г. уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) из состава МВД

России в ведение Министерства юстиции Российской Федерации ни о каком другом виде взаимодействия, кроме как сотрудничество, не могло идти и речи.

Следует отметить, что обусловленное насущной потребностью в момент разделения сотрудничество двух ведомств с каждым годом становилось все теснее и многограннее. Результатом осознания плодотворности совместной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, конвоированию осужденных и лиц, заключенных под стражу, профилактике правонарушений стало расширение дальнейшего взаимодействия, принятие нормативных правовых актов, регламентирующих данный процесс. В силу переплетения интересов и осуществления тесной коммуникации двух ведомств в различных сферах невозможно перечислить все направления, по которым осуществляется сотрудничество. Вместе с тем авторами не раз предпринимались попытки назвать наиболее важные из них. Так, Н. С. Малолеткина основными считает следующие направления:

1. Сотрудничество в сфере осуществления оперативно-розыскной деятельности.

2. Совместная профилактическая работа по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, преступлений и других правонарушений.

3. Осуществление административного надзора за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы.

4. Сотрудничество в сфере готовности к действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций, ликвидации последствий при стихийных бедствиях на объектах, принадлежащих ФСИН России [2].

Помимо вышеуказанных направлений МВД России и ФСИН России в настоящее время сотрудничают в следующих сферах:

1. Реализация международных договоров Российской Федерации о реадмиссии.

2. Исполнение принятых Минюстом России решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы, и вынесенных ФСИН России решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, осужденных за совершение умышленного преступления.

3. Конвоирование осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей.

4. Розыск и задержание лиц, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок.

5. Медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение сотрудников МВД России и ФСИН России, а также лиц, уволенных со службы.

6. Обмен опытом служебной деятельности в рамках проведения совместных учебно-методических и научных мероприятий.

7. Сотрудничество по иным вопросам.

Также МВД России и ФСИН России коммуницируют в рамках многостороннего взаимодействия с иными правоохранительными органами. Здесь можно назвать такие области взаимодействия, как информационное обеспечение сотрудничества по линии Интерпола; борьба с преступностью, координируемая прокуратурой; формирование и ведение информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации, и иные направления.

Как видим, область сотрудничества МВД России и ФСИН России на сегодняшний день достаточно широка, что говорит об особом характере взаимоотношений двух ведомств. Подтверждением этому служит и тот факт, что руководители данных ведомств на регулярной основе проводят совместные заседания коллегий по различным вопросам. Так, на последней коллегии, состоявшейся 26 октября 2022 г., обсуждались вопросы совместной работы оперативных аппаратов двух ведомств в сфере профилактики правонарушений. Выступая с докладом, министр внутренних дел генерал полиции В. А. Колокольцев высоко оценил уровень сложившихся взаимоотношений МВД России и ФСИН России. Из статистических данных, приведенных им в ходе выступления, следует, что в течение последних пяти лет удвоилось число преступлений, раскрытых при содействии сотрудников пенитенциарной системы. В 2021 г. этот показатель составил более 40 тысяч. Со слов министра, положительная динамика сохранялась и в 2022 г. [3].

Учитывая все вышесказанное, можно с уверенностью говорить, что за всю историю взаимоотношений ФСИН России и МВД России уровень сотрудничества между двумя ведомствами в настоящий момент находится на высоком уровне. Кроме того, имеются все предпосылки к тому, что в дальнейшем он будет только расти.

Практика назначения уголовных наказаний свидетельствует о том, что с каждым годом увеличивается количество лиц, которым по приговору суда назначается наказание, не связанное с лишением свободы. Так, в 2020 г. к наказаниям без изоляции от общества были осуждены 393 157 чел. В 2021 г. таких лиц было уже 415 092, а в 2022 г. – 417 717 [4]. Согласно действующему законодательству исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, возложено на уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ). Как пишет В. И. Кузнецов, в настоящее время в структуру ФСИН России входит 81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 1348 их филиалов с количеством сотрудников – 10 065 чел. По утверждению автора, один сотрудник УИИ вынужден осуществлять контроль за 46 лицами, осужденными к наказаниям без изоляции от общества [5]. Представляется, что при таком соотношении сотрудников УИИ к осужденным говорить о полноценном контроле за соблюдением установленных запретов и ограничений поднадзорными лицами не приходится. В 2012 г. был принят совместный приказ МВД России и ФСИН России, направленный на регулирование взаимодействия двух ведомств в рамках предупреждения преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в УИИ. Вместе с тем только за 2021 г. данные лица совершили повторно 25 991 преступление, что свидетельствует о недостаточном уровне принимаемых мер. В этой связи одним из направлений развития сотрудничества двух ведомств должно стать совершенствование мер предупреждения правонарушений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

Следующим перспективным направлением сотрудничества, на наш взгляд, может стать привлечение на постоянной основе отделов специального назначения ФСИН России органами внутренних дел для оказания силовой поддержки при проведении оперативно-разыскных мероприятий и процессуальных действий. До недавнего времени в структуре органов внутренних дел функционировали отряды специального назначения «Гром», задачей которых являлась силовая поддержка оперативных подразделений полиции. Однако в июле 2023 г. на совещании у Президента Российской Федерации было принято решение в связи со сложной внешнеполитической обстановкой и необходимостью сконцентрировать специальные подразделения в одном ведомстве переподчинить отряды специального назначения «Гром» Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федера-

ции. 16 октября 2023 г. решение было исполнено. Таким образом, на сегодняшний день собственные подразделения специального назначения у МВД России отсутствуют. Вместе с тем современная преступность с каждым годом становится все опаснее, злоумышленники часто вооружены и представляют большую угрозу гражданам и сотрудникам полиции. В таких условиях проведение оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий без содействия специальных подразделений часто становится невозможным. Единственным решением в сложившейся ситуации является привлечение для оказания силовой поддержки специальных подразделений, функционирующих в составе иных правоохранительных органов. Необходимо отметить, что в период формирования и становления отрядов специального назначения «Гром» существовала практика привлечения подразделений СОБРа и ОМОНа, находящихся в составе Росгвардии, для оказания силового сопровождения в решении задач, стоящих перед МВД России. Однако с началом проведения специальной военной операции сотрудники вышеуказанных подразделений стали принимать в ней активное участие и поэтому в настоящее время не могут в должном объеме выполнять эти задачи. Мы считаем, что в сложившихся условиях функцию по силовому сопровождению деятельности сотрудников полиции могли бы эффективно обеспечивать отделы специального назначения ФСИН России. Несмотря на то что в задачи отделов специального назначения ФСИН России входит обеспечение безопасности объектов и работников УИС, сотрудники данного специального подразделения – это обученные, разносторонне развитые бойцы, готовые к выполнению служебных задач в различной служебной и боевой обстановке. В рамках служебной подготовки сотрудники спецподразделений ФСИН России получают навыки владения холодным и огнестрельным оружием, штурма помещений и захвата вооруженных преступников, приобретают основы взрывотехники и высотно-штурмовой работы, осваивают приемы борьбы и рукопашного боя. Более того, многие бойцы ранее проходили службу в зоне боевых действий и на практике применяли имеющиеся знания. Представляется, что, имея такую подготовку, сотрудники отделов специального назначения ФСИН России могут профессионально выполнять задачи по силовому сопровождению мероприятий, проводимых подразделениями полиции.

Еще одним важным направлением сотрудничества, требующим совершенствования, является взаимодействие в сфере противодействия экстремизму среди осужденных к лишению свободы, обвиняемых и подозреваемых, находящихся под стражей, и сотрудников уголовно-исполнительной системы. В 2022 г. в Российской Федерации было совершено 1566 преступлений экстремистской направленности, что на 48,2 % больше, чем в 2021 г. К уголовной ответственности за совершение таких преступлений было привлечено 1078 чел. [6]. Очевиден тот факт, что большинство данных лиц будут отбывать наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях и СИЗО. Несомненно, изоляция лиц, совершивших экстремистские преступления, от общества способствует обеспечению большей безопасности граждан нашей страны от преступных посягательств. Вместе с тем высокая концентрация в местах лишения свободы радикально настроенных осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых несет в себе потенциальную угрозу дестабилизации обстановки внутри исправительных учреждений и СИЗО. Как показывает практика, сам факт отбывания наказания не является для экстремистов препятствием для пропаганды радикальных взглядов среди других осужденных и лиц, находящихся под стражей, и они нередко продолжают свою противоправную деятельность на территории учреждений ФСИН России, втягивая в свои ряды новых adeptов. Подтверждением тому являются многочисленные примеры создания подпольных ячеек экстремистской направленности. Вовлече-

нию осужденных в ряды экстремистского сообщества в немалой степени способствует испытываемый ими серьезный психологический стресс, вызванный самим фактом осуждения, вследствие чего они становятся легко доступными для идеологов экстремистских взглядов. Следует отметить, что проблема противодействия распространению пенитенциарного экстремизма не первый год волнует ученых-юристов и практических работников. Это нашло свое отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г., одной из задач которой является усиление мер, направленных на недопущение распространения экстремизма в учреждениях УИС. Однако, несмотря на все прилагаемые усилия, данная проблема остается актуальной. Мы считаем, что основным средством ее решения должна явиться более глубокая интеграция с иными правоохранительными органами, имеющими опыт успешного противодействия экстремизму. Одним из таких ведомств является МВД России, в составе которого с 2008 г. функционирует специализированное подразделение по борьбе с радикализмом и нетерпимостью – Главное управление по противодействию экстремизму. Нет сомнений, что богатый опыт противодействия правонарушениям экстремистской направленности, приобретенный за предыдущие годы МВД России, позволит более эффективно бороться с этим опасным явлением на территории учреждений уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, сотрудничество МВД России и ФСИН России обусловлено потребностью эффективного выполнения функций, возложенных на данные правоохранительные органы. На сегодня между ведомствами установлены прочные и глубокие связи, они взаимодействуют в самых различных сферах. Кроме этого, существует необходимость дальнейшего расширения сотрудничества, в частности в сфере предупреждения правонарушений среди лиц, состоящих на учете в УИИ, в рамках оказания силовой поддержки при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, по противодействию пенитенциарному экстремизму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кононов А. М., Петрова О. В. К вопросу о применении понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» в соглашениях МВД России и его территориальных органов на региональном уровне с государственными органами и негосударственными организациями // Научный портал МВД России. 2020. № 1. С. 117–125.
2. Малолеткина Н. С. Вопросы взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с другими правоохранительными органами // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2019. № 1. С. 62–66.
3. Директор ФСИН России Аркадий Гостев принял участие в совместном заседании коллегий Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний // https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=651534 (дата обращения: 15.10.2023).
4. О демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2021 года и за 12 месяцев 2022 года. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.10.2023).
5. Кузнецов В. И. О необходимости совершенствования деятельности учреждений уголовно-исполнительных инспекций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // «EUROPEAN RESEARCH» : сб. статей XXXIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2021. С. 123–125.
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 15.10.2023).

REFERENCES

1. Kononov A.M., Petrova O.V. On the application of the concepts of “interaction” and “cooperation” in agreements of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its territorial bodies on regional level with state authorities and nongovernmental organization. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2020, no. 1, pp. 117–125. (In Russ.).
2. Maloletkina N.S. The issues of interaction of the Federal Penitentiary Service with other law enforcement agencies. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 1, pp. 62–66. (In Russ.).
3. *Direktor FSIN Rossii Arkadii Gostev prinyal uchastie v sovmestnom zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii* [Director of the Federal Penitentiary Service Arkadii Gostev took part in a joint meeting of the boards of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Penitentiary Service]. Available at: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=651534 (accessed October 15, 2023).
4. *O demograficheskikh priznakakh osuzhdennykh po vsem sostavam prestuplenii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii za 12 mesyatsev 2021 goda i za 12 mesyatsev 2022 goda* [On demographic characteristics of convicts in all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 12 months of 2021 and for 12 months of 2022]. Available at: <http://www.cdep.ru> (accessed October 15, 2023).
5. Kuznetsov V.I. *O neobkhodimosti sovershenstvovaniya deyatel'nosti uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii “EUROPEAN RESEARCH”*: sb. statei XXXIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [On the need to improve activities of institutions of criminal executive inspections of the penal system of the Russian Federation “EUROPEAN RESEARCH”: collection of articles of the XXXIII International scientific and practical conference]. Penza, 2021. Pp. 123–125. (In Russ.).
6. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2022 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2022]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/> (accessed October 15, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ МАТВЕЕВ – адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, Москва, Россия, Dimon1205M@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0644-3510>

DMITRII O. MATVEEV – Adjunct at the Faculty of Training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia, Dimon1205M@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0644-3510>

Статья поступила 22.11.2023

Научная статья

УДК 347.9

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.004

Правовое регулирование трансграничного оборота судебных актов как объекта признания и исполнения иностранного решения в цивилистическом процессе Российской Федерации

МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ПЕЛЕНИЦЫНА

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, pelemar@rambler.ru

АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА ЯЦЕНКО

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, yatsenkoao@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия в области гражданской юрисдикции различных государств в рамках трансграничного оборота судебных актов. Для признания и исполнения иностранного судебного решения необходимы два обстоятельства: это должен быть акт, во-первых, принятый судом, во-вторых, вынесенный по существу спора. Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов являются важной гарантией защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц и необходимой частью эффективной системы международного правового сотрудничества. Одним из основных вопросов правового регулирования трансграничного оборота судебных актов является определение объекта признания и исполнения.

Ключевые слова: иностранное судебное решение; исполнение иностранного судебного решения; объект; цивилистический процесс; судебный акт; юрисдикция.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Пеленицына М. В., Яценко А. О. Правовое регулирование трансграничного оборота судебных актов как объекта признания и исполнения иностранного решения в цивилистическом процессе Российской Федерации // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 3(27). С. 37–43. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.004.

Original article

Legal Regulation of Cross-Border Turnover of Judicial Acts as an Object of Recognition and Enforcement of a Foreign Decision in the Civil Procedure of the Russian Federation

MARINA V. PELENITSYNA

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, pelemar@rambler.ru

ANASTASIYA O. YATSENKO

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, yatsenkoao@mail.ru

Abstract. The article considers the specifics of interaction in the field of civil jurisdiction of various states within the framework of cross-border circulation of judicial acts. Two circumstances are necessary for the recognition and enforcement of a foreign court decision. So, it must be an act, first, adopted by the court, and second, rendered on the merits of the dispute. Recognition and enforcement of foreign court decisions are an important guarantee of the protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities and a necessary part of the effective system of international legal cooperation. Defining the object of recognition and enforcement is one of the main issues of legal regulation of cross-border turnover of judicial acts.

Key words: foreign court decision; execution of a foreign court decision; object; civil procedure; judicial act; jurisdiction.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Pelenitsyna M.V., Yatsenko A.O. Legal regulation of cross-border turnover of judicial acts as an object of recognition and enforcement of a foreign decision in the civil procedure of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 37–43. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.004.

Анализ межнациональных актов указывает на то, что это преимущественно судебные решения, а уполномоченным субъектом вынесения решения является иностранный государственный суд. В некоторых правовых договорах раскрывается, что следует понимать под судебным органом. В качестве примера можно привести Договор между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (заключен в г. Москве 06.11.2008), но, к сожалению, подобного рода актов единицы. Следовательно, при интеграции иностранного судебного решения необходимо руководствоваться собственным опытом и познаниями в сфере юриспруденции.

Под термином «суд», на наш взгляд, следует понимать независимый орган суверенной власти, который входит в судебную систему государства и осуществляет разрешение (рассмотрение) споров, при этом материально-техническое обеспечение деятельности осуществляется за счет средств публичного бюджета. Следуя вышеизложенной логике, к государственным органам с судебными функциями не должны относиться нотариусы, ад-

министративные ведомства, регистраторы и различные негосударственные органы, однако подобная дифференциация не исключает возможность признания и исполнения их актов, если соответствующее трансграничное соглашение позволяет это осуществить.

В мире существуют страны, в которых наряду или вместо светских судов в обществе присутствуют религиозные суды. В связи с этим возникает вопрос о допустимости интеграции на территории России вынесенных этими органами решений. Проблемным вопросом выступает статус таких религиозных судов, так как в отечественном правосознании судебная власть носит светский характер. Рассмотрим данное обстоятельство на примере Израиля, где отсутствует формальное закрепление религии в качестве общеобязательной, при этом она и не отделена полностью от государственной власти. Так, деятельность раввинских судов регулируется законом об их полномочиях (1953). Публичное право к их исключительной компетенции относит отправление правосудия по вопросам брака и развода среди евреев, к числу которых принято относить граждан и жителей страны. Они могут выступать и нерезидентами публично-правового образования. Кроме того, раввинским судам подведомственны дела по опекунству, алиментам, содержанию бывших членов семьи и др. В своей деятельности данные суды руководствуются Торой, а меры государственного воздействия гарантируют принудительное исполнение вынесенных постановлений. Еще одной особенностью является наличие целой системы раввинских судов, управлением и введением которых занимаются централизованные государственные органы. Все это позволяет причислить раввинские суды к израильским государственным органам специальной юрисдикции. К решению органа с подобным статусом допускается применение отечественных процессуальных норм, в частности, в силу ст. 415 ГПК РФ можно признать ряд решений по брачной категории дел. Озвученный вывод можно подкрепить и с позиции доктрины. Так, Э.-А. Бартен утверждал, что если церковная (религиозная) юрисдикция обладает наделенным государством правомочием выносить решения по спорам, то ее нужно считать исполнителем суверенитета данного государства по гражданским делам [1, с. 412]. Возвращаясь к Израилю, также отметим, что иные разрешенные дела, кроме некоторых дел брачного характера, ввиду отсутствия соглашения между Россией и Израилем, не подлежат признанию и исполнению. Исходя из сказанного, акты религиозных судебных инстанций могут являться объектом интеграции, если государство обеспечивает их и законодательство места вынесения наделяет такой орган исключительной компетенцией, тем самым делегирует функции по реализации публичного суверенитета.

В противовес Израилю рассмотрим институт аксакалов в Кыргызской Республике, который также является представителем неклассического судебного органа и регулируется законом Киргизии от 05.07.2002 № 113 «О судах аксакалов» (далее – Закон о судах аксакалов). Согласно ст. 1, 4 суд аксакалов следует считать органом народной юстиции, который создается на добровольных началах и наделен государством некоторыми функциями по отправлению правосудия, в частности, по разрешению ряда гражданских споров. Во-вторых, данный суд не является юридическим лицом, но регистрируются органами местного самоуправления. В-третьих, в основу деятельности положен принцип посредничества (медиаторства), так как решение будет принято, если не было достигнуто примирение сторон по имущественным и семейным делам. В соответствии со ст. 3 суд аксакалов действует путем убеждения, общественного воздействия, достижения примирения сторон. В-четвертых, ст. 17 указывает на отсутствие исключительной подведомственности при рассмотрении споров. Кроме того, они не образуют систему, их полномочия дублируются в местных судах. Если провести параллели, то данный судебный орган имеет много общих

черт с третейскими судами. Например, согласно ст. 32 Закона о судах аксакалов при отказе в добровольном исполнении вынесенного решения по заявлению заинтересованной стороны районный или городской суд вправе вынести исполнительный лист. Кроме того, ст. 36 указывает на возможность финансирования его деятельности средствами юридических лиц и граждан Киргизии. Таким образом, суд аксакалов является органом альтернативного правосудия, обладающим властными полномочиями в некоторых направлениях своей деятельности в силу национальных традиций. Поэтому его решения нельзя приравнять к решениям государственного суда, что не дает возможность использовать ст. 415 ГПК РФ, как было продемонстрировано на примере решения раввинского суда. Однако ст. 50 Договора между Российской Федерацией и Киргизией о правовой помощи позволяет признать решения, не нуждающиеся в последующей реализации, где суды аксакалов выступают в роли «других учреждений по гражданским и семейным делам» [2].

Завершая рассмотрение критерия, отметим следующее: по общему правилу решения иностранного суда (независимо от его названия, характеристики) признаются и исполняются на основании внутреннего российского законодательства и/или международного соглашения; итоги деятельности иных квазисудебных учреждений, которые не входят в судебную систему в качестве государственного судейского органа, могут быть интегрированы лишь при прямом указании на эти образования в соответствующих международных договорах.

Проблема процессуальной формы выражения объекта признания и исполнения, на наш взгляд, является наиболее острой. Международные соглашения используют различные терминологические дефиниции, такие как «судебное решение», «акт иностранного суда», «решение компетентного органа» и т. п., при этом зачастую не раскрывая их сущности. Кроме того, ранее установленное несовпадение между «судебным решением», закрепленное в гл. 31 АПК РФ, 45 ГПК РФ, с другими процессуальными нормами может усугубить эту проблему, что обосновывает необходимость исследовать процессуальную форму.

В первую очередь для определения объекта интеграции необходимо использовать норму права международного соглашения. Обращение к договорным положениям связано с тем, что в некоторых статутах содержатся нормы-разъяснения, с помощью которых можно определить смысл понятия «судебное иностранное решение». Так, Договор России и Китая о правовой помощи в п. 2 ст. 16 содержит толкование для каждой из сторон: в России под «судебным решением» понимаются решения, определения, постановление суда, мировое соглашение, утвержденное судом и постановление по существу; для китайского правопорядка – решение, определение, постановление и акт примирения [3]. Если государства не установили дефинитивные нормы или их содержание носит обобщенный характер, следует обратиться к отечественному толкованию. Российское процессуальное законодательство также не лишено проблем в рассматриваемой области. Следовательно, целесообразно подробнее рассмотреть возможность интеграции различных категорий судебных актов.

Несмотря на различные формулировки, содержащиеся в международных соглашениях, в круг признаваемых и исполняемых актов включаются «классические» судебные решения, с помощью которых судебные органы заканчивают рассматривать спор по существу и разрешают его. В данный перечень следует внести и уголовные приговоры в части разрешения материально-имущественных требований в форме возмещения ущерба, причиненного преступлением. Выдвинутый тезис обосновывается тем, что приговор по своей сути является также итоговым судебным решением, так как в его содержании от имени государства разрешается публичный уголовно-правовой спор между защитой и обвинени-

ем. Анализ гл. 22 ГПК РФ указывает на то, что заочное решение является разновидностью «классического» решения, которое от обычного отличается только способом вынесения (в судебном заседании не участвует надлежаще уведомленный ответчик) и имеет особый порядок отмены. Вместе с тем по правовым последствиям они идентичны, следовательно, заочное решение может выступать в роли объекта признания и исполнения, если международным договором допускаются такие действия по отношению к простым решениям. Судебная практика подтверждает возможность признавать заочные судебные решения. Так, Московский городской суд, используя нормы Минской конвенции, реализовал заочное решение районного белорусского суда о взыскании с российского общества с ограниченной ответственностью заработной платы в пользу физического лица [4]. Несмотря на то, что в арбитражном процессе отсутствует институт заочного решения, судебно-арбитражная практика допускает признание и исполнение подобных актов. Так, в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.04.2011 г. № 17463/10 указано, что заочное решение иностранного государства не противоречит публичному порядку России и допускается исполнение акта, поскольку в ч. 2, 3 ст. 156 АПК РФ предоставлено аналогичное право участникам разбирательства известить суд о возможности рассмотрения дела в их отсутствие, а суду – рассмотреть данное дело.

Напомним, что судебный акт, фиксирующий волю сторон на примирение, именуется по общему правилу определением о прекращении производства по делу в связи с заключением сторонами мирового соглашения или просто определением об утверждении. Можно утверждать, что судебные акты об утверждении по сути приравниваются к обычным судебным решениям, так как имеют общий механизм принудительного исполнения в случае невыполнения сторонами предписаний, подтверждают разрешенный конфликт, содержат общеобязательные предписания. Также нельзя не согласиться с мнением Р. Зайцева о том, что интеграция актов об утверждении преследует ту же цель, что и судебное решение – восстановить и защитить нарушенное право, поэтому отказ в признании и исполнении по причине частичного отличия от судебного решения является нелогичным [5, с. 128]. Следовательно, определения иностранных судов, которые легализируют статус мировых соглашений, выступают в роли объекта признания и исполнения. Приравнивание актов способствует преодолению правового пробела в арбитражном процессе, так как в нормах АПК РФ отсутствует упоминание о возможности исполнения иностранных мировых соглашений, однако наряду с гражданским судопроизводством сохраняется зависимость от наличия международного соглашения, позволяющего признавать судебные акты. Примером из судебной практики послужит дело, по факту которого ТОО обратилось в российский арбитражный суд о признании и приведении в исполнение определения об утверждении мирового соглашения, принятого специализированным межрайонным экономическим судом города Алматы. По результатам рассмотрения заявления судья, применив нормы Киевского соглашения, выдал исполнительный лист по условиям определения об утверждении мирового соглашения [6].

Еще одним наиболее важным судебным актом в форме процессуального определения выступает определение об обеспечительных мерах. Ответ на вопрос об их признании и исполнении лежит на поверхности, по сравнению с вышерассмотренным определением. Согласно п. 26 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 07.07.2004 № 78 определения, содержащие как предварительные меры обеспечения, так и само обеспечение иска, по общему правилу не подлежат реализации в российской правовой системе, поскольку по своей природе они являются некон-

чательными судебными актами. Судебная практика полностью следует данному разъяснению высшей судебной инстанции. Однако существуют международные договоры, которые прямо предусматривают применение обеспечительных мер. Так, ст. 5 Договора России с Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским делам допускает взаимный арест имущества в целях обеспечения иска [7].

Таким образом, одной из особенностей механизма правового регулирования межгосударственного оборота судебных актов выступает определение объекта признания и исполнения. По причине того, что международному договору принадлежит главенствующая роль в регулировании этой сфере, характеристика судебных актов содержится первоначально в самих положениях соглашения. При недостаточности (неточности) или вовсе отсутствии закрепления подобных признаков национальное право способствует преодолению пробела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бартен Э. Основы международного частного права согласно французскому законодательству и судебной практике : в 3 т. / пер. с франц. Д. В. Тариканова. М., 2019. Т. 1. С. 557.
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключен в г. Бишкеке 14.09.1992) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 3. С. 16.
3. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (заключен в г. Пекине 19.06.1992) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 7. Ст. 612.
4. Определение Московского городского суда от 04.06.2019 по делу № 3м-66/2019. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil-exec/details/414db371-bf51-4d81-a547-82642f1b62c5> (дата обращения: 16.04.2023).
5. Зайцев Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / науч. ред. В. В. Ярков. М., 2007. С. 128.
6. Определение Арбитражного суда Московской области от 22.04.2021 по делу № А41-78505/20. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/a0ab1465-f59a-4f36-bbad-800f778c7dff/f7ee67c7-b4a6-4e33-b844-6b8c00465e97/A41-78505-2020__20210422.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 16.04.2023).
7. Договор между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (заключен в г. Улан-Батор 20.04.1999) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 22. Ст. 2490.

REFERENCES

1. Barten E. *Osnovy mezhdunarodnogo chastnogo prava soglasno frantsuzskomu zakonodatel'stvu i sudebnoi praktike: v 3 t. T. 1* [Fundamentals of private international law according to French legislation and judicial practice: in 3 volumes. Volume 1]. Transl. from French by Tarikanov D.V. Moscow, 2019. P. 557. (In Russ.).
2. The Agreement between the Russian Federation and the Republic of Kyrgyzstan on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters (Concluded in Bishkek on September 14, 1992). In: *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of international treaties]. 1995. No. 3. P. 16. (In Russ.).
3. The Agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China on legal assistance in civil and criminal matters (Concluded in Beijing on 06/19/1992). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2013. No. 7. Art. 612. (In Russ.).

4. *Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 04.06.2019 po delu No. 3m-66/2019* [Ruling of the Moscow City Court of June 4, 2019 in case No. 3m-66/2019]. Available at: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil-exec/details/414db371-bf51-4d81-a547-82642f1b62c5> (accessed April 16, 2023).
5. Zaitsev R.V. *Priznanie i privedenie v ispolnenie v Rossii inostrannykh sudebnykh aktov* [Recognition and enforcement of foreign judicial acts in Russia]. Ed. by Yarkov V.V. Moscow, 2007. P. 128.
6. *Opredelenie Arbitrazhnogo suda Moskovskoi oblasti ot 22.04.2021 po delu No. A41-78505/20* [Ruling of the Arbitration Court of the Moscow Oblast of April 22, 2021 in case no. A41-78505/20]. Available at: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/a0ab1465-f59a-4f36-bbad-800f778c7dff/f7ee67c7-b4a6-4e33-b844-6b8c00465e97/A41-78505-2020__20210422.pdf?isAddStamp=True (accessed April 16, 2023).
7. Agreement between the Russian Federation and Mongolia on legal assistance and legal relations in civil and criminal matters (concluded in Ulaanbaatar on 04/20/1999). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2008. No. 22. Art. 2,490. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ПЕЛЕНИЦЫНА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, pelemar@rambler.ru

АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА ЯЦЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, yatsenkoao@mail.ru

MARINA V. PELENITSYNA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Civil and Arbitration Proceedings of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Associate Professor, Simferopol, Russia, pelemar@rambler.ru

ANASTASIYA O. YATSENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil and Arbitration Proceedings of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, yatsenkoao@mail.ru

Статья поступила 16.05.2023

Научная статья
УДК 342.951
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.005

О реализации пробации в деятельности групп социальной защиты осужденных исправительных учреждений

КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА СОЛОВЬЕВА

ИК-5 ГУФСИН России по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия, rey.ksenya@mail.ru

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ДЕРБИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Аннотация. В статье обозначены трудности, которые возникли в практической деятельности сотрудников различных подразделений исправительных учреждений, прежде всего сотрудников групп социальной защиты осужденных, в сфере пробации. Сформулированы предложения, способствующие повышению эффективности реализации пробации. В частности, необходима корректировка отдельных процедурных сроков, связанных с реализацией мероприятий в сфере пробации. Внесено предложение по разработке примерной программы курсов подготовки осужденных к освобождению. Даны рекомендации по улучшению взаимодействия в сфере пробации с различными органами публичной власти.

Ключевые слова: исправительные учреждения; группа социальной защиты осужденных; рецидивная преступность; пробация; соблюдение сроков; обучение осужденных; взаимодействие с органами публичной власти.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Соловьева К. М., Дербина О. В. О реализации пробации в деятельности групп социальной защиты осужденных исправительных учреждений // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 44–49. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.005.

Original article

On the Implementation of Probation in the Activities of Convict Social Protection Groups in Correctional Institutions

KSENIYA M. SOLOV'YEV

Correctional Facility No. 5 of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service in the Nizhny Novgorod Oblast, Nizhny Novgorod, Russia, rey.ksenya@mail.ru

© Соловьева К. М., Дербина О. В., 2024

OL'GA V. DERBINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Abstract. The article outlines difficulties that have arisen in the practical activities of employees of various departments of correctional facilities, primarily employees of convict social protection groups, in the field of probation. It presents proposals to raise probation effectiveness. In particular, it is necessary to adjust certain procedural deadlines related to the implementation of measures in the field of probation. It is proposed to develop an approximate program of release training courses for convicts. Recommendations are given to improve cooperation in the field of probation with various public authorities.

Keywords: correctional facilities; convict social protection group; recidivism; probation; compliance with deadlines; training of convicts; interaction with public authorities.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Solov'eva K.M., Derbina O.V. On the implementation of probation in the activities of convict social protection groups in correctional institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 44–49. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.005.

Статистические данные, представленные МВД России, Генпрокуратурой России, свидетельствуют о том, что состояние преступности на территории Российской Федерации является относительно стабильным. Так, в 2023 г. сохранилась тенденция к снижению количества зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений. По сравнению с 2022 г. их стало меньше на 1 % [1]. Вместе с тем стабильно высоким остается уровень рецидивной преступности. Несмотря на некоторое снижение количества повторно совершенных преступлений в абсолютном выражении их доля в структуре предварительно расследованных преступлений составила около 60 % [2].

Профилактика рецидива является одним из первостепенных направлений деятельности правоохранительных органов. Данное обстоятельство связано прежде всего с тем, что лица, неоднократно совершающие преступления, часто решительно настроены на устойчивое неприятие и противостояние общепринятым нормам общества [3, с. 388].

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. одной из причин рецидивной преступности являются недостатки в организации работы по ресоциализации лиц, отбывших наказание, оказании помощи освобожденным и контроле за их поведением.

Необходимость решения проблем рецидивной преступности, значимость индивидуально-профилактической и социально-реабилитационной работы с осужденными обусловили создание в России института пробации.

Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» вступил в силу с 1 января 2024 г. В целях реализации указанного закона был принят приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»».

Безусловно, изменение правового регулирования вызвало достаточно большое количество вопросов (например, каким должен быть результат постепенной пробации, что значит «оказать содействие» и др.) [4]. В науке не сложилось единого подхода к раскрытию сущности пробации. Имеются разные оценки введения института пробации в России. Обсуждается вопрос и о видах пробации [5; 6].

Не вдаваясь в теоретические дискуссии, обозначим, какие трудности возникли в практической деятельности служащих различных подразделений исправительных учреждений, прежде всего сотрудников групп социальной защиты осужденных, поскольку именно на них возложены функции по реализации большей части мероприятий в сфере пробации.

В первую очередь, следует указать на увеличение сроков подготовки осужденных к освобождению и оказанию им содействия в трудовом и бытовом устройстве. В соответствии с правилами, установленными приказом Минюста России от 29.11.2023 № 350, указанный срок по общему правилу составляет не менее 9 месяцев до истечения срока наказания (п. 5 Порядка оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве). Вместе с тем срок отправки уведомлений в органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях остался прежним и составляет не менее 6 месяцев до истечения срока принудительных работ или лишения свободы (п. 12 Порядка оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве).

Срок отправки уведомлений в органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства предлагаем определить не позднее чем за 9 месяцев до истечения срока принудительных работ или лишения свободы. Увеличение указанного срока будет способствовать повышению эффективности планирования работы сотрудников групп социальной защиты осужденных.

Для достижения целей пробации важное значение имеет обучение осужденных. Тематика проводимых с осужденными занятий включает следующие актуальные для них темы: бытовое устройство, жилищные права, регистрация; трудоустройство; образование; правовое регулирование семейных отношений; права граждан на медико-социальную помощь; здоровый образ жизни и т. п. [7, с. 152].

Анализ специальной литературы и опыта организации работы в различных субъектах Российской Федерации позволил А. А. Мишину определить типичные проблемы по обучению осужденных: необходимость совмещения общего распорядка дня исправительного учреждения и обучения по подготовке к освобождению, недостаточное материальное обеспечение исправительных учреждений в части обеспечения занятий, недостаточное методическое сопровождение образовательной работы и др. [7, с. 152].

Кроме того, согласно ранее действующему приказу Минюста России от 13.01.2006 № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» проведение занятий с освобождающимися осужденными в «Школе подготовки осужденных к освобождению» должно было осуществляться не позднее чем за 6 месяцев до окончания срока лишения свободы. В соответствии с действующим законодательством осужденные к лишению свободы при-

влекаются к занятиям в рамках курсов подготовки осужденных к освобождению не позднее чем за 9 месяцев до истечения срока принудительных работ или лишения свободы.

Таким образом, форма проведения занятий, период их проведения изменились, однако какие-либо разъяснения для сотрудников групп социальной защиты осужденных по темам и часам проведения занятий не поступили.

В целях решения указанной проблемы предлагаем на ведомственном уровне разработать примерную программу курсов подготовки осужденных к освобождению, в которой определить тематику занятий и количество учебных часов.

Организация и осуществление мероприятий в сфере пенитенциарной пробации возлагаются на сотрудников подразделения воспитательной работы с осужденными исправительного учреждения, психологической лаборатории, подразделения социальной работы с осужденными, сотрудников иных отделов (служб) исправительного учреждения и медицинских организаций уголовно-исполнительной системы в пределах компетенции (п. 7 Порядка исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации). Соответственно, все подразделения исправительного учреждения в той или иной мере осуществляют меры в сфере пробации. Для повышения эффективности взаимодействия между сотрудниками различных подразделений, исключения дублирования функций предлагаем в должностных инструкциях сотрудников отделов (служб) исправительного учреждения предусмотреть конкретные обязанности по реализации института пробации.

Важной новеллой приказа Минюста России от 29.11.2023 № 350 является индивидуальный подход к осужденному, оценка индивидуальной нуждаемости осужденного, подготовка индивидуальной программы. Сотрудником группы социальной защиты осужденных исправительных учреждений формируется личное дело на каждого осужденного, которое направляется в уголовно-исполнительную инспекцию по избранному осужденным месту жительства.

В организации данной работы Минюстом России установлены различные сроки, например:

- 2 рабочих дня – для ознакомления осужденного под подпись с содержанием индивидуальной программы;
- 3 рабочих дня – для направления копии индивидуальной программы в органы государственной власти, органы местного самоуправления, органы службы занятости населения;
- 5 рабочих дней – для направления в УИИ запроса о предоставлении сведений об адресе, абонентском номере УИИ и о должностных лицах, в обязанности которых входит оказание содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации;
- 10 рабочих дней – для размещения индивидуальной программы в едином реестре.

Соблюдение указанных, зачастую чрезмерно коротких, сроков является одной из сложностей в организации работы сотрудников групп социальной защиты осужденных исправительных учреждений.

В качестве альтернативы большому количеству разнообразных сроков считаем возможным установить единый срок для подготовки личного дела осужденного в полном объеме и его отправки в уголовно-исполнительную инспекцию по избранному осужденным месту жительства продолжительностью 10 рабочих дней со дня утверждения индивидуальной программы.

Еще одной проблемой в организации работы сотрудников групп социальной защиты осужденных исправительных учреждений является взаимодействие с различными органами публичной власти, в частности получение формальных ответов на запросы информации от работников центров занятости населения, органов местного самоуправления. Предлагаем установить единую форму ответа на запросы, предполагающую указание конкретных сведений о личности осужденного.

Кроме того, имеют место проблемы заключения соглашений с разными органами в сфере пробации. Зачастую сотрудники групп социальной защиты осужденных не знают, куда им лучше обратиться. Центры занятости, департаменты образования, здравоохранения и другие органы или организации отправляют ответы о необходимости перенаправления запросов.

Считаем целесообразным определить, что вопросы о заключении соглашений решаются на региональном уровне организации государственной власти в Российской Федерации. В целях улучшения взаимодействия исправительных учреждений и органов публичной власти необходимо продолжить практику проведения тематических встреч, круглых столов, семинаров по обсуждению проблемных вопросов в сфере пробации.

Полагаем, что решение указанных проблем в организации и деятельности группы социальной защиты осужденных исправительных учреждений в сфере пробации будет способствовать повышению эффективности ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных, предупреждения совершения ими новых преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.04.2024).
2. В Генпрокуратуре назвали стабильно высоким уровень рецидивной преступности в РФ. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1161100-v-genprokurature-nazvali-stabilno-vysokim-uroven-retsivnoi-prestupnosti-v-rf?ysclid=lutdzbz4yt814460159> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Кряжева С. Г., Москвитина М. М., Новиков А. В. Актуальное состояние рецидива преступности среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13, № 1А-2А. С. 388–397.
4. Лаверычева С. А., Даланов Д. С. К вопросу о пробации в России // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 171–172.
5. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194–203.
6. Серебренникова А. В. Пробация: за и против // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31 (1–4), № 2. С. 186–198.
7. Мишин А. А. Проблемы организации школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2017. № 4 (33). С. 150–154.

REFERENCES

1. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2023 g.* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2023]. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/47055751/> (accessed April 10, 2024).

2. *V Genprokurature nazvali stabil'no vysokim uroven' retsidivnoi prestupnosti v RF* [The Prosecutor General's Office called the level of recidivism in the Russian Federation consistently high]. Available at: <https://ren.tv/news/v-rossii/1161100-v-genprokurature-nazvali-stabilno-vysokim-uroven-retsidivnoi-prestupnosti-v-rf?ysclid=lutdzbz4yt814460159> (accessed April 10, 2024).
3. Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Novikov A.V. The current state of recidivism among persons serving sentences in strict regime correctional institutions. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2023, vol. 13, no. 1A-2A, pp. 388–397. (In Russ.).
4. Laverycheva S.A., Dalanov D.S. On the issue of probation in Russia. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2023, no. 5 (221), pp 171–172. (In Russ.).
5. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 194–203. (In Russ.).
6. Serebrennikova A.V. Probation: pros and cons. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2023, vol. 31 (1–4), no. 2, pp. 186–198. (In Russ.).
7. Mishin A.A. Problems of organizing a school of preparation for release in correctional institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no. 4 (33), pp. 150–154. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА СОЛОВЬЕВА – инспектор группы социальной защиты осужденных ИК-5 ГУФСИН России по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия, [rey.ksenya@mail.ru](mailto:ksenya@mail.ru)

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ДЕРБИНА – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

KSENIYA M. SOLOV'eva – Inspector at the Convict Social Protection Group of the Correctional Facility No. 5 of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service in the Nizhny Novgorod Oblast, Nizhny Novgorod, Russia, rey.ksenya@mail.ru

OL'GA V. DERBINA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, kozlovaola@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3198-2003>

Статья поступила 10.04.2024

Научная статья

УДК 349.6

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.006

Терминологический анализ понятия права на благоприятную окружающую среду: некоторые предложения по изменениям в экологическом законодательстве

ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, ushakov-sl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5186-8737>

Аннотация. Четкое понимание содержания того или иного правового механизма позволяет обеспечить высокую эффективность реализации заключенных в нем правовых возможностей. Неоднозначное, двоякое толкование нормы права влечет за собой неполноценность или же вовсе отсутствие необходимого уровня ее реализации. В статье анализируется терминологическое содержание права на благоприятную окружающую среду. Рассмотрены ключевые составляющие данного права. Определены некоторые особенности, сходства и различия терминов «окружающая среда», «природная среда», «благоприятная окружающая среда», а также иных терминов, связанных с исследуемой тематикой. Отмечена целесообразность законодательских инициатив по развитию терминологии благоприятной окружающей среды. Представляется возможным расширение круга толкования термина благоприятности, что в дальнейшем позволит повысить степень эффективности реализации исследуемого права.

Ключевые слова: благоприятная окружающая среда; статья 42 Конституции Российской Федерации; экологическое законодательство.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Ушаков В. Н. Терминологический анализ понятия права на благоприятную окружающую среду: некоторые предложения по изменениям в экологическом законодательстве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 50–55. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.006.

Original article

Terminological Analysis of the Concept of the Right to a Favorable Environment: Some Proposals for Amending Environmental Legislation

VYACHESLAV N. USHAKOV

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, ushakov-sl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5186-8737>

© Ушаков В. Н., 2024

Abstract. A clear understanding of the content of a particular legal mechanism makes it possible to ensure high efficiency in the implementation of the legal possibilities contained therein. An ambiguous, twofold interpretation of a rule of law entails inferiority or even absence of the necessary level of its implementation. The article analyzes the terminological content of the right to a favorable environment. Key components of this right are considered. The author identifies some its features, as well as similarities and differences of terms “environment, “natural environment”, “favorable environment”, as well as other terms related to the subject under study. The expediency of legislative initiatives to develop the terminology of a favorable environment is noted. It seems possible to widen interpretation of the term of favorability, which in the future will enhance effectiveness of the implementation of the studied right.

Keywords: favorable environment; Article 42 of the Constitution of the Russian Federation; environmental legislation.

5.1.2. Public Law (public law) sciences.

For citation: Ushakov V.N. Terminological analysis of the concept of the right to a favorable environment: some proposals for amending environmental legislation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 50–55. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.006.

Жизнедеятельность человека в течение всей истории развития неизбежно оказывает влияние на состояние природной среды. При этом воздействие на природные комплексы имеет накопительный эффект. В настоящее время результаты накопленного вреда уже оказывают негативное воздействие на жизнь и здоровье человека. В связи с этим правовое регулирование природоохраны и природопользования становится актуальным в силу возникающих высоких рисков в процессе обеспечения безопасности окружающей среды.

Право на благоприятную окружающую среду наряду с другими конституционными правами и обязанностями человека и гражданина является одной из основополагающих мер для дальнейшего существования и развития человечества. К сожалению, это право зачастую несправедливо остается без должного внимания, отодвигается на второй план. Кроме того, оно малоизучено, существующие исследования сводятся к одному: недостаточно лишь простого законодательного закрепления экологических прав и обязанностей, необходимы четкое установление механизмов их реализации и дальнейшее соблюдение всеми гражданами.

Фундаментальными нормативными правовыми актами, обеспечивающими реализацию исследуемого права на территории России, являются, во-первых, Конституция Российской Федерации (ст. 42), которая «выполняет основополагающую роль в регулировании экологических отношений, являясь юридической базой становления, развития и совершенствования экологического законодательства» [1, с. 61], во-вторых, Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. 04.08.2023) «Об охране окружающей среды» (далее – Федеральный закон № 7). Существует целый ряд иных актов, регулирующих данную сферу, однако нигде законодательно не закреплено ни официальное понятие права на благоприятную окружающую среду, ни какие-либо критерии, применяющиеся при определении благоприятности окружающей среды. Нет единства мнений по этому поводу и в научной среде.

Д. С. Велиева считает, что право на благоприятную окружающую среду является «возможностью каждого жить в здоровом, соответствующем международным, государственным нормам охраны состоянии окружающей среды и пользоваться другими естественными

природными благами, получать достоверные данные о состоянии окружающей среды, совершать юридически значимые действия, направленные на защиту своих и общественных интересов». Также отмечается, что «такое право выступает как обязательная составляющая права на достойный уровень жизни и является важнейшей конституционной ценностью» [2, с. 21]. Согласно определению, сформулированному А. П. Анисимовой и А. Я. Рыженковым, «право на благоприятную окружающую среду – это возможность для каждого человека, народов и всего человечества жить при таком состоянии биосферы Земли, которое обеспечивает максимальный уровень физического и психического здоровья, а также использовать систему средств, устраняющих глобальные угрозы биосфере, вызванные человеческой жизнедеятельностью» [3, с. 53–54].

Существуют и иные определения исследуемого права, но в целом все они сходятся к одному: право на благоприятную окружающую среду это некая возможность человека проживать в безопасном для его жизни и здоровья состоянии окружающей среды, соответствующей при этом тем или иным стандартам.

Рассмотрим более подробно терминологические составляющие данного права.

Говоря непосредственно о благоприятной окружающей среде, следует отметить, что основная терминология, касающаяся темы исследования, закреплена в Федеральном законе № 7-ФЗ (ст. 1), где дается разграничение понятий «природная среда», «окружающая среда». Эти два термина, несмотря на их первоначальную схожесть, следует различать.

Так, окружающая среда характеризуется как «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов».

Термин «природная среда» более узкий, включает в себя все перечисленные выше составляющие характеристики природной среды кроме антропогенных объектов. Антропогенными объектами являются те объекты, которые созданы человеком для его личных или социальных потребностей. При этом такие объекты не обладают свойствами природных объектов (естественных экологических систем, сохранивших свои природные свойства). Природно-антропогенные объекты входят в характеристику природной среды, так как, несмотря на частично человеческое создание, все же имеют изначально природное (естественное) происхождение и поэтому частично обладают свойствами природных объектов.

Таким образом, термин «окружающая среда» шире, чем «природная среда», от которого отличается наличием в своей характеристике антропогенных объектов, созданных человеком.

Согласно упомянутой выше ст. 1 Федерального закона № 7-ФЗ под благоприятной окружающей средой понимается «окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов». Под качеством же понимается состояние окружающей среды, характеризующееся различными показателями (физическими, биологическими, химическими и др.). Таковыми могут быть показатели качества воздуха: предельно допустимые концентрации вредных веществ, уровень радиоактивного излучения (в том числе в помещении); наличие радиоактивных элементов в почве и др.

При этом проблемным, как уже отмечалось, является отсутствие определения в законе конкретных критериев благоприятности окружающей среды. Это препятствует эффективной реализации анализируемого права, так как не позволяет взвешенно определить степени благоприятности среды.

Следует заметить, что понятие благоприятной окружающей среды в Федеральном законе № 7-ФЗ определено в узком смысле. Существуют мнения, что такую среду можно

трактовать и в «широком смысле, например, как состояние среды обитания граждан, которое соответствует стандартам, касающимся ее чистоты, экологического благополучия, разнообразия видов и ресурсов, способности удовлетворять потребности граждан в лечении, отдыхе, туризме, а также включает «эталонные» природные территории, не имеющие какого-либо воздействия человеческой деятельности» [3, с. 64]. Согласно иной позиции, окружающая среда будет являться благоприятной в таком своем состоянии, при котором возможна достойная жизнь, обеспечивается высокий уровень здоровья, социальное, физическое и психическое благополучие человека. Отсюда следует, что неблагоприятной является среда, отрицательно воздействующая на здоровье населения и не позволяющая вести достойную жизнь [6, с. 100].

Данные точки зрения заслуживают внимания, их можно считать правильными, так как они значительно расширяют понимание благоприятной окружающей среды, что, в свою очередь, ведет к расширению сферы распространения права на благоприятную окружающую среду, в отличие от скупого ныне существующего законодательного определения. Несомненно, такого рода понимание благоприятной окружающей среды потребует задействования дополнительных механизмов для обеспечения полной реализации данного права, но в конечном счете это положительно скажется на качестве окружающей среды, что приведет к улучшению здоровья и повышению уровня жизни населения.

Заслуживает отдельного внимания мнение, сформированное на двусосновности прилагательного «благоприятный». «Благо» рассматривается как позитивный объект интереса, «приятие» – как синоним слова «принятие» (признание правильным, положительное отношение к чему-либо). На этой основе сделан вывод о том, что благоприятной является та среда, которую каждый человек субъективно определяет как положительную, приемлемую для него самого [5, с. 26–27].

Такое понимание благоприятной окружающей среды значительно отличается от определения, закрепленного законодательно. Основное отличие заключается в том, что конечное определение благоприятности возлагается не на государство, а на человека и гражданина. Тем не менее следует отметить, что при таком подходе все равно существует необходимость проведения нормирования, исследования качества окружающей среды органами государственной власти, так как это является обязательным моментом, без которого установить степень благоприятности не представляется возможным. Вполне вероятно, что после проведения этих мероприятий граждане смогут сами определять, является для них эта окружающая среда благоприятной или нет. Данный подход на сегодняшний день подтверждается и тем, что даже при наличии информации о превышении разного рода норм качества окружающей среды граждане продолжают проживать на прежней территории, тем самым субъективно признавая ее в той или иной степени благоприятной.

Резюмируя изложенное, можно сделать несколько выводов.

Право на благоприятную окружающую среду можно определить как некую возможность для каждого человека проживать в безопасном для его жизни и здоровья состоянии окружающей среды, соответствующем тем или иным стандартам качества.

Термин «окружающая среда» шире, чем понятие «природная среда», поскольку содержит в своей характеристике антропогенные объекты, созданные человеком.

Законодательством закреплено понятие благоприятной окружающей среды: это окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. В доктрине экологического права существуют мнения и о более широком понимании данного термина.

Представляется целесообразным дальнейшее развитие этого направления с последующими законодательскими инициативами.

В связи с этим требуется внести изменение в Федеральный закон № 7-ФЗ, изложив абз. 13 ст. 1 в следующей редакции: «благоприятная окружающая среда – окружающая среда, качество которой не оказывает отрицательного влияния на жизнь и здоровье человека, а также обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов».

Напомним, что в действующей редакции рассматриваемого нормативного акта понятие благоприятной окружающей среды не содержит положений о возможности какого-либо влияния на человеческий организм. Подобное дополнение позволит на законодательном уровне обеспечить невозможность окружающей среды, с позиции закона являющейся «благоприятной», негативно воздействовать на человека. Представляется, что это ключевое изменение даст толчок к дальнейшему реформированию экологического законодательства до уровня охраны жизни и здоровья граждан. В целом расширение круга отношений, входящих в понятие «благоприятная окружающая среда», в настоящее время является одним из начальных этапов по законодательному урегулированию существующих экологических проблем и предотвращению глобальных экологических кризисов в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ежов Ю. А. Конституционные основы экологических правоотношений // Новый юридический журнал. 2012. № 3. С. 61–70.
2. Велиева Д. С. Конституционно-правовые основы экологической безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 58 с.
3. Анисимов А. П., Рыженков А. Я. Экологическое право России : учеб. и практикум для вузов. М., 2021. 422 с.
4. Комаров С. А. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2021. 333 с.
5. Жукова Н. В. Анализ понятия «право на благоприятную окружающую среду» // Журнал правовых и экономических исследований. 2015. № 4. С. 24–28.

REFERENCES

1. Ezhov Yu.A. Constitutional bases of ecological legal relationship. *Novyi yuridicheskii zhurnal = New Legal Journal*, 2012, no. 3, pp. 61–70. (In Russ.).
2. Velieva D.S. *Konstitutsionno-pravovyye osnovy ekologicheskoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Constitutional and legal foundations of environmental safety in the Russian Federation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2011. 58 p.
3. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.Ya. *Ekologicheskoe pravo Rossii: ucheb. i praktikum dlya vuzov* [Environmental law of Russia: textbook and a workshop for universities]. Moscow, 2021. 422 p.
4. Komarov S.A. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow, 2021. 333 p.
5. Zhukova N.V. Analysis of concept of “right for favorable environment”. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*, 2015, no. 4, pp. 24–28. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ – аспирант кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия, ushakov-sl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5186-8737>

VYACHESLAV N. USHAKOV – Postgraduate at the Department of Jurisprudence of the Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, ushakov-sl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5186-8737>

Статья поступила 23.11.2023

Научная статья
УДК 343
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.007

Характеристика преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ БОРИСОВСКИЙ

Российский новый университет, Москва, Россия, b89857811115@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса. Анализируются специфические характеристики мегаполиса, которые способствуют развитию преступности, в том числе против собственности. Представлены уголовно-правовая, криминологическая и криминалистическая характеристика преступлений данной категории.

Ключевые слова: преступление; мегаполис; концепция защищаемого пространства; разбитые окна; криминалистическая характеристика.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Борисовский П. В. Характеристика преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 56–64. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.007.

Original article

Characteristics of Crimes Committed in Megalopolises

PAVEL V. BORISOVSKII

Russian New University, Moscow, Russia, b89857811115@gmail.ru

Abstract. The article considers features of crimes committed in a megalopolis. Specific characteristics of the megalopolis that contribute to the development of crime, including against property, are analyzed. Criminal law, criminological and criminalistic characteristics of crimes of this category are presented.

Keywords: crime; megapolis; concept of protected space; broken windows; forensic characteristics.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Borisovskii P.V. Characteristics of crimes committed in megalopolises. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 56–64. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.007.

Различные концепции преступности указывают на широкое понимание преступных деяний, имеющих отношение к окружающей застроенной среде и признакам урбанизации в городских территориях. На протяжении последних 50 лет исследователи активно изучают городскую преступность и меры по ее предупреждению и противодействию при помощи технологий экологического дизайна и формирования боязни у преступников перед совершением преступления. В настоящий момент отмечается плавный переход от детерминистских теорий и предположений к выявлению специфических особенностей взаимосвязи между преступлениями, совершенными в городе, и экологическим дизайном, как в теоретических, так и практических исследованиях.

Несмотря на то что многие формы преступности оказывают значительное воздействие на жителей мегаполиса, последствия преступлений против собственности наиболее серьезны. Так, С. А. Мелехин отмечает значительные негативные последствия насилия для жизни отдельных людей, собственности и экономики, а также роль урбанизации как фактора защиты и риска [1]. Глубокое понимание таких последствий имеет решающее значение для предотвращения преступности в сфере собственности. Частично это может быть достигнуто за счет обнародования статистической информации о характере и масштабах указанных преступлений.

Предупреждение преступлений против собственности должно начинаться со знаний. Данный тезис особенно актуален в контексте отечественной криминалистики, поскольку изучение особенностей мегаполиса как экономико-социальной сферы, в которой совершаются преступления против собственности, в отличие от зарубежного опыта находится в стадии становления [2]. Источники знаний о преступлениях против собственности в условиях мегаполиса могут включать опросы населения и административные данные, регистрируемые правоохранительными органами, уголовным правосудием и медицинскими службами. Затем такие сведения должны быть учтены при разработке политики, которая включала бы:

- выявление областей и причин слабой социальной сплоченности населения мегаполиса;
- управление отдельными ареалами мегаполиса с целью оживления или развития районов, которые считаются небезопасными или где обычно наблюдается наркоторговля;
- повышение профессионализма или значимости криминалистов и полицейских;
- развитие стратегий постоянного мониторинга и использования данных при формулировании ответных мер, обеспечивающих оценку того, достигают ли криминалистические и уголовно-правовые учреждения поставленных целей и задач в сфере изучения преступности в условиях мегаполиса;
- бюджетные решения, удовлетворение потребностей общественности, средств массовой информации, заинтересованных групп;
- выявление проблем преступности и уголовного правосудия, вызывающих наибольшую национальную озабоченность в условиях мегаполиса.

Представляет интерес точка зрения Г. С. Бериева и З. В. Караевой на криминологическую характеристику преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса, включающую:

- повышенную мобильность жителей;
- особенности их образа жизни, сравнительно невысокий общий уровень преступности (в расчете на 100 тыс. населения) при тенденции к росту;
- общую корыстную и корыстно-насильственную направленность преступности;

– преобладание среди имущественных преступлений квартирных краж и краж автотранспорта;

– относительно невысокий удельный вес преступности несовершеннолетних при постоянном ее росте [3].

Исходя из вышесказанного предполагаем, что при составлении криминологической характеристики преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса, специалистам необходимо учитывать особенности геополитики, этнического состава населения, особенностей демографии и экономики разных районов мегаполиса, а также стиль жизни и привычки его жителей.

Далее обратимся к зарубежному опыту анализа характеристик преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса. Так, среди различных способов борьбы и предупреждения преступлений в условиях мегаполиса можно выделить морфологические, социальные, перцептивные и функциональные аспекты. Социальные и перцептивные исследования в основном представлены в криминологии, экологической психологии, также рассматриваются такие вопросы, как формирование боязни у преступного лица совершения преступления и последующего наказания, чувство солидарности и общности индивидов в борьбе с преступностью, социально-экономические характеристики преступности. Что касается морфологических и функциональных аспектов преступности в условиях мегаполиса, то исследования в данной сфере в основном сосредоточены на анализе городских учреждений и их связи с совершением преступлений [4, с. 78–93]. Кроме того, на современном этапе требуются новые криминалистические и криминологические исследования мегаполиса как объекта, в котором совершаются различные виды преступлений.

Анализируя огромное количество материалов по теме совершения преступлений в застроенной среде городов в разрезе демографического статуса жителей, внутреннего и внешнего устройства города, а также различных социокультурных и экономических факторов, можно проследить эволюцию научных исследований, фокус которых направлен на изучение взаимоотношений преступников и структур мегаполиса.

Необходимо отметить, что особенности совершения преступлений в условиях крупных городов и мегаполисов являются активно развивающейся сферой криминалистических научных исследований. Множество научных работ были созданы в 1970-х гг. и в основном посвящены анализу структуры расположения жилых кварталов. Учеными эмпирическим путем исследовались варианты измерения проницаемости границ отдельного жилого района в мегаполисе, которые характеризовались тем, что преступные деяния, совершенные приезжающими в мегаполис лицами, заметно смещались к центральному району города и оживленным кварталам [5, с. 30–46].

В 1980-х гг. научные работы в области криминалистики были направлены на осознание соотношения факторов преступных деяний и среды мегаполиса. В большей степени исследователей интересовала тема повседневной жизни индивидов и их ежедневного взаимодействия с окружающей средой: зданиями, другими людьми, различными видами трудовой деятельности, досугом и т. д. Данные исследования внесли важный вклад в изучение характеристик преступлений, совершаемых в условиях мегаполиса, а также сформировали научную базу для современных изысканий. Было выявлено, что преступность видоизменяется в зависимости от того, по какой схеме происходит развитие мегаполиса. Преступная деятельность активизируется или минимизируется в зависимости от видоизменения географических особенностей городского ландшафта. Закономерности возникают, рассе-

иваются или сохраняются; но преступления гораздо более предсказуемы в зависимости от места совершения, чем от конкретного преступника.

Для крупных городов и мегаполисов характерен своеобразный криминологический парадокс, который характеризуется тем, что достигаются крайне высокие абсолютные показатели при наличии низких относительных показателей совершенных преступлений. Высокие абсолютные показатели преступности обусловлены скоплением большого количества людей на городских территориях, которые подвергаются воздействию большого количества криминогенных факторов и рисков. К ним можно отнести анонимность в общении, снижение и разрыв социальных контактов между людьми, достаточно пассивный характер взаимоотношений между индивидами, характеризующийся обезличенностью и функциональностью, проживание людей в отдельных квартирах и домах. Все эти причины оказывают большое влияние на снижение социального контроля при одновременном сохранении толерантности к различным видам поведения индивидов.

В криминологии и криминалистике выделяется и другой криминалистический парадокс преступности, связанный с ее совершением в условиях мегаполиса. Так, по мере расширения городских территорий и увеличения городского населения преступность в условиях мегаполиса не увеличивается в соответствии с увеличением численности проживающих в нем индивидов, а наоборот, дойдя до определенного рубежа, начинает наблюдаться тенденция к сокращению. Возможно, это обусловлено теми факторами, согласно которым мегаполис содержит большой криминогенный потенциал, который может быть охарактеризован следующими признаками: внимание властей мегаполиса к правоохранительной деятельности, более высокий образовательный уровень жителей, достижение лучших экономических показателей и т. д.

Необходимо отметить, что характеристика в криминалистическом аспекте преступлений, совершаемых в условиях мегаполисов, претерпевает изменения, продиктованные современными реалиями преступного мира. В исследовании, посвященном разработке концепции «защищаемого пространства», О. Ньюман выдвинул тезис, согласно которому жители понимали пространства за пределами индивидуальных жилых единиц как общественные пространства, а не как пространства, контролируемые частными лицами. Таким образом, жители не оказывали личного влияния на эти пространства, которые быстро стали «рассадниками» правонарушений и криминальной активности. О. Ньюман утверждал, что эти пространства, контролируемые частными лицами, способствуют созданию лучшей социальной среды, чем общественные пространства, которые часто были незанятыми и не имели четко определенных социальных норм [5].

В отечественных реалиях данная концепция может быть применима не к физическим, а виртуальным пространствам, в которых совершаются преступные деяния. На наш взгляд, в современном обществе существует иллюзия контроля собственной жизни в онлайн-среде: человек зарегистрирован во многих социальных сетях и мессенджерах, выполняет рутинные действия в специализированном программном обеспечении на рабочем месте, оформляет государственные услуги в один клик на веб-сайте. Обладая данными собственных уникальных логинов и паролей, держа их в секретности и соблюдая правила по обеспечению из защиты, индивид проживает в защищаемом пространстве, которое защищается частными лицами [6]. В то же время он испытывает и незащищенность, поскольку из-за преступных действий в интернет-пространстве все его данные могут перейти к злоумышленникам, которые воспользуются ими в корыстных целях.

Дж. Келлинг и Дж. Уилсон в своем исследовании утверждали, что разбитые окна посылают сигнал о безразличии и отсутствии правоприменения, что приводит к усилению страха перед преступностью и ослаблению социального контроля, тем самым прокладывая путь для более серьезных правонарушений. Авторы утверждали, что для предотвращения подобных процессов полиции крайне важно участвовать в предотвращении беспорядков и мелких преступлений, таких как, например, попрошайничество [7]. Данная теория актуальна до сих пор в контексте совершения преступлений в виртуальной среде. Совершив мелкое мошенничество, преступник может почувствовать безнаказанность (учитывая то обстоятельство, что жертва может даже не осознать того, что в отношении нее было совершено преступление, если речь идет о краже данных из Интернета) и перейти к более серьезным преступлениям.

Предупреждение преступности в духе исследований К. Джеффри и О. Ньюмана является неотъемлемым компонентом теоретической и практической научно-исследовательской литературы по средовой криминологии. Благодаря анализу средового аспекта теоретическое понимание криминального события значительно продвинулось вперед с тех пор, как К. Джеффри впервые опубликовал свою работу. Следовательно, более поздние теоретические разработки помогают понять, почему методики расследования преступлений в условиях мегаполисов представляются актуальными.

«Смерть и жизнь великих американских городов» Дж. Джейкобса [8] стала первым современным исследованием, показывающим, как активная уличная жизнь может значительно сократить возможности для совершения преступлений. За ней последовала работа К. Р. Джеффри «Предотвращение преступности с помощью экологического дизайна» [9], где рассмотрен широкий спектр факторов окружающей среды, влияющих на правонарушителей, включая физическую (городскую форму и дизайн), правовую (усиливающие нормы и предписания), экономическую среды и социальные структуры и общественную организацию. Эта работа побудила исследователей изучать преступность в связи с факторами окружающей среды.

Учеными был сделан вывод, что преступления неразрывно связаны со средой, в которой они совершаются. В частности, пункты назначения индивидов предопределяются их территориальным, социальным окружением. Так, например, в рамках мегаполиса определенная форма застройки его как территориальная единицы может как побуждать людей, так и ограничивать их в ежедневном совершении конкретных, заранее запланированных маршрутов, которые могут объединять место жительства и место работы, место жительства и школу, институт, а также различные культурно-досуговые центры и т. д. Ввиду того, что организационная структура мегаполиса формирует пункты назначения и передвижения индивидов, она также формирует и модели преступной деятельности. Внесение коррективов и существенных изменений в застройку среды мегаполиса, к которым можно отнести показатели городского развития и рост, имеет целью изменить порядок передвижения людей в рамках территориального пространства мегаполиса. Предполагается, что обращение внимания на данный процесс может оказать большое влияние на пресечение и предотвращение, а также борьбу с преступной деятельностью.

Исследования в области экологической криминологии также показали, что существует тесная взаимосвязь между моделями преступности в мегаполисе и формой урбанизации. В 1978 г. Пол и Патриция Брантингем изучали, как места совершения преступлений распределяются по определенным моделям в зависимости от переменных, которые управляют ростом мегаполисов. В городах с концентрическими зональными формами места со-

вершения преступлений сосредоточены ближе к плотному центру города. Относительно новые мегаполисы с мозаичным рисунком, по-видимому, имели рассеянный характер мест совершения преступлений. Структура дорог в мегаполисе также имеет отношение к структуре преступности, поскольку дороги определяют доступность потенциальных мест совершения преступлений в городе. Известно, что в мегаполисах, построенных по сетчатому принципу, уровень преступности выше по сравнению с городами с естественно развитой планировкой улиц [4].

Что касается криминалистической характеристики преступлений, совершенных в условиях мегаполиса, то портрет потенциального преступника отличается следующими чертами: отсутствие постоянного места жительства и постоянной работы, ведение антиобщественного образа жизни. Если речь идет о киберпреступлениях против собственности, то преступник может иметь постоянное место жительства, обладать специализированными знаниями в области IT-технологий, иметь доступ в Интернет, обладать развитыми коммуникативными навыками (в случае общения с жертвами по мобильной связи). Что касается жертвы, то ей выступает житель мегаполиса, который в силу своего образа жизни может не сразу обратить внимание на угрозу совершения преступления в отношении его собственности, поскольку он ежедневно находится в окружении большого числа людей, среди которых сложно отделить законопослушных граждан от лиц с преступными намерениями.

Негативному влиянию подвержены незащищенные слои населения (в основном подростки из неблагополучных семей, проводящие на улице большую часть времени), которые более активно, чем другие категории, вовлекаются в криминальную деятельность. Одной из эффективных стратегий предупреждения и своевременного пресечения преступных деяний в отношении собственности в условиях мегаполиса мы считаем совершенствование деятельности правоохранительных органов в работе с вышеуказанными категориями лиц.

Наименее защищенной категорией жертв киберпреступлений против собственности выступают лица предпенсионного и пенсионного возраста, в то время как подростки и взрослые более осведомлены об опасности и механизмах совершения подобных преступлений. Так, в последние годы участились случаи, когда преступные лица, представляясь сотрудниками банка либо правоохранительных органов (что является психологической уловкой, поскольку они ассоциируются как гарант безопасности, доверительного сотрудничества), совершали звонки гражданам с целью заполучения личных данных, сведений о банковских счетах и т. д. Многие жители мегаполиса осведомлены о данных преступных схемах и не реагируют на данные звонки или немедленно обрывают их.

В качестве инструментов предотвращения и раскрытия преступлений против собственности в условиях мегаполиса выступает его инфраструктура: камеры видеонаблюдения в общественных местах (магазинах, торговых центрах, аэропортах и вокзалах и т. д.), жилых районах (видеодомофоны, камеры наблюдения на домах), система уличного освещения и т. д. Если речь идет о киберпреступлениях, то механизмы предотвращения и борьбы с ними находятся в процессе разработки. Необходимо отметить вклад цифровых экосистем различных кредитных организаций (например, МТС или Т-банк), которые предлагают своим пользователям услугу по определению номеров мошенников, что способствует сокращению числа киберпреступлений против собственности.

Характер совершаемых преступлений против собственности зависит от текущей социальной и технологической ситуации, так как преступники стараются обезопасить себя от правосудия, применяя информационно-телекоммуникационные технологии для совер-

шения преступлений и уменьшая количество преступлений, предполагающих непосредственный контакт с потерпевшими.

Преступления, совершаемые в условиях мегаполисов, обладают признаками массовости, отличаются малым процентом раскрываемости в сравнении с другими видами преступлений и высоким уровнем латентности. Рост количества преступлений в условиях мегаполиса тесно связан с имеющимися в обществе социальными проблемами: снижением ценности института семьи, падением нравственных, духовных и моральных ценностей, кризисом в образовательной среде, отсутствием полноценного досуга для молодежи, проблемами алкоголизации и наркотизации.

Исследователи склонны чрезмерно обобщать информацию о преступлениях, недооценивая специфику принятия решений преступниками. В рамках каждого вида преступления следует фокусироваться на более мелких деталях правонарушения, чтобы понять, как меняются модели преступности, и сформировать эффективные методы противодействия ей. Анализ принятия решений преступниками еще более важен при исследовании преступности в условиях мегаполиса, поскольку он позволяет вникнуть в изменения и новые тенденции преступности. Например, изменения в повседневной деятельности после пандемии, как правило, приводят к сокращению численности населения в нежилых районах мегаполиса при одновременном увеличении численности населения в жилых зонах. К примеру, число краж сократилось во многих мегаполисах во время пандемии, однако количество краж, вероятно, снижается неравномерно по другим категориям. В секторе розничной торговли количество посетителей сократилось после введения локдауна. Многие магазины закрылись, и возможности для магазинных краж сократились. Кроме того, в период пандемии сократилось количество карманных краж, потому что правоохранительными органами были предприняты меры по ограничению скопления людей в общественных местах. Это лишь несколько примеров того, почему изучение конкретных видов преступлений и ситуаций жизненно важно для криминалистики как науки. Это позволяет выявить нюансы изменений, которые важны при разработке будущих методов профилактики преступлений, новых методов их совершения. Несомненно, существует множество факторов, влияющих на уровень преступности в мегаполисах, и только путем их специфического изучения исследователи могут достичь более глубокого понимания преступности.

Обратимся к судебной практике. В рамках уголовного дела расследовались преступные деяния Л., который использовал вредоносные программы для получения несанкционированного удаленного доступа путем подбора авторизационных данных (логина и пароля) к серверным ЭВМ пользователей сети Интернет. При этом, согласно тексту судебного решения, следствием было установлено, что указанные вредоносные программы виновный применял именно в целях использования вычислительных мощностей компьютеров других пользователей при осуществлении майнинга, хотя злоумышленник и не достиг конечной цели по независящим от него обстоятельствам [10]. Аналогичное решение было вынесено в отношении М. [11].

В заключение отметим, что совершение преступлений значительно облегчается факторами активного развития транспортных развязок и магистралей, относительно размытыми границами города, большим потоком людей в различных местах и разное время суток. Мегаполис в целом представляется перспективным местом жительства как для преступников, так и для законопослушных граждан, поскольку его инфраструктура обеспечивает огромные возможности для трудоустройства в различных сферах, более высокий уровень жизни по сравнению с другими городскими структурами, большой перечень культурно-развлекательных и досуговых учреждений и мероприятий и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мелехин С. А. Криминологическая характеристика преступлений против собственности // Юридический факт. 2019. № 60. С. 3–6.
2. Кобец П. Н. Краткая криминологическая характеристика преступности современных мегаполисов // Традиции и новации в системе современного российского права : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 27–29.
3. Бериев Г. С., Караева З. В. Криминологический анализ преступлений, совершаемых в мегаполисе // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 291–293.
4. Brantingham P. L., Brantingham P. J. *Environmental Criminology and Crime Analysis*. New York, 2013. 320 p.
5. Newman O. *Defensible Space: Crime Prevention through Urban Design*. – New York, 1972. 264 p.
6. Ущекин С. Н. Актуальные проблемы предупреждения преступлений против собственности // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / гл. ред. О. Г. Деменченков, зам. гл. ред. О. В. Ивушкина. Иркутск, 2022. С. 88–91.
7. Wilson James Q., Kelling George L. *Broken Windows: The police and neighborhood safety*. URL: http://www.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
8. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York, 1989. 458 p.
9. Jeffrey C. R. *CPTED: Past, present and future : Position Paper prepared for the International CPTED Association at the 4th International CPTED Association Conference*. Mississauga Ontario, Canada. 1999. 191 p.
10. Приговор Собинского городского суда (Владимирская область) от 14 декабря 2017 г. № 1-1-276/2017 по делу № 1-1-276/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/K742NqoD7LQn> (дата обращения: 15.05.2024).
11. Приговор Набережночелнинского городского суда (Республика Татарстан) от 21 февраля 2019 г. № 1-368/2019 по делу № 1-368/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c9L1n8QmqdmO> (дата обращения: 15.05.2024).

REFERENCES

1. Melekhin S.A. Criminological characteristics of crimes against property. *Yuridicheskii fakt = Legal Fact*, 2019, no. 60, pp. 3–6. (In Russ.).
2. Kobets P.N. Brief criminological characteristics of crime in modern megalopolises. In: *Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiiskogo prava: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Traditions and innovations in the system of modern Russian law: collection of articles of the International scientific and practical conference]. 2018. Pp. 27–29. (In Russ.).
3. Beriev G.S., Karaeva Z.V. Criminological analysis of crimes committed in the megalopolis. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2019, no. 20 (258), pp. 291–293. (In Russ.).
4. Brantingham P.L., Brantingham P.J. *Environmental criminology and crime analysis*. New York, 2013. 320 p.
5. Newman O. *Defensible space: crime prevention through urban design*. New York, 1972. 264 p.
6. Ushchekin S.N. Actual problems of preventing crimes against property. In: *Ugolovnyi zakon Rossiiskoi Federatsii: problemy pravoprimereniya i perspektivy sovershenstvovaniya: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Irkutsk, 2022. Pp. 88–91. (In Russ.).
7. Wilson J.Q., Kelling G.L. *Broken windows: the police and neighborhood safety*. Available at: http://www.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf (accessed January 20, 2024).

8. Jacobs J. *The death and life of great American cities*. New York, 1989. 458 p.
9. Jeffrey C.R. *CPTED: Past, present and future: position paper prepared for the International CPTED Association at the 4th International CPTED Association conference*. Mississauga Ontario, Canada. 1999. 191 p.
10. *Prigovor Sobinskogo gorodskogo suda (Vladimirskaya oblast') ot 14 dekabrya 2017 g. No. 1-1-276/2017 po delu No. 1-1-276/2017* [Verdict of the Sobinsky City Court (Vladimir Oblast) of December 14, 2017 No. 1-1-276/2017 in case No. 1-1-276/2017]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/K742NqoD7LQn> (accessed May 15, 2024).
11. *Prigovor Naberezhnochelninskogo gorodskogo suda (Respublika Tatarstan) ot 21 fevralya 2019 g. No. 1-368/2019 po delu No. 1-368/2019* [Verdict of the Naberezhnye Chelny City Court (Republic of Tatarstan) of February 21, 2019 No. 1-368/2019 in case No. 1-368/2019]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/c9L1n8QmqdmO> (accessed May 15, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ БОРИСОВСКИЙ – **PAVEL V. BORISOVSKII** – Applicant at the
соискатель кафедры публичного и уголовного права Российского нового университета, Москва, Россия, b89857811115@gmail.ru
Department of Public and Criminal Law of the Russian New University, Moscow, Russia, b89857811115@gmail.ru

Статья поступила 15.04.2024

Научная статья

УДК 343.845

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.008

К вопросу об оказании содействия осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях

ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ГРИГОР'ЯН

УФСИН России по Республике Северная Осетия-Алания, Владикавказ, Россия, vg-83@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>

Аннотация. В статье исследуется проблема отсутствия правового регулирования механизма оказания содействия осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в получении социально-правовой и иной помощи. Приводятся статистические данные, позиции ученых по рассматриваемой проблеме, предлагается решение вопроса посредством внедрения комплексной системы оказания содействия в ресоциализации и социальной адаптации осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества. В заключении представлены выводы о повышении эффективности данной системы, целесообразности оптимизации для рассматриваемой категории осужденных механизма, обеспечивающего процесс их исправления, основанного на индивидуальном подходе к вопросу оказания содействия вне зависимости от трудности жизненной ситуации.

Ключевые слова: оказание содействия; наказания без изоляции от общества; уголовно-исполнительная инспекция; пробация; социальная адаптация; ресоциализация.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Григор'ян И. Г. К вопросу об оказании содействия осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 3 (27). С. 65–70. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.008.

Original article

On the Issue of Providing Assistance to Convicts Registered with Criminal Executive Inspections

IVAN G. GRIGOR'YAN

Directorate of the FPS of Russia in the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia, vg-83@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>

Abstract. The article considers a problem of the lack of legal regulation of the mechanism for providing assistance to convicts registered with criminal executive

inspections in obtaining social, legal and other assistance. Statistical data and scientists' positions on the problem under consideration are presented. A solution to the problem is proposed through the introduction of a comprehensive system of assistance in the re-socialization and social adaptation of convicts sentenced to punishments not related to isolation from society. The author comes to the conclusion about the necessity to improve effectiveness of this system and the expediency to optimize a mechanism that ensures the process of convicts' correction, based on an individual approach to the provision of assistance, regardless of the difficulty of the life situation.

Keywords: assistance; punishment without isolation from society; criminal executive inspection; probation; social adaptation; re-socialization.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Grigor'yan I.G. On the issue of providing assistance to convicts registered with criminal executive inspections. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 65–70. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.008.

Противодействие преступности остается одной из важнейших государственных задач. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. утвердила стратегические направления в части исполнения наказаний без изоляции от общества, в том числе создание условий для успешной адаптации осужденных в обществе после отбытия наказания.

Представляется, что несмотря на принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) определенная часть осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (далее – УИИ), не подпадает под его действие. Это создает некоторые проблемы в сфере оказания им содействия в ресоциализации и адаптации к жизни в обществе после отбытия наказания. Как показывает практика, отсутствие эффективных мер поддержки таких осужденных приводит к высокому уровню рецидивной преступности. По данным ФСИН России за 2023 г., по учетам уголовно-исполнительных инспекций прошло 45 080 осужденных, в отношении которых возбуждены уголовные дела за совершение преступлений после постановки на учет, в том числе 26325 осужденных не занятых трудом или учебой, что составило 58,39 % [1].

Закон о пробации ознаменовал важный этап в развитии отечественной уголовно-исполнительной системы, который фактически расширяет предмет уголовно-исполнительного права [2, с. 295]. Данный закон призван создать правовую основу для оказания содействия осужденным в их ресоциализации и социальной адаптации. Часть 2 ст. 5 Закона о пробации содержит понятие исполнительной пробации, которое, на наш взгляд, не лишено недостатков. Так, под исполнительной пробацией понимается совокупность мер, применяемых УИИ в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Приводимая в законе дефиниция понятия «трудная жизненная ситуация» весьма абстрактна, отсутствуют четкие критерии для определения данной ситуации, что со всей очевидностью создаст проблемы в правоприменительной практике [3, с. 123].

В фокусе нового закона оказались не все осужденные, состоящие на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. За рамками регулирования остались, в частности, осужденные, «не находящиеся в трудной жизненной ситуации», формально не отнесенные к «пробационерам». Возникает проблема неравенства правового положения осужденных,

находящихся на учете УИИ, в части доступа к мерам социальной помощи и содействия в исправлении. В связи с этим важно проанализировать особенности правового статуса осужденных, состоящих на учете в УИИ, на которых не распространяется действие Закона о пробации, выявить проблемы и пробелы в регулировании и организации работы по оказанию им содействия, а также предложить возможные пути решения этих проблем.

Трудная жизненная ситуация – обстоятельство или обстоятельства, ухудшающие условия жизнедеятельности вышеуказанных лиц, последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно [4, с. 178]. То есть осужденные, не имеющие проблем с жильем и трудоустройством, но нуждающиеся в психологической, юридической или иной помощи в силу особенностей своей личности, характера совершенного преступления, а также осужденные, имеющие внутрисемейные проблемы (необходимость восстановления детско-родительских отношений, семейного быта, организация совместного досуга), не подпадают под пробацию.

Э. В. Лядов среди основных задач пробации отмечает создание условий для оказания помощи в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, оказания медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации [5, с. 758]. При этом в действующем законодательстве отсутствуют четкие нормы, регламентирующие оказание всем категориям осужденных содействия в социальной адаптации, получении медицинской и психологической помощи, трудоустройстве, решении бытовых проблем. Принятие Закона о пробации лишь обострило проблему, поскольку значительная часть осужденных, состоящих на учете УИИ, оказалась фактически исключена из сферы действия прогрессивных механизмов пробации, таких как индивидуальная программа ресоциализации, институт социального работника и др. Возникают риски того, что осужденные вне пробации будут поставлены в неравное положение с «пробационерами» в плане доступа к мерам социальной поддержки. Это не согласуется с принципами справедливости и равенства осужденных перед законом.

Пробелы в правовом регулировании статуса осужденных, не подпадающих под действие Закона о пробации, неизбежно влекут проблемы и в организации практической работы уголовно-исполнительных инспекций с этими лицами. Прежде всего, отсутствие законодательно установленных форм и методов пробационной работы с данной категорией осужденных означает, что сотрудники УИИ вынуждены действовать во многом интуитивно, по своему усмотрению. В лучшем случае они могут опираться на общие нормы УИК РФ о воспитательной работе и оказании содействия осужденным. Однако этого явно недостаточно для эффективной ресоциализации таких лиц, учитывая их специфические потребности и проблемы. Актуальным является вопрос кадровой необеспеченности УИИ для работы с осужденными вне пробации. По данным ФСИН России, в 2023 г. штатная численность сотрудников УИИ составляла лишь 82,9 % от необходимой, а нагрузка на одного инспектора достигает 81,92 подучетных лиц.

В таких условиях крайне сложно обеспечить индивидуальный подход и оказать полноценную помощь каждому осужденному. Не хватает также методических рекомендаций, обучающих программ для персонала УИИ по работе с разными категориями осужденных. Еще одна проблема – межведомственная разобщенность при оказании содействия осужденным, состоящим на учете УИИ. Инспекции не всегда эффективно взаимодействуют с социальными службами, органами местного самоуправления, службами занятости, НКО

в решении социальных и семейных проблем своих подопечных. Особенно это касается лиц вне пробации. Таким образом, получается, что государство, приняв Закон о пробации, само же невольно способствует установлению неравенства в положении разных категорий осужденных, что может привести к росту рецидивной преступности среди «непробационеров» из-за отсутствия должной социальной и правовой поддержки.

Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом предполагает, что лица, находящиеся в сходных условиях, должны нести равные обязанности и иметь равные права. Профессор В. И. Селиверстов справедливо отмечает, что уголовно-исполнительное законодательство и Закон о пробации регулируют общественные отношения по применению основных средств исправления осужденных во время исполнения (отбывания) уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также оказания помощи освобождаемым лицам [6, с. 113].

Однако в рассматриваемом случае мы видим, что осужденные, состоящие на учете УИИ, поставлены в неравное положение в зависимости от того, подпадают ли они под действие Закона о пробации. Нарушение принципа равенства способно породить чувство несправедливости, обиды, что вряд ли будет способствовать их исправлению. Наконец, все эти проблемы ведут к снижению эффективности работы УИИ в целом. Инспекции продолжают нести ответственность за предупреждение рецидива среди всех категорий осужденных, но не имеют для этого достаточных правовых и организационных механизмов. В конечном счете страдает вся система профилактики правонарушений. Получается, что государство, желая гуманизировать уголовную политику через институт пробации, одновременно ужесточает ее для другой части осужденных. Вместо единой прогрессивной системы ресоциализации всех оступившихся граждан, мы рискуем получить еще более фрагментированную и неэффективную практику работы УИИ.

Выявленные проблемы требуют выработки комплекса мер по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в отношении осужденных, состоящих на учете УИИ без применения пробации. Первоочередной задачей видится внесение необходимых дополнений в действующее законодательство. Следует либо предусмотреть в Законе о пробации отдельные нормы об оказании помощи в ресоциализации всем осужденным, состоящим на учете УИИ, либо отразить эти положения в УИК РФ и других профильных законах. Причем важно обеспечить одинаковый объем мер социальной поддержки для всех категорий осужденных, чтобы избежать неравенства и дискриминации, в том числе разработать методические рекомендации или инструкции по осуществлению контроля и оказанию содействия всем осужденным, состоящим на учете инспекций. Эти документы должны учитывать специфику каждой категории осужденных. Также целесообразно увеличение штатной численности инспекций, повышение профессионального уровня сотрудников через специальное обучение, обеспечение их необходимыми методическими и техническими средствами, а также укрепление ресурсной базы УИИ. Цель – создать условия для полноценной индивидуальной работы с каждым осужденным независимо от формального отнесения его к «пробационерам». Кроме того, важно укрепить и повысить эффективность межведомственного взаимодействия при работе с осужденными, состоящими на учете УИИ, установив сотрудничество инспекций с органами местного самоуправления, социальной защиты, образования, здравоохранения, службами занятости. Большую роль здесь могут сыграть общественные организации и волонтеры, имеющие опыт социальной работы с правонарушителями.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Для обеспечения правовой регламентации оказания содействия в получении социально-правовой и иной помощи осужденным, состоящим на учете в УИИ, не находящимся в трудной жизненной ситуации, при этом нуждающимся в оказании помощи, разработать проект постановления Правительства Российской Федерации «Об оказании содействия в получении социально-правовой помощи осужденным, состоящим на учете в уголовно-исполнительных инспекциях», предусматривающего индивидуальные программы оказания социально-правовой помощи.

2. Для успешной ресоциализации лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, и достижения в отношении данной категории осужденных целей наказания, наличие мер, предусмотренных Законом о пробации, является недостаточным. Не все осужденные, нуждающиеся в помощи, находятся в условиях трудной жизненной ситуации. Представляется целесообразным предусмотреть для осужденных механизм, обеспечивающий последовательный и постепенный процесс социальной адаптации.

3. Полагаем, что оптимальным вариантом решения проблем привлечения общественности к работе по оказанию содействия в социальной адаптации осужденных, состоящих на учете в УИИ, может стать формирование попечительского совета при УИИ для расширения форм участия общественности в работе УИИ, содействия в совершенствовании материально-технической базы, в решении вопросов социальной защиты осужденных, организации трудового и бытового устройства освобождающихся лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении формы статистической отчетности ФСИН-1 «Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы» и инструкции по ее заполнению и представлению: приложение № 1 к приказу ФСИН России от 31 августа 2018 г. № 815 «Форма ФСИН-1 (квартальная) «Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий УИС за четвертый квартал 2023 года». URL: <https://base.garant.ru/71198336/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 06.06.2024).
2. Скиба А. П. Направления совершенствования уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного права с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 295–296.
3. Смирнов А. М. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» как показатель недостатков законотворческой и правоприменительной деятельности в Российской Федерации // Петербургские пенитенциарные конференции : сб. материалов комплекса междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Санкт-Петербург – Пушкин, 17–19 мая 2023 года. СПб., 2023. Т. 1. С. 121–125.
4. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17, № 2. С. 176–194.
5. Лядов Э. В. К вопросу о пробации в разрезе проекта Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сб. тез. выступлений и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголов. наказаний, Рязань, 17–18 ноября 2022 г. : в 2 т. Рязань, 2022. Т. 2. С. 757–760.
6. Селиверстов В. И. Совершенствование уголовно-исполнительной политики и законодательства в аспекте факторного подхода // Организация и правовое обеспечение деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в современных условиях : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Рязань, 2023. С. 111–117.

REFERENCES

1. *Ob utverzhdenii formy statisticheskoi otchetnosti FSIN-1 "Itogi deyatel'nosti uchrezhdenii, organov i predpriyatii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy" i instruktsii po ee zapolneniyu i predstavleniyu: prilozhenie No. 1 k prikazu FSIN Rossii ot 31 avgusta 2018 g. No. 815 "Forma FSIN-1 (kvartal'naya) "Itogi deyatel'nosti uchrezhdenii, organov i predpriyatii UIS za chetvertyi kvartal 2023 goda"* [On approval of the FSIN-1 statistical reporting form "Results of the activities of institutions, bodies and enterprises of the penal system" and instructions for completing and submitting it: Appendix No. 1 to the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia of August 31, 2018 No. 815 "Form of the Federal Penitentiary Service-1 (quarterly) "Results of the activities of institutions, bodies and enterprises UIS enterprises for the fourth quarter of 2023"]. Available at: <https://base.garant.ru/71198336/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (accessed June 6, 2024).
2. Skiba A.P. Directions for improving criminal, penal enforcement, criminal procedure and other law, taking into account the adoption of the federal law "on probation in the Russian Federation". *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 295–296. (In Russ.).
3. Smirnov A.M. The Federal Law "On Probation in the Russian Federation" as an indicator of the shortcomings of legislative and law enforcement activities in the Russian Federation. In: *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii: sb. materialov kompleksa mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. T. 1* [Saint Petersburg Penitentiary conferences: collection of materials of the international scientific and practical conference complex: in 2 volumes. Volume 1]. Saint Petersburg, 2023. Pp. 121–125. (In Russ.).
4. Skiba A.P., Maloletkina N.S. Draft law "On probation in the Russian Federation": some aspects of the discussion in 2021–2022. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 176–194. (In Russ.).
5. Lyadov E.V. On the issue of probation in the context of the draft federal law "On probation in the Russian Federation". In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape s uchetom realizatsii Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: sb. tez. vystuplenii i dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po problemam ispolneniya ugolovnykh nakazanii, Ryazan', 17–18 noyabrya 2022 g.: v 2 t. T. 2* [Penal system at the present stage, taking into account the implementation of the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030: collection of articles and reports of participants of the International scientific and practical conference on problems of the execution of criminal penalties, Ryazan, November 17–18, 2022: in 2 vols. Vol. 2]. Ryazan, 2022. Pp. 757–760. (In Russ.).
6. Seliverstov V.I. Improvement of penal enforcement policy and legislation in the aspect of a factor approach. In: *Organizatsiya i pravovoe obespechenie deyatel'nosti organov i uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v sovremennykh usloviyakh: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf.* [Organization and legal support of the activities of bodies and institutions of the penal system in modern conditions: materials of the interuniversity scientific and practical conference]. Ryazan, 2023. Pp. 111–117. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ГРИГОРЬЯН – начальник отделения организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, УФСИН России по Республике Северная Осетия-Алания, Владикавказ, Россия, vg-83@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>

IVAN G. GRIGORYAN – Head of the Department for the Organization of the Execution of Punishments Not Related to the Isolation of Convicts from the Society of the Directorate of the FPS of Russia in the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia, vg-83@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>

Статья поступила 19.06.2023

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.009

К вопросу об исполнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ КОМБАРОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, R.V.Kombarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-041X>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы исполнения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Проводится анализ норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства по вопросам исполнения данного вида наказания. Указываются проблемы, возникающие при реализации наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предлагаются конкретные пути их решения.

Ключевые слова: осужденный; уголовное наказание; уголовно-исполнительная инспекция; лишение права занимать должности; лишение права заниматься определенной деятельностью.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Комбаров Р. В. К вопросу об исполнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 3 (27). С. 71–77. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.009.

Original article

On the Issue of the Execution of Punishment in the Form of Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities

ROMAN V. KOMBAROV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, R.V.Kombarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-041X>

Abstract. The article discusses issues of the execution of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. Norms of criminal and penal legislation on the execution of this type of punishment are analyzed. The author indicates problems that arise in the implementation of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities and proposes specific ways to solve them.

Key words: convicted person; criminal punishment; criminal executive inspection; deprivation of the right to hold office; deprivation of the right to engage in certain activities.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kombarov R.V. On the issue of the execution of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 71–77. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.009.

Исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в последние годы является наиболее обсуждаемой и анализируемой темой в научных кругах. Курс развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС), заявленный в Концепции ее развития до 2030 г., предполагает дальнейшую гуманизацию уголовной и уголовно-исполнительной политики за счет расширения применения данных наказаний и еще большей индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности.

Каждый из видов уголовных наказаний, закрепленных в ст. 44 УК РФ, отвечая общим целям уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, характеризуется различными специфическими возможностями и преследует в том числе и свои самостоятельные и специфические цели. Одним из таких наказаний является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ). Фактически оно состоит из двух относительно самостоятельных видов наказания:

– запрета занимать определенные посты в государственных (или местных) органах власти. Такое наказание зачастую характерно для должностных преступлений (ст. 285, 286, 303 УК РФ и др.), совершенных, например, сотрудниками полиции, УИС, служащими иных органов исполнительной власти и т. д.;

– запрета работать в определенной сфере, то есть осуществлять некую профессиональную или иную деятельность. При этом, если первая означает деятельность трудовую на основе получения профессии (прохождения подготовки) за соответствующее вознаграждение (как правило, это медицинская или педагогическая деятельность, торговля), то вторая – это любой вид деятельности, связанный с предметом совершенного преступления (например, управление транспортным средством, охота, рыболовство и т. д.).

Несмотря на то что рассматриваемый вид наказания может быть назначен как в качестве основного, так и дополнительного, на практике суды предпочитают второй вариант. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2022 г. он применялся в качестве основного 111 раз и 69 028 раз в виде дополнительного [1]. Это объясняется тем, что его назначение и отбывание в большей степени носят психологический характер, а не превентивный. Зачастую, оставаясь среди привычного профессионального окружения, но на другой должности, осужденный чувствует себя опороченным, что в определенной степени способствует его исправлению. Однако наличие юридических препятствий доступа к тем сферам деятельности, в которых этот человек уже проявил противоправное поведение, безусловно, ограждает окружающих от возможности его повторения. Например, Некрасовским районным судом Ярославской области М. была осуждена по ч. 3 ст. 264 УК РФ и по ч. 1 ст. 228 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года 10 месяцев. Суд учел, что М. имеет наркотическую зависимость и вождение ею автомобиля представляет опасность для окружающих [2].

В этом смысле данный вид наказания по своим специфичным целям схож с лишением специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), которое назначается исключительно в качестве дополнительного (ч. 3 ст. 45 УК РФ). В этом случае осужденный теряет блага, которыми он был наделен в связи с его специальным статусом, а также с осуществляемой им деятельностью (например, право на пенсионное обеспечение в связи с выслугой лет у военнослужащих) либо в связи с иными заслугами перед государством (например, награждение лица государственной наградой за совершенный подвиг) [3, с. 547]. Более того, в случае совершения должностных преступлений такие наказания назначаются одновременно в качестве дополнительных. Например, приговором Кисловодского городского суда Ставропольского края М. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 290 УК РФ (получение взятки от Ш.), п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки от Г.), ч. 3 ст. 30, п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (покушение на получение взятки от К.), ч. 1 ст. 290 УК РФ (получение взятки от Л.), на основании ч. 3, 4 ст. 69 УК РФ к 9 годам лишения свободы со штрафом в размере 3 500 000 руб., с лишением права занимать любые должности в органах государственной власти, связанные с осуществлением функций представителя власти, сроком на 6 лет с отбыванием лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Также на основании ст. 48 УК РФ М. лишен специального звания «подполковник юстиции» [4].

Процесс приведения в исполнение приговора о лишении права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью) состоит в освобождении осужденного от занимаемой должности или выполнения им определенных видов деятельности в течение установленного судом периода. Правовое регулирование его исполнения основано на ст. 33–38 УИК РФ и нормах приказа Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовного характера без изоляции от общества». При этом, как подчеркивают Е. В. Бабкина и Д. А. Никитин, одним из наиболее важных элементов рассматриваемого вида наказания являются субъекты исполнения [5, с. 113]. Последние в ч. 2 ст. 16 УИК РФ определены точно: уголовно-исполнительная инспекция (УИИ), исправительное учреждение или дисциплинарная воинская часть, поскольку лишение права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью) может быть назначено как вместе с лишением свободы или содержанием в дисциплинарной воинской части, вместе с наказаниями, не связанными с изоляцией от общества (которые исполняет в частности УИИ), а также в качестве самостоятельного наказания. При этом анализ статистических данных по УИИ показывает, что доля таких лиц, состоящих на учете, довольно высока. Так, в 2022 г. их количество составляло 93 411 чел. (или 23 % от общего числа подучетных лиц) [6]. Отметим, что УИИ исполняют данное наказание после отбытия основного вида наказания. Этот процесс включает в себя:

- учет осужденных в УИИ;

- контроль за соблюдением возложенного судом запрета. При этом к контрольной деятельности подключены администрации организаций, в которых работают осужденные, а также другие государственные органы, правомочные аннулировать разрешение на занятие соответствующей деятельностью, например Государственная инспекция безопасности дорожного движения (ГИБДД), Государственный надзор за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники (Гостехнадзор), Государственная инспекция по маломерным судам МЧС России (ГИМС). Кроме того, в соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 34 УИК РФ администрация организации обязана внести в трудовую книжку осужденного, который

не отбыл наказание, запись о том, на каком основании, на какой срок и какую должность он лишен права занимать или какой деятельностью лишен права заниматься;

– организацию проведения с осужденным воспитательной работы. В целом специальных норм права в этой области не предусмотрено, поэтому на практике УИИ организуют участие осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью) в общих воспитательных мероприятиях, предназначенных для всех подучетных лиц. Это может быть наглядная агитация в стенах УИИ, групповые беседы и лекции, например, о вреде алкоголя, правилах дорожного движения и т. д.

При этом анализ правовой базы и практики исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью) показывает наличие ряда существенных проблем.

Одной из наиболее важных можно назвать отсутствие общих баз данных для проверки лиц, которым назначено рассматриваемое наказание. Это крайне осложняет на практике отслеживание занятия именно определенной деятельностью. Несмотря на то что УИИ направляет в организацию, где работает осужденный, и в орган, который должен аннулировать разрешение, копию приговора суда, нельзя не признать, что лишение права или увольнение педагога из государственного образовательного учреждения, врача из больницы не гарантирует, что он не продолжит заниматься тем же делом, но уже неофициально. УИИ в этом случае бессильна, поскольку не имеет механизмов контроля нелегальной деятельности, а организация, которая принимает на работу такого осужденного, не всегда может получить информацию обо всех его наказаниях. В этой связи считаем, что следует создать общероссийскую электронную базу данных таких осужденных с ограниченным доступом к содержащейся в ней информации.

Следующая проблема исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью), которая вытекает из первой, заключается в слабом взаимодействии УИИ и иных заинтересованных органов, прежде всего ГИБДД. Полагаем, что следует усилить правовую базу и методическое обеспечение такого взаимодействия. Также возможно объединить базу данных УВД и УИИ в части привлечения к административной ответственности осужденных без изоляции от общества (предоставить доступ для УИИ в целях ознакомления и принятия мер в отношении лиц, состоящих на учетах УИИ) [7, с. 91].

Также нельзя не упомянуть и проблему слабого механизма воздействия на осужденных к лишению права занимать определенные должности (заниматься определенной деятельностью) со стороны УИИ. Это проявляется прежде всего в отсутствии технических средств контроля исполнения наказания, а также системы действенных санкций за нарушение осужденными порядка его отбывания. Единственное негативное последствие в данном случае – незачет в срок наказания периода, когда осужденным был нарушен судебный запрет. Полагаем, что такая мера ответственности крайне формальна и неэффективна.

На наш взгляд, необходимо рассмотреть возможность ужесточения мер воздействия при нарушении порядка и условий отбывания наказания. Для этого следует обратить внимание на особенности законодательной регламентации ответственности за уклонение от отбывания наказаний в российском и зарубежном праве. Например, уклонение осужденного от исполнения приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью наказывается в соответствии со ст. 417 Уголовного кодекса Республики Беларусь штрафом или арестом на срок до шести месяцев. В

России уголовная ответственность за уклонение предусмотрена в отношении ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ), в других случаях ответственность наступает уголовно-исполнительная – наказание без изоляции от общества заменяется другим видом уголовного наказания.

По этому поводу в юридической литературе высказываются разные предложения. Например, А. М. Бородина и И. В. Дворянсков являются сторонниками того, чтобы выносить осужденным предупреждение и при этом устанавливать для них обязанность являться на регистрацию в УИИ [8, с. 428]. Д. С. Шагдурова и В. А. Бакуменко считают рациональным введение уголовной ответственности и за уклонение от отбывания рассматриваемого вида наказания [9, с. 280]. Однако согласимся с мнением Л. В. Карханиной, которая предлагает предусмотреть проведение первоначальных розыскных мероприятий в отношении рассматриваемой категории осужденных с незачетом в срок наказания времени, в течение которого осужденный скрывался от контроля УИИ [10, с. 136]. Таким образом, это позволит обеспечить исполнение рассматриваемого вида уголовного наказания необходимыми правовыми мерами реагирования на осужденных, которые не выполняют установленные приговором суда требования.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что правовая неурегулированность некоторых вопросов, связанных с исполнением лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, вызывает трудности в этой сфере, обусловленные слабым контролем со стороны УИИ и недостаточным взаимодействием разных служб. Предлагаем, во-первых, создать общероссийскую электронную базу данных таких осужденных с ограниченным доступом к содержащейся в ней информации; во-вторых, усилить правовые и методические основы взаимодействия, в-третьих, расширить меры ответственности за уклонение от отбывания наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: vsrf.ru/documents/practice/31943/?ysclid=ls0bc2akm6770075941 (дата обращения: 28.02.2024).
2. Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-2538/2022 от 21.11.2022 по делу № 1-66/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fiD77dFoynVX/?ysclid=ltopombhsu277480067>. (дата обращения: 28.02.2024).
3. Захарова С. С. О сущности наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград // Уголовно-исполнительная системы на современном этапе с учетом реализации развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2023 года : сб. тез. выступлений и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголов. наказаний. Рязань, 2022. С. 547–560.
4. Приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края от 22.07.2021 по делу № 136-П21. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/LGcvR8r22Jot/?ysclid=ltoq4cdq8r113726134> (дата обращения: 28.02.2024).
5. Бабкина Е. В., Никитин Д. А. Организационно-правовые вопросы исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Аграрное и земельное право. 2023. № 9 (225). С. 113–117.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2022 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2023. 424 с.
7. Росстальная В. М. Проблематика исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Мара-

фон знаний : сб. науч. тр. по итогам комплекса науч. мероприятий. Новокузнецк, 2023. С. 91–93.

8. Бородин А. М., Дворянсков И. В. Уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: проблемы предупреждения и регламентации ответственности // Человек: преступление и наказание. 2019. № 4. С. 428–434.

9. Шагдурова Д. С., Бакуменко В. А. Проблемы исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Пермский период : сб. материалов X Междунар. науч.-спортив. фестиваля курсантов и студентов образоват. организаций. Пермь, 2023. С. 280–282.

10. Карханина Л. В. Исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Псков, 2022. С. 136–138.

REFERENCES

1. *Dannye Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: vsrf.ru/documents/practice/31943/?ysclid=ls0bc2akm6770075941 (accessed February 28, 2024).

2. *Apellyatsionnoe postanovlenie Yaroslavskogo oblastnogo suda No 22-2538/2022 ot 21.11.2022 po delu No 1-66/2022* [Appeal decision of the Yaroslavl Regional Court No. 22-2538/2022 of November 21, 2022 in case No. 1-66/2022]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/fiD77dFoynVX/?ysclid=ltopombhsu277480067> (accessed February 28, 2024).

3. Zakharova S.S. On the essence of punishment in the form of deprivation of a special, military or honorary title, class rank and state awards. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape s uchetom realizatsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii na period do 2023 goda: sb. tez. vystuplenii i dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. po problemam ispolneniya ugolov. nakazanii* [Penal system at the present stage taking into account the implementation of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2023: collection of articles, speeches and lectures of participants of the International scientific and practical conference on the problems of the execution of criminal punishments]. Ryazan, 2022. Pp. 547–560. (In Russ.).

4. *Prigovor Kislovodskogo gorodskogo suda Stavropol'skogo kraya ot 22.07.2021 po delu No 136-P21* [Verdict of the Kislovodsk City Court of the Stavropol Territory of July 22, 2021 in case No. 136-P21]. Available at: <https://sudact.ru/vsrf/doc/LGcvR8r22Jot/?ysclid=ltoq4cdq8r113726134> (accessed February 28, 2024).

5. Babkina E.V., Nikitin D.A. Organizational and legal issues of execution of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2023, no 9 (225), pp. 113–117. (In Russ.).

6. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy (yanvar'–dekabr' 2022 g.): inform.-analit. sb.* [Key performance indicators of the penal system (January–December 2022): information and analytic collection]. Tver, 2023. 424 p.

7. Rosstal'naya V.M. Problematics of execution of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. In: *Marafon znanii: sb. nauch. tr. po itogam kompleksa nauch. meropriyatiy* [Marathon of knowledge: collection of scientific works according to results of the complex of scientific events]. Novokuznetsk, 2023. Pp. 91–93. (In Russ.).

8. Borodina A.M., Dvoryanskov I.V. Evasion from serving a sentence in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities: problems of prevention and regulation of responsibility. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2019, no 4, pp. 428–434. (In Russ.).

9. Shagdurova D.S., Bakumenko V.A. Problems of execution of punishment in the form of

deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. In: *Permskii period: sb. materialov X Mezhdunar. nauch.-sportiv. festivalya kursantov i studentov obrazovat. organizatsii* [Perm period: collection of materials of the X International scientific and sports festival of cadets and students of educational organizations]. Perm, 2023. Pp. 280–282. (In Russ.).

10. Karkhanina L.V. Execution of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. In: *Penitentsiarnaya sistema, gosudarstvo i obshchestvo: problemy vzaimodeistviya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Penitentiary system, state and society: problems of interaction: materials of the International scientific and practical conference]. Pskov, 2022. Pp. 136–138. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ КОМБАРОВ – **ROMAN V. KOMBAROV** – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, R.V.Kombarov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4255-041X>

Статья поступила 08.04.2024

Научная статья
УДК 343:004
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.010

К вопросу о понятии искусственного интеллекта для целей уголовно-правовых наук

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КОРНЕВ

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия, kornev-as48@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9881-7074>

Аннотация. В статье предпринята попытка определить возможности использования искусственного интеллекта для целей уголовно-правовых наук. Отмечается, что искусственный интеллект предоставляет новые возможности для человечества во всех сферах жизнедеятельности, и именно с ним ассоциируется прорывное развитие как отдельной конкретной отрасли, так и страны в целом. В связи с этим перед наукой уголовного права стоит сложная задача по обеспечению эффективного и устойчивого развития и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации и недопущению преступных посягательств на общественные отношения в данной сфере. Сложность решения указанной задачи заключается в отсутствии на сегодняшний день единого понимания категории «искусственный интеллект» в числе прочего ввиду стремительного развития и изменения соответствующих технологий.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки; искусственный интеллект; техническая система; преступление.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Корнев А. С. К вопросу о понятии искусственного интеллекта для целей уголовно-правовых наук // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 78–82. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.010.

Original article

On the Concept of Artificial Intelligence for the Purposes of Criminal Law Sciences

ALEKSANDR S. KORNEV

Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russia, kornev-as48@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9881-7074>

Abstract. The problem of artificial intelligence has been recently discussed by the legislator, legal scientists and law enforcement officers. This is quite reasonable,

since artificial intelligence provides new opportunities for humanity in all spheres of life and the breakthrough development of both a particular industry and the country as a whole is associated with it. In this regard, the science of criminal law today faces a particularly responsible and difficult task to ensure effective and sustainable development and application of artificial intelligence in the Russian Federation and to prevent criminal encroachments on public relations in this area. The complexity of solving this problem lies in the absence of a single, well-established and clear understanding of the category of “artificial intelligence”, among other things, due to the rapid development and changes in relevant technologies. The article tries to define the concept of “artificial intelligence” for the purposes of criminal law sciences.

Key words: criminal law sciences; artificial intelligence; technical system; crime.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kornev A.S. On the concept of artificial intelligence for the purposes of criminal law sciences. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 78–82. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.010.

В последние годы все больше внимания законодателем, учеными-юристами и правоприменителями уделяется проблеме искусственного интеллекта, что обуславливает увеличение числа исследований в данной области. Это вполне обоснованно, поскольку искусственный интеллект предоставляет новые возможности для человечества во всех сферах жизнедеятельности и именно с данным явлением ассоциируется прорывное развитие как отдельных отраслей, так и страны в целом. Системы искусственного интеллекта успешно применяются в быту, медицине, сельском хозяйстве, других сферах и нередко коренным образом меняют годами складывавшиеся практику и отношения. Как отмечает Президент Российской Федерации В. В. Путин, «с внедрением искусственного интеллекта в науку, образование, здравоохранение, все сферы нашей жизни – человечество начинает новую главу своего существования... Значения прорывов в сфере искусственного интеллекта колоссальны. Соперничество между государствами идет просто ожесточенное. От того, каких результатов мы добьемся, зависит место России в мире, наш суверенитет, безопасность и состоятельность нашей страны» [1].

Вместе с тем, несмотря на несомненные блага, которые несет с собой искусственный интеллект в науке, образовании, здравоохранении и иных сферах жизни, следует отметить, что данное явление создает значительные риски для охраняемых уголовным законом общественных отношений. Так, системы искусственного интеллекта уже применяются для персонализации фишинг-атак, корпоративного шпионажа и манипуляций через фейковый контент и др. В существующих условиях законодателю следует выработать четкие и эффективные меры для борьбы с преступностью в сфере искусственного интеллекта. Причем изменения в характере и структуре общественных отношений, вызванных развитием искусственного интеллекта, должны находить адекватное отражение в нормативно-правовых актах, в том числе и в уголовном законодательстве. Промедление в данном вопросе может способствовать росту преступности. В этой связи перед уголовно-правовыми науками стоит ответственная и сложная задача – обеспечить эффективное и устойчивое развитие и применение искусственного интеллекта в Российской Федерации и не допустить преступных посягательств на общественные отношения в данной области.

Сложность решения отмеченной задачи заключается в отсутствии на сегодняшний день единого понимания категории «искусственный интеллект», что негативно сказывается и на уголовно-правовой сфере, например применительно к пониманию категории «преступле-

ния, связанные с искусственным интеллектом». В результате к отмеченным преступлениям относят широкий круг общественно опасных деяний: преступления в сфере компьютерных технологий, информационные преступления, киберпреступления и др. В этой связи в данной работе предпринята попытка определить понятие и признаки искусственного интеллекта для целей уголовно-правовых наук.

Так, в Толковом словаре русского языка слово «искусственный» понимается как «не природный, сделанный наподобие подлинного» [2]. В свою очередь интеллект определяется как «мыслительная способность, умственное начало у человека» [2].

Нужно отметить, что легальное определение искусственного интеллекта содержится в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», где под ним понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Причем в первоначальной редакции в отмеченном документе искусственный интеллект определялся как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Думается, что внесенные изменения связаны как со стремительным изменением технологий искусственного интеллекта, так и с исправлением ошибок, допущенных при конструировании понятия в 2019 г.

Несложно заметить, что из первоначальной редакции термина «искусственный интеллект» были исключены возможность самообучения подобных технологий, а также указание на то, что искусственный интеллект может получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Последнее следует оценить позитивно, так как использование при конструировании законодательного акта словосочетания «как минимум» противоречит правилам законодательной техники ввиду абстрактности данной категории, порождающей множество вопросов, например, каков минимум или максимум результатов интеллектуальной деятельности человека и каким образом его оценить? В свою очередь, исключение из понятия искусственного интеллекта возможности самообучения, напротив, выглядит временным и недальновидным решением, поскольку очевидно, что в будущем, причем недалеко, технологии искусственного интеллекта будут обладать указанной функцией.

Анализ многочисленной специальной литературы, посвященной проблеме определения понятия и сущности искусственного интеллекта, показал отсутствие единства в данном вопросе. Приведем лишь некоторые примеры. Так, по мнению Ю. В. Грачевой и А. А. Арямова «искусственный интеллект (ИИ) – это область научных знаний и технологий создания интеллектуальных машин и интеллектуального программного обеспечения. Искусственным интеллектом называют свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Одной из ключевых особенностей интеллектуальных вычислительных систем является их способность приобретать знания посредством обучения (самоидентификации) и применять эти знания для решения определенной проблемы» [3]. В свою очередь, по мнению И. В. Понкина, А. И. Редькиной,

искусственный интеллект – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система, обладающая свойствами субстантивности, автономности, а также возможностями воспринимать и анализировать данные, самообучаться [4]. А. В. Миналеев под рассматриваемым понятием предлагает считать в первую очередь совокупность технологий, которые интегрированы в единый механизм, подчиненный определенным целям и задачам [5]. П. М. Морхат под искусственным интеллектом понимает полностью либо частично автономную компьютерно-аппаратно-программную или киберфизическую, в том числе биокибернетическую, систему, наделенную соответствующим математическим обеспечением, а также набором программно-синтезированных (эмулированных) способностей и возможностей, в том числе связанных с имитацией мыслительных и когнитивных действий, саморегулированием и самостоятельным накоплением информации, обучением и самообучением, а также творческим (нешаблонным) решением поставленных задач [6].

Анализ законодательных актов, позиций ученых-юристов позволил сделать вывод, что ключевыми признаками искусственного интеллекта являются:

- 1) совокупность взаимосвязанных элементов (решений, систем, технологий и т. п.), объединенных в одно целое для достижения конкретной цели;
- 2) сложная технически организованная система, механизм которой развивается по строго заданной траектории и подчинен специализированным правилам и установкам;
- 3) искусственно созданная система, то есть система, созданная человеком при помощи научных знаний и достижений науки и техники;
- 4) определенное целевое назначение для заданных условий и характеристик;
- 5) возможности анализа данных, планирования и прогнозирования действий и их последствий, обработки информации и обучаемости;
- 6) система, обладающая свойствами автономности и самостоятельности. Иными словами, подобные технологии могут на основе проведенного анализа реагировать на изменения ситуации и вырабатывать соответствующие решения, в том числе управленческие. Однако автономность и самостоятельность искусственного интеллекта вовсе не говорит о его независимости, так как самостоятельностью обладают только отдельные подконтрольные структурные элементы такой системы. Общий же контроль за системой искусственного интеллекта в целом остается за человеком;
- 7) интеллектуальные способности человека выступают основным ориентиром и индикатором для оценки потенциала таких технологий.

На основании проведенного исследования полагаем, что искусственный интеллект целесообразно определять как сложную искусственную автономную техническую систему, имитирующую интеллектуальные способности человека в целях выполнения конкретных задач, исходя из заранее заданных условий и установок. Сформулированное определение позволяет на основе систематизации и учета существующих в законодательстве и специальной литературе позиций комплексно подойти к дальнейшим изменениям системы уголовно-правового регулирования сферы искусственного интеллекта, что, в свою очередь, позволит повысить эффективность как существующих, так и новых уголовно-правовых средств в целях прогнозирования и предотвращения возможных угроз преступного использования искусственного интеллекта. В этой связи термин «искусственный интеллект» следует внедрить в отечественное уголовное законодательство, поскольку он соответствует требованиям, предъявляемым к юридическим терминам, активно используется в законодательстве, а также юридической литературе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выступление Владимира Путина на конференции AI Journey, посвященной искусственному интеллекту. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82> (дата обращения: 07.07.2024).
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9989> (дата обращения: 15.07.2024).
3. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 169–177.
4. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109.
5. Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2022. Т. 32, № 6. С. 1094–1099.
6. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

REFERENCES

1. *Vystuplenie Vladimira Putina na konferentsii AI Journey, posvyashchenoi iskusstvennomu intellektu* [Vladimir Putin's speech at the AI Journey conference dedicated to artificial intelligence]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82> (accessed July 7, 2024).
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions.]. Available at: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9989> (accessed July 7, 2024).
3. Gracheva Yu.V., Aryamov A.A. Robotization and artificial intelligence: criminal law risks in the field of public safety. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 6, pp. 169–177. (In Russ.).
4. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 91–109. (In Russ.).
5. Minbaleev A.V. The concept of “artificial intelligence” in law. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2022, vol. 32, no. 6, pp. 1,094–1,099. (In Russ.).
6. Morkhat P.M. *Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2018. 420 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КОРНЕВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия, kornev-as48@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9881-7074>

ALEKSANDR S. KORNEV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics of the Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russia, kornev-as48@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9881-7074>

Статья поступила 22.07.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.011

Правовые причины, способствующие коррупционным преступлениям в исправительных учреждениях

НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, nadezda17041976@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых причин, детерминирующих должностные коррупционные преступления в системе исполнения наказаний в целом и в исправительных учреждениях в частности. Анализ отдельных положений Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, непосредственно регулирующих порядок реализации наказания в виде лишения свободы и затрагивающих права и законные интересы осужденных, позволил выделить ряд недостатков юридической техники, использованной законодателем при конструировании норм. Выявленные дефекты связаны с наличием пробелов нормативного регулирования общественных отношений, распространенностью правовых норм, не имеющих официального толкования, присутствием в текстах статей коррупциогенных факторов. В практической деятельности указанные упущения становятся условиями, детерминирующими совершение сотрудниками исправительных учреждений преступлений, связанных со взяточничеством, злоупотреблением полномочиями, использованием служебного положения вопреки интересам службы.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные преступления; права и законные интересы осужденных; лишение свободы; исправительные учреждения; правовые причины; коррупциогенные факторы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кузнецова Н. В. Правовые причины, способствующие коррупционным преступлениям в исправительных учреждениях // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 3 (27). С. 83–87. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.011.

Original article

Legal Grounds for Corruption Crimes in Correctional Institutions

NADEZHDA V. KUZNETSOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, nadezda17041976@yandex.ru

© Кузнецова Н. В., 2024

Abstract. The article considers legal grounds determining official corruption crimes in the penitentiary system in general and correctional institutions in particular. The analysis of certain provisions of the Penal Code of the Russian Federation, which directly regulate the procedure for the implementation of punishment in the form of imprisonment and affect the rights and legitimate interests of convicts, allows us to identify a number of shortcomings of the legal technique used by the legislator in the construction of norms. The identified shortcomings are associated with the presence of gaps in the regulation of public relations, the prevalence of legal norms that do not have an official interpretation, and the presence of corruption-caused factors in the texts of articles. In practice, these shortcomings become conditions that determine the commission by correctional officers of crimes related to bribery, abuse of authority, use of official position contrary to the interests of the service.

Keywords: corruption; corruption crimes; rights and legitimate interests of convicts; imprisonment; correctional institutions; legal causes; corruption-related factors.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kuznetsova N.V. Legal grounds for corruption crimes in correctional institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 83–87. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.011.

В настоящее время коррупция в Российской Федерации отнесена к наиболее опасным внутренним угрозам национальной безопасности, ее искоренение стало национальным стратегическим приоритетом [1].

Одной из форм проявления коррупции в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) является совершение сотрудниками исправительных учреждений (далее – ИУ) должностных преступлений коррупционной направленности. Рассматриваемые деяния не только подрывают авторитет службы, но и препятствует достижению целей уголовного наказания, способствуют осложнению оперативной обстановки, совершению пенитенциарных преступлений. Следует отметить, что за период с 2016 по 2021 г. к уголовной ответственности за совершение должностных преступлений привлечено 875 сотрудников УИС. При этом значительную долю составляют деяния, предусмотренные ст. 290 и 291 УК РФ. Анализ статистических данных позволил сделать вывод о чрезвычайной распространенности указанных преступлений в системе исполнения наказаний. Так, средний показатель удельного веса взяточничества в общей структуре преступлений, совершенных сотрудниками УИС за период с 2016 по 2021 г., составил 24,6 %, в то время как доля взяточничества в структуре общероссийской преступности за указанный период показывала минимальные значения – на уровне 0,6 % [2, с. 172].

Причины, детерминирующие преступное поведение сотрудников, разнообразны и часто связаны с конкретными направлениями их деятельности и функциональными обязанностями. Поэтому и меры предупреждения коррупционных преступлений в УИС должны учитывать не только общие направления противодействия коррупционным преступлениям, но и специфику службы в ИУ.

В настоящее время имеется много исследований, посвященных изучению причинного комплекса, детерминирующего указанные преступления в пенитенциарной системе. Мы же остановились на более детальном рассмотрении правовых причин, наличие которых препятствует предупреждению коррупционной преступности в системе.

В этой связи к числу наиболее актуальных вопросов относится несовершенство национального уголовно-исполнительного законодательства, что вызывает сложности его применения в

практической деятельности. Раскрывая подробнее данный аспект, можно указать на такие недостатки юридической техники, как пробелы законодательного регулирования общественных отношений, распространенность правовых норм, не имеющих официального толкования, наличие коррупциогенных факторов [3]. К числу последних относятся необоснованно широкие пределы усмотрения правоприменителя, наличие возможности безосновательного применения исключений из общих правил, неопределенные, трудновыполнимые, обременительные требования и др.

Детальный анализ отдельных положений УИК РФ позволил выделить ряд таких факторов.

Примером использования законодателем оценочных понятий, не имеющих официального толкования, может служить ст. 78 УИК РФ, норма которой предусматривает возможность изменения вида ИУ. Критерием принятия решения является поведение осужденного и его отношение к труду. Указанным правом могут воспользоваться лишь положительно характеризующиеся осужденные. Проблема правильного применения нормы на практике связана с отсутствием четких показателей, достоверно и прозрачно определяющих положительную или отрицательную направленность конкретного лица, отбывающего лишение свободы.

Попытка более детально раскрыть данные критерии предпринята в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений». Однако подробное рассмотрение понятия не позволило получить точный ответ. Во-первых, при составлении характеристики требуется изучить большое количество показателей, связанных с оценкой поведения осужденного за все время нахождения в условиях изоляции. Критериями являются: соблюдение осужденным правил отбывания наказания, исполнение обязанностей, отношение к участию в воспитательных мероприятиях, общественной жизни в ИУ, наличие либо отсутствие поощрений или взысканий. Во-вторых, анализируются взаимоотношения с родственниками, а также с другими осужденными, имеющими как положительную, так и отрицательную направленность. В-третьих, сотрудникам предоставлено право учитывать иные сведения, не указанные в постановлении, но которые могут повлиять на принятие решения об изменении вида ИУ (п. 27).

Отсутствие в нормативных документах четко сформулированных оснований, при наличии которых осужденный может получить положительную характеристику, в практической деятельности приводит к определенным сложностям. Представляется, что отсутствие у осужденного нарушений и взысканий за время отбывания наказания является достаточным фактором для оценки его поведения как правопослушного со всеми вытекающими перспективами. Однако на практике такое поведение свидетельствует лишь о нейтральной направленности личности, что в последующем создает препятствия для реализации его законного интереса.

Правовая неопределенность, возможность оценивать поведение осужденного положительно или отрицательно по усмотрению сотрудника способствуют злоупотреблениям представителей администрации учреждения. В качестве примера можно привести приговор Южно-Сахалинского суда по уголовному делу, возбужденному в отношении двух сотрудников исправительной колонии, которые за 200 тыс. руб. пообещали решить вопрос о подготовке положительной характеристики на осужденного, претендующего на изменение вида исправительного учреждения, без законных оснований. Так, один из фигурантов применил к осужденному максимальное количество мер поощрения, составил положительную характеристику и проголосовал на заседании комиссии. Второй выступил посредником при передаче денежных средств [4].

Серьезной правовой проблемой является наличие в диспозициях некоторых статей коррупциогенных факторов.

Например, формулировки отдельных норм, позволяющих реализовать права и законные интересы осужденных, изначально содержат неопределенность, допускаются расширительное толкование и возможность их применения по усмотрению администрации пенитенциарного учреждения. К числу таких положений можно отнести:

– ч. 1 ст. 113 УИК РФ «Меры поощрения, применяемые к осужденным к лишению свободы», предусматривающую перечень стимулирующих мер, применяемых к лицам, находящимся в условиях изоляции. При наличии хорошего поведения, добросовестного отношения к труду, обучению, участию в воспитательных мероприятиях к осужденным могут применяться меры поощрения. Однако они могут быть реализованы в зависимости от усмотрения администрации учреждения, поэтому не каждый осужденный, демонстрирующий требуемое поведение, может быть поощрен. Кроме того, в статье законодатель не раскрывает ни понятие, ни критерии хорошего поведения и добросовестного отношения к труду, ни минимальное количество воспитательных мероприятий, в которых осужденный должен принять участие;

– ч. 2 ст. 116 УИК РФ «Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, осужденными к лишению свободы», закрепляющую возможность, а не обязанность администрации принимать решение о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания в случае повторного совершения нарушения в течение года;

– ч. 2 ст. 122 УК РФ «Исправительные колонии строгого режима», содержащего указание на возможность перевода осужденного на облегченные условия отбывания наказания по усмотрению руководства исправительного учреждения.

Закрепленные в УИК РФ широкие полномочия должностных лиц учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, на практике могут приводить к злоупотреблениям. Например, сотрудник колонии воспользовался предоставленными ему законом полномочиями, предусмотренными ч. 2 ст. 122 УИК РФ, и предложил осужденному приобрести для него сувениры на сумму 6 тыс. руб. Взамен пообещал решить вопрос о переводе в облегченные условия содержания без наличия законных оснований [5].

Таким образом, наличие в тексте статьи коррупционных составляющих открывает сотруднику возможность применять норму по своему усмотрению, что нередко приводит к злоупотреблениям, нарушению прав и законных интересов осужденных, подкупу персонала.

Решение обозначенной проблемы видится в осуществлении деятельности по устранению выявленных недостатков. Важно в тексте нормы предусмотреть четкие критерии, наличие которых обеспечивало бы обязательность совершения сотрудниками определенных действий, исключить коррупциогенные факторы. В настоящее время мы не готовы предложить исчерпывающий перечень показателей, согласно которым, например, осужденный мог бы характеризоваться положительно, отрицательно или нейтрально, поскольку это требует проведения отдельного комплексного исследования (ст. 78 УИК РФ). Со своей стороны отметим, что критерии оценки должны иметь не только четкие, но и понятные формулировки, исключая дискреционные полномочия и расширительное толкование.

В то же время незначительная коррекция содержания проанализированных выше норм УИК РФ позволит устранить некоторые недостатки законодательной техники. Предлагаем внести в УИК РФ следующие изменения:

1. В ч. 1 ст. 113 слова «могут применяться следующие меры поощрения» заменить словами «применяются следующие меры поощрения».
2. В ч. 2 ст. 116 слова «злостным может быть признано» заменить словами «злостным признается».
3. В ч. 2 ст. 122 слова «могут быть переведены в облегченные условия» заменить словами «переводятся в облегченные условия».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
2. Пенитенциарная криминология : учеб. / С. В. Расторопов, В. А. Понкратов, И. В. Пикин, Н. А. Горшкова ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. В. Расторопова. М., 2023. 193 с.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федер. закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609.
4. Приговор по уголовному делу № 1-236/23 от 06.06.2023. URL: <https://sudact.ru/practice/po-korrupcionnym-prestupleniyam-po-vzyatochnichest/?ysclid=lv6bs81od4906746982> (дата обращения: 07.04.2024).
5. Мужчина признал свою вину. URL: <http://pq12.ru/news/24176> (дата обращения: 12.01.2024).

REFERENCES

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5,351. (In Russ.).
2. Rastoropov S.V., Ponkratov V.A., Pikin I.V. et al. *Penitentsiarnaya kriminologiya: ucheb.* [Penitentiary criminology: textbook]. Moscow, 2023. 193 p.
3. On the anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts: Federal Law No. 172-FZ of July 17, 2009 (as amended on 05.12.2022). In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2009. No. 29. Art. 3,609. (In Russ.).
4. *Prigovor po ugovnomu delu No. 1-236/23 ot 06.06.2023* [Verdict in criminal case No. 1-236/23 of June 6, 2023]. Available at: <https://sudact.ru/practice/po-korrupcionnym-prestupleniyam-po-vzyatochnichest/?ysclid=lv6bs81od4906746982> (accessed April 7, 2024).
5. *Muzhchina priznal svoju vinu* [The man admitted his guilt]. Available at: <http://pq12.ru/news/24176> (accessed January 12, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАДЕЖДА ВЯЧЕСЛАВОВНА КУЗНЕЦОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, nadezda17041976@yandex.ru

NADEZHDA V. KUZNETSOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, nadezda17041976@yandex.ru

Статья поступила 22.04.2024

Научная статья
УДК 343.32+343.34
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.012

Квалификация мошенничества с использованием электронного средства платежа и его отграничение от смежных составов преступлений

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ЛЕЩЕНКО

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
Vladimirleschenko@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы обеспечения точной квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронного средства платежа, в контексте реализации принципа справедливости, дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. Выделяются ключевые особенности преодоления конкуренции между смежными составами преступлений, предметом которых являются электронные денежные средства.

Ключевые слова: хищение чужого имущества; уголовная ответственность; состав преступления; объективные признаки; банковская карта; мошенничество; платежная система; имущественный ущерб; преступление; электронное платежное средство.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Лещенко В. П. Квалификация мошенничества с использованием электронного средства платежа и его отграничение от смежных составов преступлений // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 88–94. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.012.

Original article

Qualification of Electronic Payment Fraud and Its Separation from Related Crimes

VLADIMIR P. LESHCHENKO

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, Vladimirleschenko@mail.ru

Abstract. The article considers problems of ensuring the accurate qualification of fraud committed using an electronic means of payment in the context of the implementation of the principle of fairness, differentiation of criminal liability and individualization of punishment. The specifics of overcoming competition between related crimes, the subject of which is electronic money, is highlighted.

Key words: theft of other people's property; criminal liability; composition of the crime; objective evidence; bank card; fraud; payment system; property damage; crime; electronic means of payment.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Leshchenko V.P Qualification of electronic payment fraud and its separation from related crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 88–94. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.012.

Современное общество стремительно развивается благодаря применению высоких технологий и инновационных подходов. Научно-технический прогресс охватывает все отрасли человеческой деятельности, включая товарно-денежные отношения и рыночную экономику. Сегодня депозитные и кредитные банковские карты, мобильные приложения и бесконтактные платежные системы являются основными способами оплаты сделок.

Эти изменения приводят к тому, что преступники все чаще направляют свои усилия на сектор экономики, внедряя различные способы хищения с банковских счетов и используя разнообразные преступные схемы. Государство принимает законодательные меры для предотвращения таких деструктивных действий, улучшая нормативно-правовую базу и ужесточая ответственность за экономические преступления.

В то же время параллельно осуществляется частичная либерализация уголовного наказания за отдельные виды экономических преступлений. В связи с этим полагаем, что необходимо установить равновесие между предотвращением противоправных деяний и защитой прав граждан в условиях стремительно развивающегося технологического прогресса [1].

Реализация принципа справедливости обеспечивается средствами дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, в том числе путем точного установления признаков состава преступления в процессе квалификации.

Одной из наиболее распространенных задач при квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа является уточнение критериев, отличающих его от других подобных преступлений. К таким преступлениям относятся «обычное» мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), кража с банковского счета и хищение электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

В качестве примера можно привести приговор Куйбышевского районного суда г. Омска [2]. По данным дела, работник банка С., занимавший должность сервис-менеджера в одном из отделений в Омске, обслуживал клиентку Т. Е. И., которая обратилась к нему для перевода 19 861,04 руб. с ее расчетного счета на связанный с ее картой счет. В этот момент у него возник умысел к уклонению денег гражданки Т. Е. И. Он воспользовался своим положением, чтобы сделать перевод 10 430,51 руб. со счета потерпевшей на свой счет и просил ее подтвердить операцию, используя ее карту и вводя ПИН-код. Таким образом он похитил 10 430,51 руб. и совершил еще один перевод на сумму 9 430,53 руб. для скрытия своих действий. Изначально содеянное было квалифицировано как мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с использованием служебного положения.

Обстоятельства дела, представленные в приговоре, позволяют усомниться в объективности принятого судом решения. Полагаем, что содеянное образует признаки хищения

путем злоупотребления доверием, поскольку работник банка С. обманул клиентку относительно намерений и отвлек ее во время операции. Следовательно, обвиняемый совершил мошенничество. Мошенничество в области компьютерной информации обычно подразумевает изменение данных, однако в данном случае обвиняемый осуществил мошеннический перевод средств. Таким образом, в действиях виновного усматриваются признаки мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа, сопряженного со злоупотреблением служебным положением (ч. 3 ст. 159³ УК РФ).

Статистические данные, отражающие практику применения норм об ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), позволяют говорить о ее незначительной распространенности. Так, за период с 2019 по 2023 гг. по ст. 159.6 УК РФ было осуждено 526 чел., что составляет в среднем около 130 чел. в год. Также стоит отметить, что после внесения изменений в ст. 159.3 УК РФ количество приговоров по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации начало снижаться [3].

Исходя из вышесказанного и учитывая тенденцию к стиранию границ между мошенничеством и мошенничеством в области компьютерной информации, некоторые исследователи предлагают объединить данные нормы. Представляется, что такой подход логичен, требует дальнейшего изучения и может стать предметом научных исследований в области борьбы с киберпреступностью.

При установлении различий между мошенничеством и кражей важно отметить, что среди специалистов нет единого мнения относительно того, как следует толковать ситуации, когда украденная или поддельная карта впоследствии используется для вывода денег через банкомат с использованием программно-технического комплекса [4]. Необходимо подчеркнуть, что в данном контексте жертвами могут стать лица, не имеющие отношения к банковской сфере. Согласно теории уголовного права, не каждое использование украденных или поддельных средств для завладения имуществом квалифицируется как мошенничество, если при этом отсутствует контакт с работниками финансовых учреждений или других специализированных организаций [5].

Практика правоприменения в полной мере отражает рассмотренную теорию.

Существует множество случаев квалификации преступлений, связанных с хищением средств через электронные платежные системы. Одним из таких может служить судебное решение по квалификации действий гражданки С., похитившей банковскую карту потерпевшего, будучи осведомленной о ПИН-коде, обналичившей 33 тыс. руб. и истратившей банковскую комиссию в сумме 345 руб. В результате чего потерпевшему был причинен значительный ущерб, а действия виновной квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как тайное хищение электронных денежных средств с банковского счета [6].

Это лишь один из множества примеров правоприменения, однако далеко не единственный. Другим примером квалификации рассматриваемых преступлений являются ситуации, когда преступник осуществляет финансово-расчетные операции посредством специализированных программных систем или обналичивание денежных средств через аппаратно-программные комплексы. Показательным является приговор по уголовному делу в отношении гражданки В., действия которой были квалифицированы по ч. 2 ст. 159 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела, гражданка похитила банковскую карту и передала ее третьему лицу, введя в заблуждение последнего, относительно имеющихся у нее прав на законное использование данной карты [7]. После того как третье лицо произвело обналичивание денежных средств в сумме 149 тыс. руб., введя ПИН-код, указанный гражданкой В., ей были переданы обналиченные деньги. В представленном примере об-

ман был использован для введения в заблуждение не потерпевшего, а третьего лица, что обеспечило сокрытие личности виновного, поэтому действия не были квалифицированы как мошенничество.

В мае 2017 г. Верховный Суд Российской Федерации принял важное постановление, согласно которому хищение денежных средств с использованием чужих электронных платежных средств через банкомат квалифицируется как кража [8]. В то же время суд указал, что при мошенничестве с использованием платежных средств обман должен быть направлен на официального представителя торговой, кредитной или иной организации. Однако в июне 2021 г. эти положения были исключены из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что вызвало множество вопросов о том, какие действия теперь следует считать мошенничеством с использованием электронных платежных средств.

Изначальная редакция закона вызвала серьезные обсуждения среди теоретиков. Так, О. В. Ермакова указывала, что уточнение объекта обмана в предыдущей норме ограничивало круг лиц, подпадающих под данное преступление, исключая квалификацию действий злоумышленников в случаях, когда их целью не были уполномоченные специалисты указанных структур [9]. Мы полагаем, что изменения в ст. 159 УК РФ, внесенные в апреле 2018 г., которые исключили упоминание обмана уполномоченных работников, значительно расширили интерпретацию этой нормы. Также считаем, что квалификацию действий как кражи следует применять и в ситуациях, когда хищение денег посредством чужого электронного платежного средства происходит при оплате товаров на кассе самообслуживания без участия уполномоченного работника. Важно уделить внимание выявлению всех обстоятельств преступления при его квалификации в нынешних условиях.

Представленные выше примеры судебной и следственной практики свидетельствуют о различных подходах к уголовно-правовой оценке действий при краже денежных средств со счетов жертв с использованием программно-технических комплексов для автоматизированной выдачи наличности. Эти различия обусловлены как объективными причинами, такими как недостаточная законодательная регламентация, так и субъективными факторами, связанными с субъективным усмотрением правоприменителей [10]. Также вызывает споры вопрос о квалификации действий преступника, если тот использует украденную банковскую карту сотрудником для бесконтактной оплаты в торговых точках без необходимости ввода ПИН-кода на небольшие суммы или с использованием незащищенного электронного средства платежа. Некоторые эксперты считают, что в данном случае отсутствует элемент мошенничества, и, следовательно, подобные действия не могут быть квалифицированы как преступление. Сотрудник, ответственный за проведение операции, не осознает незаконности использования средств и не располагает информацией о настоящем владельце денежных активов [11].

Противоположная точка зрения основывается на признании пассивным обманом действий, состоящих в сокрытии виновным факта неправомерного использования электронного платежного средства в целях хищения денежных средств со счета потерпевшего. Данная позиция основана на том, что использование электронного платежного средства дает основание полагать лицу, осуществляющему финансово-расчетную операцию, в легитимности совершаемых действий [12].

Не менее значимой проблемой в рассматриваемом вопросе является определение квалификации действий лица, использующего одно электронное средство оплаты различными способами при совершении нескольких действий по хищению денег. Это касается сложных операций, требующих высокой квалификации со стороны правоохранительных

органов и судей. Например, мошенник может задействовать одну платежную карту для онлайн-банкинга и терминалов оплаты, проводя безналичные транзакции в магазинах и осуществляя переводы денежных средств на счета других лиц используя специализированное программное обеспечение. В данных действиях усматриваются признаки совокупности тайного хищения чужого имущества и мошенничества с использованием электронного средства платежа, объединенных единым преступным умыслом. Хотя с правовой точки зрения эти действия различаются, их общий умысел усложняет юридическую квалификацию.

Кроме того, в судебно-следственной практике встречаются случаи, связанные с совершением сложных многоуровневых преступлений, в которых активно применяются различные информационно-коммуникационные технологии и средства обработки компьютерных данных. Одна из распространенных схем включает разработку и распространение вирусов и вредоносного программного обеспечения в Интернете с целью получения доступа к личной информации пользователей. Затем эта информация используется для незаконных онлайн-транзакций или создания поддельных электронных платежных средств [13].

Эти действия должны быть квалифицированы как совокупность преступлений, однако правоохранительные органы сталкиваются с трудностями в разграничении действий по различным составам и правильной квалификации. Это связано с отсутствием опыта применения законов, разногласиями в подходах и недостаточной законодательной регламентацией.

В правоохранительной и судебной практике появилась новая проблема, связанная с мошенничеством, когда злоумышленники не стремятся напрямую завладеть деньгами, а пытаются выведать конфиденциальную информацию, такую как CVV-код, ПИН-код, пароль от мобильного банковского приложения и другие личные данные. Эти сведения открывают преступникам доступ к финансовым активам жертвы.

Обман при совершении мошенничества не служит средством для доступа к имуществу, а является способом завладения чужими средствами. Получение доступа к коду путем обмана специалиста следует рассматривать как подготовку к преступлению, а последующие действия подпадают под состав тайного хищения или мошенничества. На сегодняшний день разные правоприменители имеют разное мнение по этому вопросу.

Анализ законодательства и судебной практики показывает, что, несмотря на оптимизацию нормативной базы и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, возникают проблемы с квалификацией мошенничества с использованием электронных средств платежа.

В заключение можно сделать ряд выводов и предложений:

1. Оплата товаров и услуг через автоматизированную кассу без участия сотрудника должна квалифицироваться как тайное хищение с банковского счета.

2. При квалификации хищения с использованием электронных платежей необходимо учитывать все обстоятельства, включая действия, устраняющие сомнения у специалиста о правомерности использования платежа.

3. Хищения с использованием разных платежных средств должны квалифицироваться как совокупность преступлений.

4. Обман уполномоченного лица для получения информации по электронному платежу может быть квалифицирован как приготовление к краже или мошенничеству в зависимости от дальнейших действий.

5. В случаях конкуренции между составами мошенничества, указанными в ст. 159.2 и 159.3 УК РФ, следует учитывать специфику общественных отношений. Действия, не угро-

жающие отношениям собственности, должны квалифицироваться как мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ашмика А. Киберпреступления, связанные с электронными картами, и банковское мошенничество // *Право и цифровая экономика*. 2023. № 1 (19). С. 60–71.
2. Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 11 июня 2019 г. по делу № 1-220/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BmiJ3il64vHK/> (дата обращения: 13.11.2022).
3. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2023 год. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/k3-svod_vse_sudy-2023.xls (дата обращения: 26.02.2024).
4. Намысов Е. Д. Мошенничество в цифровую эпоху в связи с общественными изменениями // *Криминологический журнал*. 2023. № 3. С. 148–154.
5. Николаев Б. В., Яшина Д. Д. Мошенничество и смежные виды преступлений: проблемные вопросы разграничения // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2023. № 4 (44). С. 104–108.
6. Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 22 сентября 2020 г. по делу № 1-360/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OiC49INmq9W8/> (дата обращения: 16.03.2023).
7. Приговор Кировского районного суда г. Томска от 9 марта 2016 г. по делу № 1-50/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kirovskii-raionnyi-sud-g-tomska-tomskaia-oblast/?ysclid=lvqgf8zzlw269590183> (дата обращения: 16.03.2023).
8. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017 № 17) // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2003. № 2.
10. Царегородцева Р. Е. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // *Вестник науки*. 2023. Т. 4, № 11 (68). С. 274–279.
11. Чередниченко Е. Е. Дистанционное мошенничество: проблемы профилактики, расследования и правоприменения // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2023. Т. 19, № 1. С. 211–214.
12. Базикян Н. Г. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: особенности признаков состава преступления и вопросы квалификации // *Академический научно-правовой вестник адвоката А. Н. Чашина*. 2023. № 3. С. 24–29.
13. Тимиралиева С. Р. Дефинитивный набор правовой категории «мошенничество с использованием электронных средств платежа» // *Система научных ценностей российского общества: междисциплинарные исследования : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Таганрог, 13 января 2024 года. Уфа, 2024. С. 106–108.

REFERENCES

1. Ashmika A. Cybercrimes related to electronic cards and bank fraud. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and Digital Economy*, 2023, no. 1 (19), pp. 60–71. (In Russ.).
2. *Prigovor Kuibyshevskogo raionnogo suda g. Omska ot 11 iyunya 2019 g. po delu No. 1-220/2019* [Verdict of the Kuibyshevsky District Court of Omsk of June 11, 2019 in case No. 1-220/2019]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/BmiJ3il64vHK/> (accessed November 13, 2022).
3. *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestuplenii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i inykh lits, v otnoshenii kotorykh vyneseny sudebnye акты po ugolovnym delam za 2023 god* [Report on the number of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal

cases were issued for 2023]. Available at: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/k3-svod_vse_sudy-2023.xls (accessed February 26, 2024).

4. Namysov E.D. Fraud in the digital age in relation to societal change. *Kriminologicheskii zhurnal = Criminological Journal*, 2023, no. 3, pp. 148–154. (In Russ.).

5. Nikolaev B.V., Yashina D.D. Fraud and related types of crimes: problematic issues of differentiation. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University*, 2023, no. 4 (44), pp. 104–108. (In Russ.).

6. *Prigovor Starooskol'skogo gorodskogo suda Belgorodskoi oblasti ot 22 sentyabrya 2020 g. po delu No. 1-360/2020* [Verdict of the Staryi Oskol City Court of the Belgorod Oblast of September 22, 2020 in case No. 1-360/2020]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/OiC49INmq9W8/> (accessed March 16, 2023).

7. *Prigovor Kirovskogo raionnogo suda g. Tomska ot 9 marta 2016 g. po delu No. 1-50/2016* [Verdict of the Kirovsky District Court of Tomsk of March 9, 2016 in case No. 1-50/2016]. Available at: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kirovskii-raionnyi-sud-g-tomska-tomskaia-oblast/?ysclid=lvqgf8zzlw269590183> (accessed March 16, 2023).

8. On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 (as amended of May 16, 2017 No. 17). In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2003. No. 2. (In Russ.).

10. Tsaregorodtseva R.E. Fraud using information technologies. *Vestnik nauki = Scientific Bulletin*, 2023, vol. 4, no. 11 (68), pp. 274–279. (In Russ.).

11. Cherednichenko E.E. Remote fraud: problems of prevention, investigation and law enforcement. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 211–214. (In Russ.).

12. Bazikyan N.G. Fraud using electronic means of payment: features of the elements of a crime and qualification issues. *Akademicheskii nauchno-pravovoi vestnik advokata A. N. Chashina = Academic Scientific and Legal Bulletin of the Lawyer A.N. Chashin*, 2023, no. 3, pp. 24–29. (In Russ.).

13. Timiraliyeva S.R. A definitive set of the legal category “fraud using electronic means of payment”. In: *Sistema nauchnykh tsennostei rossiiskogo obshchestva: mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. st. vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Taganrog, 13 yanvarya 2024 goda* [System of scientific values of the Russian society: interdisciplinary research: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Taganrog, January 13, 2024]. Ufa, 2024. Pp. 106–108. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕЩЕНКО ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия, Vladimirleschenko@mail.ru

VLADIMIR P. LESHCHENKO – Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, Vladimirleschenko@mail.ru

Статья поступила 30.07.2024

Новая статья

УДК 343.3

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.013

Проблемы преодоления межотраслевой рассогласованности норм об ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств

АНЖЕЛИКА МАИРБЕКОВНА МАРЗАГАНОВА

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия,
mairbekovna@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы межотраслевой рассогласованности норм, обеспечивающих охрану общественных отношений в области надлежащего (установленного законом) порядка расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов. Обращается внимание на терминологическую неопределенность ст. 285.1 и 285.2 УК РФ, что является причиной значительных трудностей в правоприменительной деятельности. Обосновывается необходимость гармонизации норм бюджетного, административно-деликтного и уголовного законодательства. Предлагаются варианты преодоления межотраслевой рассогласованности исследуемых норм.

Ключевые слова: бюджетные средства; средства государственных внебюджетных фондов; нецелевое расходование; преступление; административное правонарушение; правовая коллизия; бюджетное законодательство.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Марзаганова А. М. Проблемы преодоления межотраслевой рассогласованности норм об ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 3 (27). С. 95–103. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.013.

Original article

Problems of Overcoming Intersectoral Inconsistency of the Norms on Liability for Misuse of Budgetary Funds

ANZHELIKA M. MARZAGANOVA

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, mairbekovna@rambler.ru

Abstract. The article considers issues of intersectoral inconsistency of norms ensuring protection of public relations in the field of a proper (legally established) procedure for spending public finances and means of state extra-budgetary funds. Attention is drawn to the terminological ambiguity of articles 285.1 and 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which hinders law enforcement.

© Марзаганова А. М., 2024

The necessity to harmonize norms of budgetary, administrative-tort and criminal legislation is substantiated. Ways for overcoming the intersectoral inconsistency of the studied norms are proposed.

Keywords: budgetary funds; means of state extra-budgetary funds; misuse; crime; administrative offense; legal conflict; budget legislation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Marzaganova A.M. Problems of overcoming intersectoral inconsistency of the norms on liability for misuse of budgetary funds. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 95–103. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.013.

Противодействие преступлениям, связанным с неправильным использованием бюджетных средств и государственных пособий, становится все более актуальным в условиях постоянных экономических реформ и необходимости предотвращения криминализации. Общественные отношения, касающиеся управления финансовыми ресурсами страны, на данный момент недостаточно регулируются. Это подтверждают многочисленные случаи неправомерного использования средств и злоупотребления со стороны должностных лиц, ответственных за их распределение. В результате таких действий государству наносится значительный экономический ущерб, а моральный вред подрывает доверие общества к власти.

Закрепленные в ст. 38 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ) принципы целевой направленности и адресности бюджетных средств, составляют базисную основу государственной бюджетной системы. Их суть заключается в том, что средства из бюджета и лимиты финансирования проектов передаются определенным получателям с указанием цели их использования.

Для эффективной реализации упомянутых выше принципов на законодательном уровне сформирован механизм правового регулирования расходования бюджетных средств, обеспечиваемый мерами государственного принуждения.

В свою очередь, механизм мер государственного принуждения является естественным методом обеспечения неукоснительного соблюдения установленных государством требований и предписаний в осуществлении бюджетно-финансовых отношений. Данные меры принуждения традиционно рассматриваются в контексте юридической ответственности, регламентированной достаточно широким кругом норм, имеющих различную отраслевую принадлежность. При использовании бюджетных средств не по назначению вводятся меры бюджетного принуждения, которые могут привести к бюджетной, административной или уголовной ответственности. Основой для этих видов ответственности являются нормы, изложенные в БК РФ, Особенной части УК РФ и КоАП РФ.

Считаем, что ответственность за нарушения бюджетного законодательства не должна ограничиваться только бюджетной или административной ответственностью. Необходимо четко разграничить виды ответственности - бюджетную, административную и уголовную - в зависимости от степени общественной опасности правонарушений. Преступления, связанные с ненадлежащим использованием бюджетных и внебюджетных средств, имеют ряд характеристик, таких как: а) негативное влияние на стабильное функционирование экономики страны; б) прямые нарушения в финансировании государственных национальных проектов и целевых программ (например, в сфере образования, здравоохранения, науки

и т. д.); в) злоупотребление бюджетными и внебюджетными фондами, что в ряде случаев ограничивает возможности государства по проведению комплексных реформ, направленных на поддержание экономической стабильности и улучшение социального благополучия.

Вместе с тем широкий арсенал охранительных мер, обеспечивающих надлежащий порядок осуществления финансовой и бюджетной деятельности, требует гармонизации норм различной отраслевой принадлежности.

Существование различных правовых последствий для схожих правонарушений свидетельствует о межотраслевой дифференциации юридической ответственности. Мы разделяем мнение авторов, которые рассматривают дифференциацию ответственности как установление разных видов (форм) ответственности в законе, в зависимости от наиболее типичных характеристик, обобщающих различные группы правонарушений [1, с. 294].

В случае нарушения бюджетного законодательства в рамках нецелевого расходования бюджетных средств предусмотрены определенные меры ответственности. Единое понимание ответственности за подобные правонарушения невозможно без учета бланкетного правового регулирования.

Ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств определяется ст. 306.4 БК РФ, в соответствии с которой признаки правонарушения образует расходование бюджетных средств не по целевому назначению, а также при оплате денежных обязательств, которые не соответствуют полностью или частично целям, установленным законодательством о бюджете, сводной и бюджетной росписью, лимитами бюджетных обязательств, сметой бюджета или договорами (соглашениями) и другими правовыми актами, на основании которых эти средства были предоставлены [2, с. 94].

Важно отметить, что необходимо единое понимание нецелевого использования бюджетных средств во всех областях права и нормативных актах, регулирующих ответственность за подобные нарушения бюджетного законодательства. Это также является одной из причин трудностей в квалификации таких деяний. При расходовании бюджетных средств следует не только достигать целей, предусмотренных законом или решением бюджета, но и строго соблюдать установленные правила их использования.

Способами прямого нарушения принципа адресности может служить использование неправильного кода целевой статьи и типа расходов по бюджетной классификации Российской Федерации при использовании бюджетных средств. Кроме того, нарушение адресности также происходит из-за несоответствия объема выделенных бюджетных средств в рамках установленных кодов видов расходов и целевой статьи.

В этой связи особого внимания заслуживают различия в терминологии, используемой при конструировании норм БК РФ, КоАП РФ и УК РФ, устанавливающих ответственность за правонарушения в сфере бюджетного законодательства. Так, в УК РФ используется термин «нецелевое расходование», в КоАП РФ – «нецелевое использование». Учитывая общий характер норм КоАП РФ и УК РФ, целесообразно гармонизировать названия ст. 285.1 и 285.2 УК РФ с БК РФ.

В отличие от преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за аналогичные деяния, в нормах БК РФ не используется термин «расходование бюджетных средств». Этот вопрос вызывает различные мнения среди ученых. Так, одни склонны считать, что нормы БК РФ являются основополагающими по отношению к нормам УК РФ по причине бланкетного характера последних, что дает основание для приведения в соответствие с бюджетным законодательством норм УК РФ в части установления основания уголовной ответственности за преступления, связанные с нецелевым

расходом бюджетных средств [3, с. 26]. Другие же, напротив, полагают, что термины, используемые при описании признаков объективной стороны составов данных правонарушений, такие как «расходование» и «использование», являются синонимами, а стало быть, должны трактоваться равнозначно [4, с. 124]. Тем не менее предшествующая редакция БК РФ (по состоянию на 26.04.2007) содержала норму, закрепленную в ст. 227, посвященную «Расходование бюджетных средств», что подчеркивало различия в этих понятиях. В данной статье расходование бюджетных средств трактовалось как списание денежных средств с единого бюджета в объеме подтвержденного бюджетного обязательства в пользу физических и юридических лиц. Мы считаем, что термин «использование бюджетных средств» имеет более широкое значение, охватывающее «расходование» как один из составляющих ее признаков.

Также следует обратить внимание на ряд различий в содержании признаков, определяющих субъектов рассматриваемых правонарушений. В составах преступлений, посягающих на бюджетные правоотношения, основными субъектами признаются должностные лица. Однако, согласно ст. 306.1 БК РФ, субъектами бюджетных правонарушений могут также выступать юридические лица, такие как финансовые органы, распорядители или получатели бюджетных средств, а также администраторы бюджета и др. Следует подчеркнуть, что, согласно ст. 285.1 УК РФ, субъектами преступления признаются только должностные лица, являющиеся получателями бюджетных средств. Таким образом, положения данной нормы не распространяются на других должностных лиц, участвующих в бюджетных отношениях.

Бюджетная сфера весьма обширна и включает также других участников, обладающих аналогичными интересами в получении и использовании бюджетных средств. Рассмотрим это на примере расходования субсидий.

В соответствии со ст. 69 и 78 БК РФ субсидии, предоставляемые юридическим лицам (исключая государственные и муниципальные учреждения), индивидуальным предпринимателям и физическим лицам, занимающимся производством товаров, работ и услуг, являются целевыми бюджетными ассигнованиями. Предоставляемые средства имеют безвозмездный и безвозвратный характер и имеют своей целью покрытие недополученных доходов или возмещения финансовых затрат, понесенных в процессе производственной деятельности, реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг соответствующими субъектами.

В соответствии с ч. 3 ст. 78 БК РФ предусмотрен правовой механизм осуществления возврата ранее полученных субсидий в бюджет при условии несоблюдения целевых обязательств, имевших место на момент предоставления соответствующих субсидий. Так, в случае невозвращения получателем субсидии соответствующей суммы денежных средств по запросу контролирующего органа возникают основания их истребования в судебном порядке. Однако процесс возврата субсидий носит преимущественно компенсационный характер и не учитывает в полной мере степень общественной опасности, связанной с нецелевым использованием субсидий.

В отличие от санкций уголовно-правовых норм бюджетное законодательство предусматривает возможность бесспорного взыскания средств, использованных нецелевым образом (ч. 3 ст. 306.4 БК РФ), а также сокращение межбюджетных трансфертов в качестве мер принуждения. В дополнение к бюджетным мерам в зависимости от степени нарушения могут быть задействованы иные виды юридической ответственности, включая административную или уголовную, согласно законодательству Российской Федерации.

Административно-деликтное законодательство устанавливает ответственность за нецелевое использование бюджетных средств, основываясь на том, что подобные действия нарушают порядок, который в первую очередь регулируется нормами финансового права [5, с. 109]. Это включает в себя правила финансового обеспечения, процесс использования государственных ресурсов, отношения, возникающие при расходовании бюджетных средств, а также основные принципы бюджетного права и бюджетного процесса.

В этом контексте следует обратить внимание на различия между категориями объектов преступлений и административных правонарушений. Например, ст. 15.14 КоАП РФ обеспечивает охрану общественных отношений в сфере финансов, в то время как ст. 285.1 и 285.2 УК РФ составляют правовую основу охраны интересов государственной власти и государственной службы [6, с. 124]. Кроме того, стоит подчеркнуть, что во всех упомянутых правонарушениях отсутствует единый подход к определению признаков объективной стороны, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов.

Терминологический аппарат, используемый для законодательного описания признаков объективной стороны состава правонарушения, закрепленного в ст. 15.14 КоАП РФ, также имеет определенные отличия от того, что используется в соответствующих статьях Особенной части УК РФ для определения основания уголовной ответственности за преступления в области бюджетных правоотношений. В частности, в диспозиции ст. 285.1 УК РФ не уточняется способ совершения деяний, таких как «оплата денежных обязательств» или «направление бюджетных средств» [7, с. 244].

Также не уточняется предмет преступления, обозначаемый термином «средства, полученные из бюджета бюджетной системы Российской Федерации». В ст. 15.14 КоАП РФ используется «смета доходов и расходов», а в ст. 285.1 УК РФ говорится о «сводной бюджетной росписи».

Привлекает внимание и то, что в КоАП РФ не содержится норм, которые бы устанавливали административную ответственность за нецелевое использование средств государственных внебюджетных фондов, также не упоминается об «уведомлении о бюджетных ассигнованиях». Кроме того, в статьях УК РФ и КоАП РФ отсутствует понятие «лимиты бюджетных обязательств». Наблюдается рассогласованность норм УК РФ и КоАП РФ с положениями бюджетного законодательства, в терминологическом аппарате которого не закреплены такие понятия, как «бюджетные средства», «средства, полученные из бюджета бюджетной системы Российской Федерации», «средства государственных внебюджетных фондов» [8, с. 80].

Терминологический анализ правовых актов, составляющих основу регулирования бюджетно-финансовых отношений, позволяет определить средства бюджета как деньги, размещенные на специальных счетах государственной бюджетной системы Российской Федерации и доступные только уполномоченным лицам. Средства, выделенные из бюджета, не обладают такими же особенностями. К примеру, речь может идти о субсидии в рамках ст. 78–78.2 БК РФ или о выплате по государственным (муниципальным) контрактам. Эти средства могут быть использованы не только непосредственно получателями бюджетных ассигнований, но и другими лицами, к которым они поступили. Например, должностное лицо организации, получившее субсидию по ст. 78 БК РФ, может быть привлечено к административной ответственности на основании ст. 15.14 КоАП РФ.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что терминологический охват признаков объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренно-

го ст. 15.14 КоАП РФ, предполагает большую вариативность совершения противоправных действий по сравнению с признаками деяния, образующими признаки ст. 285.1 УК РФ [9, с. 89]. Данное обстоятельство обуславливает возникновение межотраслевой корреляции в отмеченной части, что оказывает влияние на основание уголовной ответственности лиц, не являющихся получателями бюджетных средств, но использовавших их не по назначению. Изложенное требует установления дополнительных обстоятельств, наличие которых является необходимым условием ответственности за преступления, предусмотренные составами ст. 176, 201, 285 и 286 УК РФ. Приведенный пример является свидетельством межотраслевой рассогласованности норм, являющейся препятствием в последовательной реализации юридической ответственности.

Нецелевое использование бюджетных средств не следует отождествлять с их хищением. Конечно, хищение может маскироваться под нецелевое расходование, и в рамках одного уголовного дела возможно квалифицировать действия по обеим статьям, разделяя выделенные средства на неправомерно использованные и похищенные. Формы хищения бюджетных средств могут образовывать признаки мошенничества, растраты и присвоения.

В научных кругах существуют различные подходы к квалификации таких преступлений. Некоторые исследователи считают недопустимым применять совокупность ст. 159, 160 и 285 УК РФ к одному преступлению, поскольку это может привести к двойной превенции [10, с. 230].

Рассматривая практический аспект реализации положений, составляющих содержание ст. 15.14 КоАП РФ, следует обратить внимание на то, что компетентные органы считают допустимым установление административной ответственности в отношении должностных лиц государственных внебюджетных фондов. Вместе с тем разрешение разногласий между представителями административно-правовой доктрины и правоохранительных органов может быть достигнуто путем внесения в ст. 15.14 КоАП РФ уточнений, касающихся случаев нецелевого использования средств государственных внебюджетных фондов [11, с. 97].

Еще одно обстоятельство, порождающее межотраслевую коллизию в сфере уголовного и административного законодательства, будет рассмотрено с точки зрения нормативно-правовой дифференциации в зависимости от степени тяжести совершенного правонарушения.

Анализ судебной практики позволил установить, что даже при ущербе менее 1,5 млн руб. могут быть установлены признаки существенного вреда или значительного ущерба. Таким образом, в случае неполучения лицом бюджетных средств возникает основание уголовной ответственности за неправомерное использование этих средств, если их сумма составляет менее 1,5 млн руб. В то же время аналогичное деяние, совершенное должностным лицом, может квалифицироваться как административное правонарушение.

Исходя из изложенного, можно заключить, что действующее уголовное и административное законодательство содержат элементы рассогласованности в нормах, составляющих основание ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств. Установленная юридическая асимметрия, определяющая правосубъектность лиц, совершивших правонарушения в сфере бюджетного законодательства в части определения пределов их юридической ответственности, демонстрирует не только нарушения в последовательности мер юридической ответственности, но и является прямым нарушением общеправовых принципов равенства и справедливости.

На основе представленных примеров представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Давая юридическую оценку действиям, образующим признаки нецелевого расходования бюджетных средств, при условии, что таковые повлекли причинение имущественного ущерба в размере менее 1,5 млн руб., следует исходить из того, что содеянное может образовывать не только признаки административного правонарушения, но преступлений, предусмотренных ст. 285 или 286 УК РФ.

2. Ущерб, причиненный правонарушениями, предусмотренными ст. 15.14 КоАП РФ, может превышать ущерб от преступлений, квалифицируемых по ст. 285 или 286 УК РФ.

3. Действия, в которых присутствуют признаки нецелевого расходования бюджетных средств с меньшим размером ущерба, могут повлечь более строгое наказание, чем административные правонарушения с большим размером ущерба, если они квалифицированы по ст. 15.14 КоАП РФ.

Изложенные обстоятельства являются свидетельством неопределенности законодательства в области охраны и регулирования бюджетных отношений, обусловленной несогласованностью норм, устанавливающих основание административной и уголовной ответственности, что оставляет возможность правоприменителю толковать содеянное с определенной степенью субъективного усмотрения. Кроме того, необходимо обратить внимание на важность соразмерности причиненного правонарушением или преступлением ущерба и применяемых за это санкций.

В контексте исследования следует особенно подчеркнуть важность соответствия между причиненным ущербом в результате преступления или административного правонарушения и размером наказания, назначаемого за данное деяние.

Примечание к ст. 285.1 УК РФ определяет критерии для признания причиненного преступлением ущерба крупным и особо крупным. При отсутствии этих критериев уголовная ответственность не наступает. Следовательно, даже если ущерб почти достигает установленных УК РФ порогов, это приведет лишь к административному наказанию. При анализе санкций, предусмотренных ст. 15.14 КоАП РФ, и сравнении их с санкциями, указанными в ст. 285.1, 285.2, ч. 2 ст. 176, а также ст. 201 и 285 УК РФ, можно заметить существенные различия в правовом регулировании. Минимальный штраф по ст. 15.14 КоАП РФ составляет 20 тыс. руб., а максимальный – 50 тыс. руб. В то время как по ст. 285.1, 285.2 и ч. 2 ст. 176 УК РФ минимальный штраф установлен на уровне 100 тыс. руб. В ст. 201 и 285 УК РФ минимальный штраф определяется по нормам Общей части УК РФ и начинается от 5 тыс. руб.

Правовое регулирование санкций за нецелевое использование бюджетных средств в России становится еще менее логичным, если учесть, что нижний предел административных штрафов по ст. 15.14 КоАП РФ превышает установленные ст. 201 и ст. 285 УК РФ.

Приведенные примеры могут привести к возникновению ситуаций, при которых административное наказание за нецелевое использование бюджетных средств окажется более суровым, чем меры, составляющие содержание уголовной ответственности.

Для устранения выявленных расхождений и юридических противоречий, а также для преодоления несогласованности между нормами уголовного и административного права предлагаем следующие меры: 1) унифицировать терминологию; 2) стандартизировать формулировки ст. 15.14 КоАП РФ, ст. 285.1 и 285.2 УК РФ, избегая излишней детализации с учетом их ссылочного характера; 3) ввести уголовную ответственность за нецелевое использование средств бюджетной системы Российской Федерации или снизить минимальный порог крупного ущерба, как указано в примечании к ст. 285.1 УК РФ, а также гармонизировать санкции за незаконное использование бюджетных и внебюджетных государственных средств с нормами, регулирующими аналогичные правонарушения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пастушенко А. А. Меры государственного принуждения за нецелевое расходование бюджетных средств: отдельные проблемные вопросы // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по материалам XV Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск, 29–30 сентября 2023 г. Красноярск, 2023. С. 292–297.
2. Гусева Т. Н. Отграничение нецелевого расходования бюджетных средств от смежных деяний // Органы внутренних дел в системе противодействия коррупционной преступности : материалы внутриведомств. круглого стола, Санкт-Петербург, 8 декабря 2023 г. СПб., 2023. С. 96–99.
3. Карагина Д. О терминологических коллизиях и других несовершенствах статей 285.1, 285.2 УК РФ // Юрислингвистика. 2023. № 30 (41). С. 26–31.
4. Марьина М. И., Сабанин С. Н. Особенности уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 6-1. С. 120–123.
5. Черниенко А. В. Пограничные составы преступления с административным правонарушением в финансовой сфере // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-8. С. 108–110.
6. Карагина Д. О. Конструирование санкций за квалифицированные составы нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 7 (152). С. 124–133.
7. Литвинова А. Н. Характерные черты нецелевого расходования бюджетных средств // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 3. С. 242–245.
8. Бутаева Е. М., Куликова Т. Н. Нецелевое расходование бюджетных средств: терминологические сложности в вопросе применения юридической ответственности // Гражданин и право. 2022. № 11. С. 79–86.
9. Нигматулина А. М. Соотношение мер уголовной, административной и бюджетной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств // Научные исследования – основа современной инновационной системы : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Стерлитамак, 1 мая 2024 г. Уфа, 2024. С. 87–90.
10. Ларионов П. А. Некоторые проблемы квалификации нецелевого расходования бюджетных средств (ст. 285¹ УК РФ) // Актуальные проблемы защиты прав личности: российский и зарубежный опыт : материалы межвуз. науч.-практ. конф., Москва, 20 февраля 2023 г. / под ред. И. Р. Шихулы [и др.]. М., 2023. С. 229–237.
11. Корякина З. И., Ксенофонтова Д. К. Отличия уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств от аналогичных правонарушений в административном и бюджетном законодательстве // Аграрное и земельное право. 2021. № 8 (200). С. 95–98.

REFERENCES

1. Pastushenko A.A. Measures of state coercion for misuse of budgetary funds: selected problematic issues. In: *Eniseiskie politiko-pravovye chteniya: sb. nauch. st. po materialam XV Vseros. nauch.-prakt. konf., Krasnoyarsk, 29–30 sentyabrya 2023 g.* [Yenisei political and legal readings: collection of scientific articles based on the materials of the XV All-Russian scientific and practical conference, Krasnoyarsk, September 29–30, 2023]. Krasnoyarsk, 2023. Pp. 292–297. (In Russ.).
2. Guseva T.N. Delineation of inappropriate expenditure of budgetary funds from related acts. In: *Organy vnutrennikh del v sisteme protivodeistviya korrupsionnoi prestupnosti: materialy vnutrivedomstv. kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 8 dekabrya 2023 g.* [Internal affairs bodies in the system of combating corruption crime: materials of inter-departmental round table, Saint Petersburg, December 8, 2023]. Saint Petersburg, 2023. Pp. 96–99. (In Russ.).
3. Karagina D. On terminological collisions and other imperfections of articles 285.1, 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Yurilingvistika = Legal Linguistics*, 2023, no. 30 (41), pp. 26–31. (In Russ.).

4. Mar'ina M.I., Sabanin S.N. Features of criminal liability for misuse of budgetary funds. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal = Symbol of Science: international scientific journal*, 2023, no. 6-1, pp. 120–123. (In Russ.).
5. Chernienko A.V. Borderline elements of a crime with an administrative offense in the financial sphere. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2024, no. 105-8, pp. 108–110. (In Russ.).
6. Karagina D.O. Designing sanctions for aggravation of misappropriation of budgetary funds and state non-budgetary funds. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 7 (152), pp. 124–133. (In Russ.).
7. Litvinova A.N. Characteristic features of inappropriate spending of budgetary funds. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki = Topical Issues of the Modern Economy*, 2022, no. 3, pp. 242–245. (In Russ.).
8. Butaeva E.M., Kulikova T.N. Misappropriation of budgetary funds: terminological difficulties in the application of legal liability. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2022, no. 11, pp. 79–86. (In Russ.).
9. Nigmatulina A.M. The ratio of measures of criminal, administrative and budgetary responsibility for misuse of budgetary funds. In: *Nauchnye issledovaniya – osnova sovremennoi innovatsionnoi sistemy: sb. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sterlitamak, 1 maya 2024 g.* [Scientific research – the basis of a modern innovative system: collection of articles of the International scientific and practical conference, Sterlitamak, May 1, 2024]. Ufa, 2024. Pp. 87–90. (In Russ.).
10. Larionov P.A. Some problems of qualification of inappropriate expenditure of budgetary funds (Article 2851 of the Criminal Code of the Russian Federation). In: Shikula I.R. et al (eds.). *Aktual'nye problemy zashchity prav lichnosti: rossiiskii i zarubezhnyi opyt: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf., Moskva, 20 fevralya 2023 g.* [Actual problems of protection of personal rights: Russian and foreign experience: materials of interuniversity. scientific and practical conference, Moscow, February 20, 2023]. Moscow, 2023. Pp. 229–237. (In Russ.).
11. Koryakina Z.I., Ksenofontova D.K. Differences in criminal liability for misuse of budgetary funds from similar offenses in administrative and budgetary legislation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2021, no. 8 (200), pp. 95–98. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНЖЕЛИКА МАИРБЕКОВНА МАРЗАГАНОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса Горского государственного аграрного университета, Владикавказ, Россия, mairbekovna@rambler.ru

ANZHELIKA M. MARZAGANOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Department of Civil and Criminal Law and Procedure of the Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, mairbekovna@rambler.ru

Статья поступила 31.07.2024

Научная статья
УДК 343.01
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.014

Транснациональная организованная экологическая преступность: постановка проблемы

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ МИХАЙЛОВ

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия

Верховный Суд Республики Крым, Симферополь, Россия

mikhailove2018@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования нового – экологического – направления в деятельности организованных преступных группировок национального и транснационального уровня. Отмечается, что в современных условиях повышенного внимания к экологической повестке в мире организованная преступность, действуя по экономической модели диверсификации преступных практик, начинает использовать сферу экологии и обращения полезных ископаемых в качестве источника финансирования преступной деятельности. Сформулированы положения по совершенствованию системы противодействия нарождающейся угрозе как на мировом, так и региональном уровнях.

Ключевые слова: организованная преступность; экологическая преступность; отмыwanie денежных средств; незаконный оборот биоресурсов; незаконная миграция.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Михайлов Д. О. Транснациональная организованная экологическая преступность: постановка проблемы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 104–112. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.014.

Original article

Transnational Organized Environmental Crime: Problem Statement

DMITRII O. MIKHAILOV

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia

Supreme Court of the Republic of Crimea, Simferopol, Russia

mikhailove2018@mail.ru

Abstract. The article considers a problem of the formation of a new – ecological – direction in the activities of organized criminal groups at national and transnational levels. It is noted that in modern conditions of increased attention to the environmental agenda in the world, organized crime, following the economic pattern of diversifying criminal practices, begins to use the sphere of ecology and mineral circulation as a source of financing criminal activities. Provisions on improving the system of countering the emerging threat at global and regional levels are formulated.

Keywords: organized crime; environmental crime; money laundering; illegal trafficking of biological resources; illegal migration.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Mikhailov D.O. Transnational organized environmental crime: problem statement. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 104–112. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.014.

В соответствии с отечественными документами стратегического планирования, в частности Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, одним из направлений перспективной деятельности органов государственной власти и институтов общества является развитие международного сотрудничества в области противодействия терроризму, экстремизму, коррупции, незаконному производству и обороту наркотических средств и психотропных веществ, нелегальной миграции, трансграничной преступности (подп. 25 п. 101 подразд. «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество» разд. IV «Обеспечение национальной безопасности»).

В условиях растущего дефицита природных ресурсов, использования так называемой зеленой повестки в качестве мощного идеологического орудия, когда квотирование на утилизацию и (или) переработку отходов различного класса опасности становится весьма выгодным предметом торговли между развитыми и развивающимися странами, мы можем наблюдать известное пристальное внимание к данной сфере организованных преступных группировок различного уровня и степени организованности. Согласно Программе ООН по вопросам окружающей среды под экологическими преступлениями понимается «незаконная деятельность, наносящая вред окружающей среде и направленная на получение выгоды отдельными лицами, группами или компаниями от эксплуатации, нанесения ущерба, торговли или хищения природных ресурсов, включая, помимо прочего, тяжкие преступления и транснациональную организованную преступность» [1]. Выделяют пять крупных групп преступлений в экологической сфере: незаконная добыча и торговля такими полезными ископаемыми, как нефть, золото, алмазы, кобальт, цинк, колтан и литий; незаконная вырубка лесов и торговля древесиной; несообщаемый и нерегулируемый рыбный промысел; преступления против дикой природы; преступления, связанные с загрязнением окружающей среды (незаконный сброс и торговля химикатами и отходами, а также незаконное производство и торговля озоноразрушающими веществами) [2]. Так, по сведениям международных организаций (в частности, Интерпола [3], ФАТФ [4]), экологические преступления занимают третье место по доходности среди иных направлений преступной деятельности, что в абсолютных цифрах составляет от 110 до 281 млрд долларов США. По данным же Всемирного Банка, глобальная экономическая стоимость незаконной добычи леса, рыболовства и торговли дикими животными составляет 1–2 трл долларов США. Указанные незаконные действия находятся в прямой связи с экономическими потерями, которые несут

государства из-за воздействий экологических преступлений на обычное хозяйственное использование окружающей среды, к примеру, снижается эффективность мелиоративных мероприятий в области использования земельных ресурсов или качество и доступность питьевой воды [5].

Также, говоря о серьезности и повышенной общественной опасности для мирового сообщества организованной преступной деятельности в сфере экологических преступлений, следует отметить, что редки случаи, когда организованные преступные группировки промышляют исключительно совершением конкретных экологических преступлений [6]. Как правило, указанного рода направление преступной деятельности является сопутствующим, дополняющим иные группы преступлений (отмывание и легализация денежных средств, полученных от совершения преступлений, незаконный оборот оружия, наркоторговля, международные коррупционные практики, работорговля) [7].

Так, исследование Д. П. ван Ума и Р. К. К. Наймана [8] основывается на проверке гипотезы о системе включенности экологических преступлений в деятельность преступных группировок различной степени организованности, а также наличия переменных, влияющих на выбор того или иного вида преступной активности в сфере экологических преступлений. Основой проведенного исследования послужил анализ 106 уголовных дел в рассматриваемой сфере. Было установлено, что наибольшее значение в контексте преступлений в сфере экологии и сопутствующих деяний было у связки, определяющей механизм преступного поведения организованных преступных группировок, «незаконная добыча объектов природной среды – незаконный оборот наркотиков» (29,2 %), а наименьшее у пары «незаконная добыча рыбы – незаконный оборот оружия» (0,9 %).

На основании изученных материалов уголовных дел, они выдвинули гипотезу, что все преступления в экологической сфере, совершаемые организованными преступными группировками, можно разделить на три группы:

1. Зеленая организованная преступность, то есть преступления совершаются крупными преступными группировками с численностью более 10 человек, создававшимися для совершения общеуголовных и типичных преступлений (торговля наркотиками и оружием), однако постепенно перешедшими в область совершения экологических преступлений, которые стали занимать до 80 % внутреннего портфеля «криминальных инвестиций» рассматриваемых группировок, постепенно вытесняя изначальные преступные активности. К примеру, преступные группировки Конго занимаются незаконной добычей полезных ископаемых, древесины и объектов животного мира в целях приобретения на полученные доходы оружия. Обратным примером может служить ирландская преступная группировка «Бродяги из Раткила» (Rathkeale Rovers), которая сменила незаконную торговлю наркотиками на кражи из музеев Европы с целью хищений носов носорогов.

2. Зеленая оппортунистическая преступность, то есть преступления совершаются средними по численности преступными группировками численностью от 6 до 10 человек, в деятельности которых экологические преступления занимают 50 % криминальных активностей, не являются ведущими во внутреннем портфеле «примальных активов», допускают гибкость в выборе конкретных видов. К примеру, индонезийские преступные группировки, промышляющие в большой степени незаконной миграцией и работорговлей, но при наличии заказа поставляющие незаконных мигрантов на незаконные рыболовецкие суда.

3. Маскирующаяся зеленая преступность, то есть преступления совершаются в подавляющем числе случаев небольшими преступными группировками численностью от 3 до 5 человек, в деятельности которых экологические преступления составляют незначитель-

ный процент в структуре внутреннего портфеля «криминальных инвестиций», зачастую ограничиваются маскировкой экологических преступлений легальной или полуполюгальной деятельностью, характеризуются устойчивостью в выборе моделей криминального поведения. К примеру, золотодобывающие компании используются членами преступных групп «Клана залива» (Gulf clan) для легализации денежных средств, полученных от продажи кокаина.

В настоящее время проблема глобального противодействия организованной преступности в сфере экологических преступлений не получила надлежащего международно-правового регулирования. Вместе с тем можно отметить, что ООН прилагает известные усилия по активизации работы в данном направлении. В частности, отмечается, что: «Меры, направленные на предупреждение преступлений в сфере дикой природы, предпринимаются в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции. Данные соглашения обуславливают укрепление международного и межведомственного сотрудничества, использование наиболее эффективных методов борьбы с экологическими преступлениями, обмен информацией и проведение операций совместными усилиями правоохранительных органов и таможенных служб. В дополнение к этим мерам УНП ООН проводит работу по улучшению системы обеспечения криминального правосудия, а также разрабатывает правовые документы для придания противоправным действиям в сфере дикой природы статуса тяжких преступлений. К сожалению, существующие юридические нормы все еще малоэффективны для предупреждения незаконной охоты на исчезающие виды и борьбы с ней. Пересмотр действующего законодательства и принятие новых законов позволяют УНП ООН выявлять в более полном масштабе преступную деятельность в сфере окружающей среды и гарантировать применение самых серьезных мер наказания с тем, чтобы предупредить подобного рода преступления в будущем» [9]. Можно привести наднациональные форматы сотрудничества в рамках Европейского Союза [10; 11], например Директиву Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 19.11.2008 № 2008/99/ЕС «Об уголовно-правовой охране окружающей среды».

К несомненному положительному аспекту указанной директивы стоит отнести исчерпывающий перечень преступных деяний, который и создает корпус преступных деяний в экологической сфере (п. а–f ч. 1 ст. 3 «Наказуемые деяния»), условный минимум, который должен найти отражение в уголовном законодательстве стран-участниц. Также стоит поддержать стремление авторов директивы по описанию случаев установления уголовной ответственности юридических лиц за преступления в экологической сфере (ст. 6 «Ответственность юридических лиц»), так как специфика ведения экономической деятельности, особенно сопряженная с образованием опасных и особо опасных отходов, может приводить к совершению как экологических, так и сопутствующих преступлений (коррупционные практики, мошенничество, подделка отчетной документации, манипулирование статистическими показателями, внутрикорпоративные сговоры и т. п.). С учетом этого помимо установления уголовной ответственности государства могут принимать меры регуляторно-контрольного характера, если национальная статистика будет свидетельствовать, что преступление совершено в силу низкого контроля за ведением экономической деятельности со стороны государства.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, проблема такого, казалось бы, знакового документа заключается в том, что стремление унифицировать вопрос об ответственности за экологические преступления может вступать в противоречие с внутренним законода-

тельством страны-участницы, так как на момент принятия данной директивы существовали и уголовно-правовые, и административно-правовые механизмы защиты окружающей среды, которые являются более предпочтительными, так как могут нести в себе и фискальную направленность, помогающую в наполнении бюджетов соответствующего уровня. Вторая проблема прямо связана со спецификой включенности организованной преступности в совершение преступлений экологической направленности, так как и по данному вопросу разные юрисдикции сохраняют свое видение, начиная от определения сути организованной преступности и заканчивая особенностями судебной и постсудебной стадий движения уголовного дела [2, с. 322–332].

Еще одной проблемой, которую стоит определить как институциональную, является специфика понимания сущности организованной экологической преступности. В первом приближении мы могли бы определить ее как зону «серой торговли» [13], которая образуется из двух областей преступного оборота: оборота природных ресурсов (к примеру, торговля редкими представителями фауны, незаконная вырубка лесов) и опасных отходов и веществ (к примеру, торговля озоноразрушающими веществами, сброс и незаконный оборот отходов).

Отсюда возникает резонный вопрос о выборе правоохранительных, правовых, общественно-политических и культурных инструментов, которые могли бы быть использованы для противодействия организованной экологической преступности: должен ли это быть классический функционал, используемый для борьбы с организованной преступностью, или характерный для противодействия экономической преступности?

Представляется, что на этот вопрос сложно дать универсальный ответ прежде всего потому, что выбор будущего инструментария противодействия должен учитывать специфику не только каждого конкретного коллективного преступного образования, но и устанавливать как можно более широкий круг причин и условий, способствующих образованию оргпреступных группировок, промысляющих экологическими преступлениями. Отсюда важно как на этапе профилактики, так и непосредственного противодействия деятельности таких группировок учитывать указанные выше обстоятельства. К ним также можно отнести и международно-правовую составляющую данного вопроса, так как и при наличии более 250 международных актов разной юридической силы (конвенции, соглашения, дополнительные протоколы) в области противодействия организованной экологической преступности остаются правовые лакуны, играющие на руку оргпреступности (к примеру, проблема незаконной добычи водных биологических ресурсов или лесозаготовок) [14].

Опираясь на вышеизложенное, представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию вопросов ответственности организованных преступных группировок за преступления в экологической сфере и сопутствующие им:

1. В целях предупреждения легализации (отмывания) денежных средств получаемых от совершения экологических преступлений организованными группировками, следует на национальных уровнях разработать систему индикаторов потенциальных рисков отмывания (легализации) денежных средств, разделив их на семь групп:

– «денежные переводы и оборот наличных денежных средств» (к примеру, обращать особое внимание на случаи крупных финансовых операций по получению крупных сумм денежных средств в местностях, где находятся законсервированные места добычи полезных ископаемых или преобладает лесистая местность);

– «экономическая активность» (к примеру, значительные обороты золотодобывающих компаний, которые существуют непродолжительное время);

– «репутационные» (к примеру, в средствах массовой информации или материалах независимых расследований имеются сведения, что физическое или юридическое лицо может быть связано с коррупционными практиками, сопряженными с экологическими преступлениями);

– «непрозрачность цепочек поставок» (к примеру, смешение доходов из основной коммерческой деятельности и деятельности по лесодобыче);

– «экспортное и трансфертное ценообразование» (к примеру, проведение торговых операций с объектами животного мира во время общегосударственного запрета на добычу и вылов);

– «профессионально-компетенционные» (к примеру, рыбозаготовительная компания создается лицом, которое не имеет соответствующего опыта в данной сфере);

– «экономический оборот» (к примеру, необоснованное снижение затрат на фонд заработной платы, основные балансовые мощности, что не характерно для отрасли).

2. В целях адекватного реагирования на имеющиеся случаи преступного поведения организованных преступных группировок в области экологических преступлений следует гармонизировать законодательство стран – участников основополагающих конвенций в области противодействия организованной преступной деятельности (Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 с дополнительными протоколами: о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху) в части уточнения конкретного перечня преступных посягательств на объекты окружающего мира и экологию с последующей их имплементацией в национальное законодательство.

3. С учетом конкретных общественно-политических явлений современности странам – участницам надгосударственных объединений (БРИКС, ШОС, СНГ) следует на основе взаимного признания и уважения особенностей национальных правовых систем предусмотреть возможность установления уголовной ответственности для организованных преступных группировок, промышленяющих экологическими преступлениями, разработав межгосударственные соглашения и стандарты оказания помощи по указанной категории уголовных дел, учитывая их трансграничный характер и связь с иными сопутствующими преступлениями, прежде всего, с коррупционными практиками и контрабандой.

4. Необходимо вернуться к глубокому научно-практическому анализу установления уголовной ответственности юридических лиц, оказывающих содействие в совершении экологических преступлений, через аффилированных субъектов, включая транснациональные преступные группировки по аналогии с подп. г) п. 1 ст. 3 «Определения агрессии» (резолюция 3314 (XIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974) [15].

5. В целях реализации принципов восстановительного правосудия по уголовным делам, связанным с экологическими преступлениями, совершенными организованными преступными группами, следует предусмотреть механизм создания специального фонда защиты окружающей среды, который мог бы формироваться за счет финансовых и иных материальных активов, конфискуемых по результатам рассмотрения уголовного дела. Указанные ресурсы могли бы тратиться не только на восстановление экосистемы или иных объектов окружающей среды, пострадавших от преступлений, но и направляться на совместные межгосударственные проекты защиты существующих объектов окружающего мира, а равно для восстановления популяции представителей животного мира, создание

национальных парков, заказников и особо охраняемых природных территорий межгосударственного характера.

6. В целях обеспечения производства предварительного расследования по уголовным делам, связанным с экологическими преступлениями, совершенными организованными преступными группами, следует предусмотреть возможность дополнительной защиты прав свидетелей посредством проработки национального законодательства в области защиты прав участников уголовно-процессуальных отношений, включая возможность освобождения от уголовной ответственности заявителя по такой категории дел или предоставления дополнительной денежной премии за раскрытие информации о совершаемых преступлениях.

7. В целях уточнения положений Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 следует отдельно описать экологические преступления в качестве самостоятельной категории, выступающей характеристикой транснациональной организованной преступности, так как действующая формулировка подп. б) п. 1 ст. 3 «Сфера применения» Конвенции не позволяет комплексно охватить все случаи потенциальных экологических преступлений. В настоящее время указанная группа преступлений может быть отнесена путем толкования к категории «серьезное преступление», однако различный подход в национальных юрисдикциях по определению видов и размеров наказаний за экологические преступления не позволяет создать единого беспробельного поля правового регулирования.

8. В целях профилактики совершения экологических преступлений организованными преступными группировками следует обратить внимание на возможности систем обработки больших данных и искусственного интеллекта в части создания единой вертикально и горизонтально интегрированной системы учета отдельных видов биологических и природных ресурсов с последующим сопоставлением данных с показателями внешнеторговой деятельности, а равно прохождением таможенных процедур с последующей уплатой обязательных пошлин. Представляется, что в рамках правового и технического эксперимента, а также с учетом общественно-политической обстановки указанный эксперимент было бы целесообразно провести с Китайской Народной Республикой в части отдельных объектов природного мира, в частности с водными (биологическими) ресурсами.

9. В целях преодоления пробела в уголовно-правовом регулировании общественных отношений, возникающих при применении иной меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества, в УК РФ следует внести следующие изменения:

– в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 «Конфискация имущества» указать дополнительно ст. 191 «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга», ст. 255 «Нарушение правил охраны и использования недр», ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» и ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» УК РФ как подлежащие учету для использования при наличии оснований, предусмотренных гл. 15.1 «Конфискация имущества» УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. The rise of environmental crime: A growing threat to natural resources peace, development and security. URL: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/7662> (дата обращения: 10.10.2023).
2. Environmental crimes are on the rise, so are efforts to prevent them. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/environmental-crimes-are-rise-so-are-efforts-prevent-them> (дата обращения: 10.10.2023).

3. World atlas of illicit flows. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2018/09/Atlas-Illicit-Flows-FINAL-WEB-VERSION.pdf> (дата обращения 10.10.2023).
4. Money Laundering from Environmental Crimes. URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/money-laundering-environmental-crime.html> (дата обращения: 10.10.2023)
5. Illegal Logging, Fishing, and Wildlife Trade: The Costs and How to combat it / Miranda Montero, Juan Jose Wright, Elisson M. Khan, Muhammad Najeeb. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/482771571323560234-0120022019/original/WBGReport1017Digital.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).
6. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Ф. Стратегия ООН в борьбе с транснациональной организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 2. С. 358–368.
7. Caparini M. Organized environmental crime: Why it matters for peace operations. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounders/2022/organized-environmental-crime-why-it-matters-peace-operations> (дата обращения: 10.10.2023).
8. van Uhm D. P., Nijman R. C. C. The convergence of environmental crime with other serious crimes: Subtypes within the environmental crime continuum // European Journal of Criminology. 2022. Vol. 19, no. (4). Pp. 542–561.
9. Федоров Ю. В. Каким образом преступления против дикой природы и лесных ресурсов подрывают основы устойчивого развития и угрожают биологическому разнообразию. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22223> (дата обращения: 10.10.2023).
10. Farmer A., Faure M., Vagliasindi G. Environmental crime in Europe. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/fighting-environmental-crime-europe> (дата обращения: 10.10.2023).
11. Marquès-Banqué M. The Utopia of the Harmonization of Legal Frameworks to Fight against Transnational Organized Environmental Crime // Sustainability. 2018. Vol. 10, no. 10. P. 3576. URL: <https://doi.org/10.3390/su10103576> (дата обращения: 10.10.2023).
12. Environmental crime in Europe / ed. by Farmer A., Faure M., Vagliasindi G. M. Portland, 2017. 387 p.
13. Wright G. Conceptualising and combating transnational environmental crime. Trends Organ Crim. 2011. Vol. 14, no. 4. Pp. 332–346.
14. Bisschop L., van Wingerde K. Transnational organized environmental crime // Routledge Handbook on Transnational Organized Crime // ed. by Allum F., Gilmour S. London, 2022. 622 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/359266607_Transnational_organized_environmental_crime (дата обращения: 10.10.2023).
15. Ambos K. International Economic Criminal Law // Criminal Law Forum. 2018. Vol. 29. Pp. 499–566. URL: <https://ssrn.com/abstract=3258303> (дата обращения: 17.05.2023).

REFERENCES

1. *The Rise of Environmental Crime: a Growing Threat to Natural Resources Peace, Development and Security*. Available at: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/7662> (accessed October 10, 2023).
2. *Environmental Crimes Are on the Rise, so Are Efforts to Prevent Them*. Available at: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/environmental-crimes-are-rise-so-are-efforts-prevent-them> (accessed October 10, 2023).
3. *World Atlas of Illicit Flows*. Available at: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2018/09/Atlas-Illicit-Flows-FINAL-WEB-VERSION.pdf> (accessed October 10, 2023).
4. *Money Laundering from Environmental Crimes*. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/money-laundering-environmental-crime.html> (accessed October 10, 2023).
5. Montero M., Wright J.J., Khan E.M., Najeeb M. *Illegal Logging, Fishing, and Wildlife Trade: the Costs and how to Combat It*. Available at: <https://thedocs.worldbank.org/en/>

doc/482771571323560234-0120022019/original/WBGRReport1017Digital.pdf (accessed October 10, 2023).

6. Nigmatullin R.V., Suleimanova R.F. The philosophy of the United Nations in the fight against transnational organized crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 358–368. (In Russ.).

7. Caparini M. *Organized Environmental Crime: Why It Matters for Peace Operations*. Available at: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2022/organized-environmental-crime-why-it-matters-peace-operations> (accessed October 10, 2023).

8. van Uhm D. P., Nijman R.C.C. The convergence of environmental crime with other serious crimes: Subtypes within the environmental crime continuum // *European Journal of Criminology*, 2022, vol. 19, no. (4), pp. 542–561.

9. Fedorov Yu.V. *How Wildlife and Forest Crime Undermines Development and Ravages Global Biodiversity*. Available at: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22223> (accessed October 10, 2023).

10. Farmer A., Faure M., Vagliasindi G. *Environmental Crime in Europe*. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/fighting-environmental-crime-europe> (accessed October 10, 2023).

11. Marquès-Banqué M. The utopia of the harmonization of legal frameworks to fight against transnational organized environmental crime. *Sustainability*, 2018, vol. 10, no. 10, pp. 3576. Available at: <https://doi.org/10.3390/su10103576> (accessed October 10, 2023).

12. *Environmental crime in Europe*. Ed. by Farmer A., Faure M., Vagliasindi G.M. Portland, 2017. 387 p.

13. Wright G. Conceptualising and combating transnational environmental crime. *Trends Organ Crim*, 2011, vol. 14, no. 4, pp. 332–346. (

14. Bisschop L., van Wingerde K. Transnational organized environmental crime. In: Allum F., Gilmour S. (Eds.). *Routledge handbook on transnational organized crime*. London, 2022. 622 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/359266607_Transnational_organized_environmental_crime (accessed October 10, 2023).

15. Ambos K. International economic criminal law. *Criminal Law Forum*, 2018, vol. 29, pp. 499–566. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3258303> (accessed May 17, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ МИХАЙЛОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, председатель второго судебного состава судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым, Симферополь, Россия, mikhailove2018@mail.ru

DMITRII O. MIKHAILOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Law of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, Chairman at the Second Judicial Assembly of the Judicial Chamber for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Crimea, Simferopol, Russia, mikhailove2018@mail.ru

Статья поступила 02.02.2024

Научная статья

УДК 343.81

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.015

Методика оценки деятельности исправительных центров: проблемы и пути совершенствования

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МОКРЕЦОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, warog@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2605>

Аннотация. В статье анализируется проблема оценки деятельности исправительных центров, представлена методика рейтинговой оценки их деятельности для более эффективного исполнения функций уголовно-исполнительной системы. Предлагается методика сравнительной оценки эффективности деятельности ИЦ (УФИЦ) за счет разработки критериев и их детализация для расчета суммарных показателей.

Ключевые слова: исправительный центр; изолированный участок, функционирующий как исправительный центр; оценка показателей деятельности, методика рейтинговой оценки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Мокрецов Ю. В. Методика оценки деятельности исправительных центров: проблемы и пути совершенствования // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 3 (27). С. 113–118. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.015.

Original article

Performance Assessment Methodology for Correctional Centers: Problems and Ways of Improvement

YURII V. MOKRETSOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, warog@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2605>

Abstract. The article analyzes a problem of assessing activities of correctional centers and proposes a methodology for rating their activities for more effective performance of the functions of the penal system. A methodology is proposed for comparative evaluation of the performance of correctional centers by developing criteria and detailing them to calculate total indicators.

Key words: correctional center; isolated area functioning as a correctional center; assessment of performance indicators; rating assessment methodology.

5.1.4. Criminal law sciences

For citation: Mokretsov Yu.V. Performance assessment methodology for correctional centers: problems and ways of improvement. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 113–118. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.015.

В настоящее время актуальным направлением развития уголовно-исполнительной системы является реализация мер probation за счет применения такого вида уголовного наказания, как принудительные работы, исполняемые исправительными центрами и участками, функционирующими как исправительные центры (ИЦ (УФИЦ)).

ИЦ (УФИЦ) сегодня являются важным элементом уголовно-исполнительной системы. Так, в 2023 г. в России создано 367 исправительных центров для 40 тыс. осужденных к наказанию в виде принудительных работ [1]. ИЦ (УФИЦ) выполняют важную роль в ресоциализации осужденных и предупреждении повторных преступлений, но необходимо выделить основную проблему – отсутствие единообразной нормативно закреплённой системы оценки их деятельности. Оценка эффективности функционирования ИЦ (УФИЦ) является важным направлением, позволяющим достаточно точно и объективно определить достижение целей и задач уголовного наказания, а также эффективность воспитательной работы в рамках probation. Наказание в виде принудительных работ, применяемое как альтернатива лишению свободы, выступает важным инструментом ресоциализации осужденных и профилактики рецидивной преступности в учреждениях УИС.

Таким образом, предлагаем разработать систему оценки эффективности деятельности ИЦ (УФИЦ) с учетом специфики и особенностей реализации функций данного типа исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы в соответствии с приказами Минюста России от 08.04.2014 № 67 «Об утверждении Порядка создания при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры» и от 26.12.2019 № 323 «Об утверждении Порядка создания и функционирования участков исправительных центров, расположенных вне исправительных центров, но в пределах субъектов Российской Федерации, на территории которых они находятся».

Оценка деятельности предполагает анализ и сравнение суммарных показателей, что позволяет определить степень достижения поставленных целей, выявить проблемные зоны и разработать меры по повышению эффективности в ходе реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. В современных условиях цифровой трансформации УИС также немаловажное значение приобретают разработка и применение специализированных информационных технологий, направленных как на автоматизацию оформления документации, так и на исполнения иных актуальных задач.

Для сравнительной оценки эффективности деятельности ИЦ (УФИЦ) необходимо проанализировать следующие показатели:

- уровень рецидива среди осужденных;
- количество нарушений режима отбывания наказания;
- уровень трудоустройства осужденных на период отбывания наказания;
- уровень социальной адаптации осужденных;
- уровень взаимодействия ИЦ (УФИЦ) с другими государственными и общественными структурами в процессе отбывания осужденными наказания;

– оценку качества работы сотрудников ИЦ (УФИЦ).

Существует несколько подходов к оценке эффективности деятельности ИЦ (УФИЦ): первый – это оценка результатов, полученных в ходе реализации программы probation, второй – это оценка процесса реализации программы, его управления и контроля.

На основе имеющихся показателей необходимо определить методику оценки деятельности ИЦ (УФИЦ):

– анализ числовых показателей: определяется количество осужденных в отчетный период, отбывающих наказание в ИЦ (УФИЦ);

– анализ качественных показателей: уровень образования и профессиональной подготовки осужденных, их участие в программах реабилитации и адаптации и т. п.;

– анализ отзывов и обращений: анализ обращений осужденных помогает выявить недостатки в работе учреждения;

– проведение сравнительного анализа с другими ИЦ (УФИЦ): сравнение эффективности работы данного учреждения с другими аналогичными центрами позволяет определить его сильные и слабые стороны.

Необходимо остановиться на оценке эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы в целом, исходя из суммарной эффективности составляющих ее элементов, с учетом исправительных центров и их филиалов. Деятельность исправительных центров, специализирующихся по реализации наказания в виде привлечения к принудительному труду, согласно ст. 60.1 УИК РФ, имеет особенности функционирования, что должно быть учтено при выборе методики и показателей оценивания.

Представляем разработку методики оценки деятельности ИЦ (УФИЦ) и ее нормативное закрепление в приказе ФСИН России «Об утверждении Положения об определении рейтинговой оценки деятельности изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний» (далее – методика оценки). В основе разработки лежат исследования П. В. Голодова по вопросам методики оценки эффективности деятельности УИИ [2, с. 43].

Предлагается следующая система оценочных показателей, необходимых для применения методики оценки деятельности ИЦ (УФИЦ):

1. Показатель отношения численности осужденных ИЦ (УФИЦ), привлеченных к труду, к количеству осужденных ИЦ (УФИЦ), подлежащих привлечению к труду в отчетном периоде.

$$Y_{\text{пр}} = \sum_{k=0}^n \left(\frac{A}{B_k} \right) \times 100$$

где $Y_{\text{пр}}$ – показатель привлечения к труду осужденных к принудительным работам;

A – численность осужденных ИЦ (УФИЦ), привлеченных к труду в отчетном периоде;

B – численность осужденных ИЦ (УФИЦ), подлежащих привлечению к труду в отчетном периоде.

2. Показатель отношения численности осужденных ИЦ (УФИЦ), в отношении которых возбуждены уголовные дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, к количеству осужденных ИЦ (УФИЦ), подлежащих привлечению к труду в отчетном периоде.

$$Y_{п314} = \sum_{k=0}^n \left(\frac{A_{314}}{B_k} \right) \times 100$$

где $Y_{п314}$ – показатель уровня преступности по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ;

A_{314} – численность осужденных ИЦ (УФИЦ), в отношении которых возбуждены уголовные дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ.

3. Показатель пенитенциарного рецидива, то есть отношение численности осужденных ИЦ (УФИЦ), в отношении которых возбуждены уголовные дела, к количеству осужденных ИЦ (УФИЦ), подлежащих привлечению к труду в отчетном периоде:

$$Y_{уд} = \sum_{k=0}^n \left(\frac{A_{уд}}{B_k} \right) \times 100$$

где $A_{уд}$ – численность осужденных ИЦ (УФИЦ), в отношении которых возбуждены уголовные дела.

4. Показатель отношения численности осужденных ИЦ (УФИЦ), в отношении которых возбуждено административное производство, к количеству осужденных ИЦ (УФИЦ), подлежащих привлечению к труду в отчетном периоде:

$$Y_{ап} = \sum_{k=0}^n \left(\frac{A_{ап}}{B_k} \right) \times 100$$

где $A_{ап}$ – численность осужденных ИЦ (УФИЦ), в отношении которых возбуждено административное производство.

Таким образом, данную систему оценочных показателей предлагается выразить в виде методики, позволяющей провести оценку деятельности ИЦ (УФИЦ):

$$K_p = Y_{пр} - Y_{п314i} - \sum_{i=0}^n Y_{уди} \times k - Y_{апи} + \frac{Y_{вз}}{100} - \sum_{i=0}^n Y_{апи}$$

где K_p – итоговый интегрированный показатель оценки деятельности ИЦ (УФИЦ); k – весовой коэффициент, учитывающий тяжесть и степень общественной опасности преступного деяния (1 – небольшая тяжесть, 2 – средняя тяжесть, 5 – тяжкое, 10 – особо тяжкое). Для проведения расчетов некоторые индикаторы, различающиеся по размерности, преобразуются к общему знаменателю. Кроме того, предлагается использовать весовые коэффициенты (k), учитывающие особенности влияния каждого показателя при оценке деятельности ИЦ (УФИЦ).

$U_{\text{апр}}$ – количество актов прокурорского реагирования, поступивших в отчетном периоде. Необходимо подчеркнуть важность обеспечения законности и правопорядка в деятельности ИЦ (УФИЦ) при исполнении наказания в виде принудительных работ, поэтому численное значение показателя «акты прокурорского реагирования», в отличие от других, берется в абсолютном значении, без учета среднесписочной численности осужденных ИЦ (УФИЦ).

$U_{\text{вз}}$ – уровень взаимодействия ИЦ (УФИЦ) с другими государственными и общественными структурами в процессе отбывания осужденными наказания, уровень социальной адаптации осужденных и оценка качества работы сотрудников ИЦ (УФИЦ). Вызывает затруднение при расчете итогового интегрированного показателя адекватная оценка данных показателей деятельности ИЦ (УФИЦ), что требует проведения дополнительных практических исследований.

По итогам применения методики оценки выделяются лучшие ИЦ (УФИЦ), имеющие максимальный балл. Разработанная методика оценки позволяет сравнить показатели деятельности по основным функциональным направлениям, а также выявить имеющиеся проблемы при реализации мер пробации в ИЦ (УФИЦ).

Для повышения объективности рейтинговой оценки также необходимо учитывать обобщенные характеристики осужденных. Роль оценки уровня исправления осужденных, профилактики и предупреждения повторных противозаконных деяний остается недостаточно исследованной.

В целях дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы, повышения качества достижения целей пробации, а также совершенствования деятельности отдельных элементов, таких как ИЦ (УФИЦ), необходимо продолжать разработку наиболее оптимальной методики экспертной оценки деятельности. Для повышения качества результатов применения методики сравнительной рейтинговой оценки деятельности ИЦ (УФИЦ) требуется дальнейшая корректировка путем установления наиболее оптимального подбора применяемых показателей эффективности и значений весовых коэффициентов (особенно для таких показателей, как уровень социальной адаптации осужденных и оценка качества работы сотрудников ИЦ (УФИЦ)) посредством экспертной оценки интегральных оценочных показателей основных направления деятельности ИЦ [4, с. 49].

Одним из перспективных направлений совершенствования оценки деятельности является создание специального модуля ПК АКУС ИЦ (УФИЦ), который позволил бы автоматизировать процедуру ввода данных и оценки деятельности ИЦ (УФИЦ). Система автоматизации позволяет создать комплексную методику учета и оценки деятельности ИЦ (УФИЦ), что оказало бы важное значение при решении вопросов повышения эффективности исполнения наказаний.

Таким образом, оценка деятельности учреждений и органов УИС, в том числе определение показателей эффективности функционирования ИЦ (УФИЦ), играет важную роль при реализации целей и задач системы пробации. Анализ деятельности ИЦ (УФИЦ), который является одним из ключевых элементов развития и функционирования УИС, также позволяет выявить основные направления совершенствования законодательной базы:

- внедрение методики оценки деятельности ИЦ (УФИЦ);
- закрепление методики оценки приказом ФСИН России «Об утверждении Положения об определении рейтинговой оценки деятельности изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний».

Оценка деятельности ИЦ (УФИЦ) является важным элементом обеспечения устойчивого развития УИС, также позволяет контролировать реализацию системы пробации, выявлять возможности для дальнейшего улучшения и разрабатывать стратегии для повышения эффективности, в том числе в направлении цифровой трансформации УИС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В России создано 367 исправительных центров на 40 тысяч осужденных на принудительные работы. URL: <https://rg.ru/2023/03/13/v-rossii-sozdano-367-ispravitelnyh-centrov-na-40-tysiach-osuzhdennyh-na-prinuditelnye-raboty.html> (дата обращения: 24.04.2024).
2. Голодов П. В. Методика оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций: проблемы и пути совершенствования // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1 (45). С. 43–49.

REFERENCES

1. *V Rossii sozdano 367 ispravitel'nykh tsentrov na 40 tysyach osuzhdennykh na prinuditel'nye raboty* [In Russia, 367 correctional centers have been created for 40 thousand people sentenced to forced labor]. Available at: <https://rg.ru/2023/03/13/v-rossii-sozdano-367-ispravitelnyh-centrov-na-40-tysiach-osuzhdennyh-na-prinuditelnye-raboty.html> (accessed April 24, 2024).
2. Golodov P.V. Effectiveness assessment technique of the penal inspections activities: problems and improvement means. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2019, vol. 13, no. 1 (45), pp. 43–49. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МОКРЕЦОВ – кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, warog@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2605>

YURIY V. MOKRETSOV – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, warog@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4358-2605>

Статья поступила 07.05.2024

Научная статья

УДК 343.843

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.016

Об отличиях законодательства о пробации в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОТАПОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, potapov_35@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0047-1000>

Аннотация. На основании сравнительно-правового анализа законов о пробации в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации в статье рассматриваются отличия содержания данных нормативных правовых актов. При описании отличий содержания пробации анализируются ее цели, задачи, виды и формы. Раскрываются закрепленные в законах о пробации субъекты и участники пробации, их функции и полномочия в данной сфере. Кроме того, дана оценка особенностям отдельных видов пробации, не представленных в законодательстве и практике Российской Федерации, затронуты вопросы примирительных процедур в пробации (медиации), анализируются особенности ее реализации в отношении несовершеннолетних. Сформулированы выводы и предложения по использованию положительного законодательного опыта в сфере пробации Республики Казахстан и Кыргызской Республики в совершенствовании отечественного законодательства о пробации.

Ключевые слова: пробация; цели пробации; задачи пробации; формы пробации; виды пробации; субъекты пробации.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Потапов А. М. Об отличиях законодательства о пробации в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* 2024. № 3 (27). С. 119–127. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.016.

Original article

On Differences in the Legislation on Probation in the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation

ANDREI M. POTAPOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, potapov_35@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0047-1000>

Abstract. Based on a comparative legal analysis of probation laws on the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation, the article considers differences in the content of these normative legal acts. When describing differences in the content of probation, its goals, objectives, types and forms are analyzed. Subjects and participants of probation, their functions and powers in this area are disclosed. In addition, the author assesses the specifics of certain types of probation that are not represented in the legislation and practice of the Russian Federation, issues of conciliation procedures in probation (mediation), as well as the specifics of its implementation in relation to minors. Conclusions and suggestions on the use of positive legislative experience in the field of probation of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic in improving domestic legislation on probation are formulated.

Key words: probation; probation goals; probation tasks; probation forms; probation types; probation subjects.

5.1.4. Criminal Law sciences.

For citation: Potapov A.M. On differences in the legislation on probation in the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 119–127. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.016.

Законодательному закреплению содержания probation в Российской Федерации в 2023 г. предшествовал длительный период правовой и организационной подготовки [1]. Уделялось этому вопросу и соответствующее научное внимание. Так, С. А. Старостин и Н. В. Анискина отмечают, что институт probation имеет достаточно глубокие исторические корни [2, с. 206], а И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев приходят к заключению о необходимости института probation в Российской Федерации [3, с. 165]. Очевидно, что давать оценку эффективности применения указанного законодательства пока преждевременно. Однако, сравнивая законодательство о probation в других государствах, близкое по содержанию к законодательству о probation в Российской Федерации, можно найти варианты совершенствования данного института в отечественной практике. Особенно это актуально в условиях наличия такого опыта в Республике Казахстан и Кыргызской Республике, где содержание probation законодательно закреплено на протяжении ряда лет. Подтверждают это и научные исследования в данных странах. Так, Б. К. Шнарбаев отмечает, что основной целью probation в Республике Казахстан выступает предупреждение рецидива преступлений, а также она является одним из средств индивидуальной профилактики преступлений [4, с. 274]. А. Б. Скаков считает, что внедрение полного цикла probation в Республике Казахстан обеспечит непрерывность процесса ресоциализации лиц, отбывших наказание [5, с. 271]. З. С. Токубаев, характеризуя институт probation в Республике Казахстан, утверждает, что законодательно созданы механизмы ресоциализации осужденных и снижения рецидива, что способствует эффективному противодействию преступности [6, с. 301].

Безусловно, несмотря на схожие законодательные подходы к закреплению института probation в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации существует и много национальных отличий. В первую очередь они определяются кругом и уровнем нормативных правовых актов, формирующих содержание probation.

В Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации институт probation закрепляется на законодательном и подзаконном уровнях. Отметим, что в Российской Федерации содержание probation на законодательном уровне регулируется

Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации в РФ). Аналогичные законы были приняты ранее в Республике Казахстан в 2016 г. (далее – Закон о пробации в РК) и Кыргызской Республике в 2017 г. (далее – Закон о пробации в КР). При этом в Казахстане и Кыргызстане данные законодательные акты принимались в продолжение развития правового регулирования пробации, закрепленного в уголовно-исполнительных кодексах данных государств. В Российской Федерации законодатель вопросы правового регулирования пробации в содержание уголовно-исполнительного закона не включил. Мы отдельно рассматривали указанный законодательный подход в своих публикациях, где анализировали содержание пробации в уголовно-исполнительных кодексах Республики Казахстан и Кыргызской Республики [7]. Поэтому в данной работе мы продолжим сравнение отличий содержания пробации только на уровне указанных выше законов.

Сравнительно-правовой анализ законодательства о пробации в первую очередь необходимо начать с целей и задач, стоящих перед пробацией. Стоит отметить, что такие цели пробации, как обеспечение безопасности общества и государства, создание условий для исправления и ресоциализации лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых правонарушений аналогичны в Республике Казахстан Кыргызской Республике и Российской Федерации. Отличия заключаются в определении категории лиц, подпадающих под пробацию. В Республике Казахстан, это подозреваемые, обвиняемые, осужденные и освобожденные из исправительных учреждений (ст. 4 Закона о пробации в РК). В Кыргызской Республике это клиенты пробации, под которыми понимаются лица, которым приговором суда назначено наказание без изоляции от общества и принудительные меры уголовно-правового воздействия, лица, освобожденные условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы и подлежащие надзору, а также лица, в отношении которых осуществляется социальное исследование: обвиняемые, в отношении которых судом назначена подготовка пробационного доклада, осужденные, подлежащие условно-досрочному освобождению от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 5 Закона о пробации в КР). В Российской Федерации это осужденные, лица, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лица, освободившиеся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации. Пробация применяется в отношении осужденных, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера (ст. 11, 13, 19 Закона о пробации в РФ).

Учитывая схожий характер целей пробации в анализируемых странах, очевидно, что и ряд задач данного института будут иметь общее содержание. В частности, это задачи по восстановлению социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечению жильем, получению образования, реализации права на социальное обслуживание, получению медицинской, психологической и юридической помощи. Указанные положения фактически отражают задачи пробации в законодательстве Российской Федерации, но не ограничены ими в законодательстве Республики Казахстан и Кыргызской Республики. Так, в их законодательстве содержатся такие задачи пробации, как исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и принудительных мер уголовно-правового воздействия, осуществление контроля (надзора) за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы на

определенный срок, а также лицами, к которым применена отсрочка исполнения наказания. В Кыргызской Республике к задачам probationи отнесены также примирение клиента probationи с потерпевшим, исключение негативного влияния отрицательно характеризующихся клиентов probationи на других клиентов probationи, исключение и преодоление стигмы общества к клиентам probationи.

Очевидно, что в Республике Казахстан и Кыргызской Республике концептуально шире сформированы задачи probationи, в частности по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы, а также осуществлению probationионного контроля (надзора) за соответствующими категориями осужденных (освобожденных).

Принципы, определяющие содержание и реализацию probationи, в рассматриваемых странах существенных отличий не имеют.

Представляет теоретический и практический интерес подход законодателей к определению категорий субъектов probationи.

Так, в Российской Федерации к субъектам probationи отнесены: органы исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, учреждения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, службы занятости населения и организации социального обслуживания (ст. 6 Закона о probationи в РФ). Кроме указанных субъектов законодатель в Российской Федерации закрепил возможность привлечения иных участников к probationи, то есть разделил круг лиц на субъектов и участников (ч. 2 ст. 6 Закона о probationи в РФ). К последним отнесены коммерческие и некоммерческие организации, в том числе религиозные и общественные организации, медицинские, научные и социальные учреждения, индивидуальные предприниматели, общественные наблюдательные комиссии, граждане.

В то же время в Республике Казахстан законодатель не закрепил деление на субъектов и участников probationи, отметив, что все они являются ее субъектами. Их перечень фактически идентичен отечественным субъектам и участникам. Отдельно стоит отметить, что в Республике Казахстан создана и функционирует самостоятельная служба probationи, а в Кыргызской Республике – орган probationи. В Российской Федерации функции службы (органа) probationи возложены на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России.

В законодательстве Кыргызской Республики субъекты probationи отдельно не выделяются, но фактически перечисляются при ее реализации. Их перечень аналогичен Российской Федерации и Республике Казахстан.

Одним из отличий в законодательном регулировании probationи выступает деление ее на формы и виды в Республике Казахстан и Кыргызской Республике в отличие от Российской Федерации, где формы probationи законодательно не закреплены. При этом в Республике Казахстан probationи осуществляется в формах probationионного контроля и оказания социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы probationи (ст. 5 Закона о probationи в РК). В Кыргызской Республике законодатель закрепил такие ее виды, как контроль и надзор за клиентами probationи и воспитательное воздействие, оказание содействия клиентам probationи в выходе из трудной жизненной ситуации и ресоциализации, разработка и реализация индивидуальных социально-правовых программ, привлечение к исправительному процессу общественности, содействие в проведении примиренческих процедур клиента probationи с потерпевшим, взаимодействие государственных органов, органов местного самоуправления и местных государственных администраций с исправительными учреждениями и клиентами probationи, осуществление социального исследования лиц на досудебной стадии, а также осужденных, подлежащих условно-досрочному ос-

вобождению от отбывания наказания в виде лишения свободы, проведение оценки риска и классификации клиентов пробации (ст. 7 Закона о пробации в КР).

Переходя к видам пробации, отметим, что в Российской Федерации закреплены три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная, постпенитенциарная. В Республике Казахстан и Кыргызской Республике установлены четыре вида пробации. К уже указанным видам в Российской Федерации реализуется досудебная пробация (ст. 12 Закона о пробации в РК, ст. 8 Закона о пробации в КР). Как мы уже отмечали, данный вид пробации применяется на добровольной основе в отношении отдельных категорий подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений и выражается в подготовке досудебного доклада и оказания социально-правовой помощи. Так, в Республике Казахстан, это несовершеннолетние, лица с инвалидностью, женщины в возрасте 58 и свыше лет, беременные женщины или женщины, имеющие малолетних детей в возрасте до трех лет, мужчины, в возрасте 63 и свыше лет или мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей в возрасте до трех лет. Досудебная пробация в Республике Казахстан не реализуется в отношении лиц, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста или содержания под стражей (ст. 13 Закона о пробации РК).

В Кыргызской Республике законодатель не конкретизировал категории лиц, подлежащих досудебной пробации, определив лишь, что данный вид пробации применим только к обвиняемым. Из анализа законодательства о пробации также следует, что досудебная пробация в Кыргызской Республике не применяется к лицам, в отношении которых избрана мера пресечения, связанная с изоляцией от общества (ст. 9 Закона о пробации в КР). Содержание досудебной пробации в Кыргызской Республике во многом совпадает с ее содержанием в Республике Казахстан и выражается в подготовке пробационного доклада с рекомендациями о возможности применения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и принудительных мер уголовно-правового воздействия.

Исполнительная (приговорная) пробация предусмотрена в Российской Федерации (гл. 2 Закона о пробации в РФ), Республики Казахстан (ст. 12 Закона о пробации в РК), Кыргызской Республики (ст. 8 Закона о пробации в КР). При этом содержание данного вида пробации имеет свои отличия в каждом из указанных государств. Так, в Российской Федерации исполнительная пробация применяется к лицам, осужденным к наказаниям без изоляции от общества, за исключением осужденных к штрафу как основному виду наказания и принудительным работам. При этом исполнительная пробация применяется к лицам в случае назначения им штрафа с возложением судом обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Возложение судом указанной обязанности на осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы также служит основанием для применения исполнительной пробации. Данный вид пробации может применяться к условно осужденным, условно-досрочно освобожденным, осужденным, которым предоставлена отсрочка либо замена наказания более мягким видом наказания (за исключением замены на принудительные работы) (ст. 11 Закона о пробации в РФ). Направлениями исполнительной пробации выступают ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация. Основанием исполнительной пробации является обращение лица с заявлением о ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации и после соответствующей оценки индивидуальной нуждаемости выносится решение о целесообразности оказания содействия. Срок исполнительной пробации определяется индивидуальной программой

в пределах срока наказания или применения иной меры уголовно-правового характера (ст. 12 Закона о пробации в РФ).

Приговорная пробация в Республике Казахстан применяется к осужденным к ограничению свободы и осужденным условно (ст. 12, 15 Закона о пробации в РК), что существенно меньше количества категорий лиц, находящихся под данным видом пробации в Российской Федерации. При этом и содержательно в Республике Казахстан данный вид пробации имеет свои отличия. Прежде всего они выражены в установлении пробационного контроля за лицами, находящимися под пробацией, и возможностью оказания им социально-правовой помощи. Срок пробации устанавливается судом. Отказ от пробационного контроля влечет отмену условного осуждения или замену наказания на лишение свободы. При этом Закон о пробации в РК не регламентирует содержание социально-правовой помощи в рамках приговорной пробации. Данный законодательный подход, на наш взгляд, имеет свои положительные и отрицательные стороны. К плюсам относится возможность установления контроля, что отсутствует в Российской Федерации, к минусам – отсутствие содержания социально-правовой помощи в рамках приговорной пробации.

Наиболее эффективным выглядит законодательный подход, реализованный в Кыргызской Республике, учитывающий необходимость установления как пробационного контроля (надзора) и оказания содействия клиентам пробации в выходе из трудной жизненной ситуации (ст. 10 Закона о пробации в КР).

Пенитенциарная пробация в Российской Федерации реализуется в отношении осужденных к лишению свободы и принудительным работам (ст. 13 Закона о пробации в РФ). В отличие от Российской Федерации в Республике Казахстан и Кыргызской Республике пенитенциарная пробация распространяется только на осужденных к наказанию в виде лишения свободы (ст. 16 Закона о пробации в РК, ст. 11 Закона о пробации в КР).

Постпенитенциарная пробация в Российской Федерации распространяется на лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, независимо от основания освобождения оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации и нуждающихся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (ст. 19 Закона о пробации в РФ). Кроме того, данный вид пробации распространяется на лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробация. Основным субъектом реализации постпенитенциарной пробации выступает уголовно-исполнительная инспекция. Основанием постпенитенциарной пробации является обращение с заявлением освобожденного об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Срок постпенитенциарной пробации не превышает одного года (ст. 20 Закона о пробации в РФ).

В Республике Казахстан постпенитенциарная пробация распространяется на следующий круг осужденных: условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания в виде лишения свободы; освобождаемые из мест лишения свободы, в отношении которых судом установлен административный надзор; освобождаемые, которым лишение свободы было заменено ограничением свободы; освобождаемые, которым лишение свободы было заменено штрафом, отбывшие назначенный судом срок наказания в виде лишения свободы (ст. 17 Закона о пробации в РК).

Существенные отличия в постпенитенциарной пробации в Республике Казахстан от Российской Федерации заключаются в ее применении в отношении условно-досрочно освобожденных. Она реализуется в форме пробационного контроля, осуществляемого полицией по месту жительства указанных выше лиц, а также оказания социально-правовой

помощи местными исполнительными органами, общественными объединениями и иными организациями. Кроме того, постпенитенциарная пробация в отношении лица, которому судом установлен административный надзор, осуществляется в форме оказания социально-правовой помощи.

Дополнительно отметим, что постпенитенциарная пробация в отношении лиц, которым лишение свободы заменено штрафом, а также отбывшие срок наказания в виде лишения свободы, осуществляется в форме оказания им социально-правовой помощи по их инициативе путем обращения в местные исполнительные органы. В данном контексте отметим, подход законодателя к определению субъекта, отвечающего за реализацию постпенитенциарной пробации, в лице местных исполнительных органов.

В Кыргызской Республике в отличие от Российской Федерации основной особенностью постпенитенциарной пробации является ее применение только к лицам, освобожденным условно-досрочно из исправительных учреждений (ст. 12 Закона о пробации в КР) и заключается в оказании социальной поддержки с целью их ресоциализации. Пробационный надзор за клиентами постпенитенциарной пробации регулируется уголовно-исполнительным законом.

Существенным отличием законодательства о пробации в Республике Казахстан и Кыргызской Республике от отечественного является наличие положений, регулирующих особенности пробации в отношении несовершеннолетних (ст. 18, 19 Закона о пробации в РК) или ювенальной пробации (гл. 7 Закона о пробации в КР). Положения указанных норм детализируют применение различных видов пробации к несовершеннолетним.

В рамках рассматриваемых отличий стоит отметить и такую особенность содержания Закона о пробации в КР, как необходимость проведения процедур примирения. Она применяется для урегулирования споров (конфликтов) между клиентом пробации и потерпевшим. Для проведения примиренческих процедур привлекаются специалисты-медиаторы (ст. 28 Закона о пробации в КР).

Таким образом, рассмотрев основные отличия законодательства о пробации в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации, необходимо сделать ряд выводов.

Во-первых, в Российской Федерации законодатель вопросы правового регулирования пробации в содержание уголовно-исполнительного закона не включил. На наш взгляд, эта особенность отечественного законотворческого процесса не исключает в перспективе ее решения при подготовке изменения в действующий уголовно-исполнительный закон.

Во-вторых, расширенный круг задач пробации в части исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также осуществления пробационного контроля (надзора) за соответствующими категориями осужденных (освобожденных) в Республике Казахстан и Кыргызской Республикой определяет вектор развития пробации в нашем государстве. Очевидно, что по своему содержанию указанные задачи могут быть включены в содержание отечественного законодательства о пробации.

В-третьих, в Российской Федерации функции службы (органа) пробации возложены на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России. Целесообразность появления отдельной службы (органа) пробации является дискуссионным. Полагаем, что по мере расширения применения пробации в Российской Федерации необходимость выделения функций из компетенции уголовно-исполнительных инспекций в самостоятельную службу (орган) пробации будет решаться.

В-четвертых, отсутствие законодательного закрепления форм probation в Российской Федерации не означает фактического отсутствия их элементов в содержании probation. При этом считаем необходимым рассмотреть вопрос о закреплении форм probation наряду с ее видами и в отечественном законодательстве.

В-пятых, отсутствие досудебной probation в Российской Федерации, на наш взгляд, должно быть исправлено по мере развития института probation, условия для этого существуют.

В-шестых, для Российской Федерации наиболее эффективным, с нашей точки зрения, выглядит законодательный подход Республики Казахстан и Кыргызской Республики, учитывающий необходимость установления как probationного контроля (надзора) за лицами, находящимися под probation, так и оказания им содействия в выходе из трудной жизненной ситуации.

В-седьмых, на наш взгляд, наиболее оптимальным выглядит подход законодателя Республике Казахстан к определению субъекта, отвечающего за реализацию постпенитенциарной probation в лице местных исполнительных органов. Полагаем, что в отношении указанных категорий освобожденных такой подход оправдан и может рассматриваться к включению в отечественное законодательство о probation.

В-восьмых, считаем целесообразным дополнить отечественное законодательство о probation положениями, регулирующими вопросы ее реализации в отношении несовершеннолетних и применения процедур примирения с потерпевшими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ермасов Е. В., Дегтярева О. Л. Вопросы создания службы probation в России // Закон и право. 2016. № 8. С. 74–76.
2. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба probation в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. Т. 16. № 2 (58). 2022. С. 204–212.
3. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Постпенитенциарный контроль в России: радужные перспективы и обоснованные сомнения // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докл. участников II Междунар. пенитенциар. форума : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 1. С. 164–169.
4. Шнарбаев Б. К. Становление probation в Казахстане в рамках международных стандартов // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 3. С. 272–277.
5. Скаков А. Б. Особенности probation в отношении отдельных категорий лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства // III Междунар. пенитенциар. форум «Преступление, наказание, исправление» : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 1. С. 67–74.
7. Потапов А. М. О содержании института probation в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Казахстан и Кыргызской Республики // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 4 (251). С. 34–41.
6. Токубаев З. С. Институт probation – основная мера противодействия преступности // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXIII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Иркутск, 2018. Т. I. С. 299–303.

REFERENCES

1. Ermasov E.V., Degtyareva O.L. Issues the establishment of a probation service in Russia. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2016, no. 8, pp. 74–76. (In Russ.).
2. Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation service in Russia: policy choice and development prospects. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. (In Russ.).

3. Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. Post-emergency control in Russia: rosy prospects and reasonable doubts. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: sb. tez. vystuplenii i dokl. uchastnikov II Mezhdunar. penitentsiar. foruma: v 8 t. T. 1* [Crime, punishment, correction: collection of speeches and reports of participants of the II International penitentiary forum: in 8 volumes. Volume 1]. Ryazan, 2015. Pp. 164–169. (In Russ.).
4. Shnarbaev B.K. The formation of probation in Kazakhstan within the framework of international standards. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2017, no. 3, pp. 272–277. (In Russ.).
5. Skakov A.B. Features of probation in relation to certain categories of persons caught in the field of criminal justice. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: sb. tez. vystuplenii i dokl. uchastnikov II Mezhdunar. penitentsiar. foruma: v 8 t. T. 1* [Crime, punishment, correction: collection of speeches and reports of participants of the II International penitentiary forum: in 8 volumes. Volume 1]. Ryazan, 2017. Pp. 67–74. (In Russ.).
7. Potapov A.M. On the content of the probation institute in the penal enforcement legislation of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2023, no. 4 (251), pp. 34–41. (In Russ.).
6. Tokubaev Z.S. Institute of probation – the main measure of combating crime. In: *Dyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sb. materialov XXIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. T. I* [Activity of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXIII International scientific and practical conference: in 2 volumes. Volume 1]. Irkutsk, 2018. Pp. 299–303. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОТАПОВ – кандидат юридических наук, доцент, начальник факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, potapov_35@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0047-1000>

ANDREI M. POTAPOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Faculty of Vocational Training and Additional Professional Education of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, potapov_35@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0047-1000>

Статья поступила 24.06.2024

Научная статья

УДК 343.3/7

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.017

Уголовно-правовые средства борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет: законодательные и правоприменительные проблемы

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА РАНЕНКОВА

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, alena_ranenkova@rambler.ru

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УГЛИЦКИХ

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, uglickih@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0048-2017>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты уголовно-правовых средств борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет, проведен анализ их эффективности. Познание сущности фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства как специфического вида преступной деятельности позволит выработать рекомендации по совершенствованию теории и практики противодействия данным преступлениям, сократить их количество. Сделаны объективные выводы и высказаны предложения, направленные на совершенствование нормативно-правовой деятельности в части установления дополнительных механизмов противодействия фиктивной постановке на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации.

Ключевые слова: фиктивная постановка; миграционный учет; преступность мигрантов; правоприменительные проблемы; уголовно-правовые средства борьбы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Раненкова Е. А., Углицких Д. В. Уголовно-правовые средства борьбы с фиктивной постановкой на миграционный учет: законодательные и правоприменительные проблемы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 128–135. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.017.

Original article

Criminal Deterrence of Fictitious Migration Registration: Legislative and Law Enforcement Problems

ELENA A. RANENKOVA

Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, alena_ranenkova@rambler.ru

DMITRII V. UGLITSKIKH

Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, uglickih@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0048-2017>

Abstract. The article considers some aspects of criminal deterrence of fictitious migration registration and analyzes their effectiveness. Understanding the essence of fictitious registration of a foreign citizen or stateless person as a specific type of criminal activity will allow us to develop recommendations for improving the theory and practice of its counteraction and reducing a number of these crimes. Objective conclusions are drawn and proposals are made to enhance regulatory and legal activities in terms of establishing additional mechanisms to counteract fictitious registration of a foreign citizen or stateless person at the place of residence in the Russian Federation.

Keywords: fictitious statement; migration registration; migrant crime; law enforcement problems; criminal deterrence.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Ranenkova E.A., Uglitskikh D.V. Criminal deterrence of fictitious migration registration: legislative and law enforcement problems. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 128–135. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.017.

В последние годы в России стала актуальной проблема нелегального нахождения иностранных граждан или лиц без гражданства на территории страны. Данные действия квалифицируются по ст. 322.3 УК РФ. Так, в 2019 г. за фиктивную поставку на учет было осуждено 9779 чел., в 2020 г. – 6553, в 2021 г. – 4622, в 2022 г. – 6943 чел., в первом полугодии 2023 г. – 3721 (рис. 1) [1].

По данным МВД России, только за второй квартал 2022 г. более 4 млн иностранцев встали на миграционный учет в России. Из них лишь 3 млн приехали с целью заработка, что является рекордным показателем за все время учета. Однако особую озабоченность правоохранительных органов вызывает туристическая категория иностранцев. Возникают вопросы об их занятости, обустройстве жизни и планах на пребывание в стране. Контроль за такой категорией граждан является важным звеном в обеспечении безопасности внутри страны [2], о чем свидетельствуют и теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 г., унесший жизни более 140 чел., совершенный руками четверых граждан Таджикистана. Государственная Дума Российской Федерации начала работу над ужесточением миграционного законодательства. Очевидно, что предстоит кардинально пересмотреть уголовно-право-

вые нормы в области миграционного и регистрационного учета иностранных граждан и лиц без гражданства.

На практике большинство мигрирующий осуществляют аренду жилых помещений, при этом не заключая официального договора, не оформляя необходимых документов для временного или постоянного проживания на территории Российской Федерации. Важно отметить, что и некоторые арендодатели уклоняются от и регистрации иностранных жильцов или лиц без гражданства, не оформляя договоры аренды жилых помещений по соответствующему адресу, и уплаты налогов.

Причиной такого поведения иностранных граждан или лиц без гражданства является то, что большинство из них в силу финансовых причин не могут позволить себе приобретение собственного жилья на территории Российской Федерации даже с помощью кредитов и ипотек. Это приводит их к мысли о том, что проще и рентабельнее им будет обходиться аренда жилья у российских граждан.

К сожалению, на практике может возникнуть следующая проблема. Большинство иностранцев и лиц без гражданства, понимая невозможность покупки собственного жилья и желая соблюсти законы и подзаконные акты Российской Федерации, решают арендовать жилое помещение. Однако арендодатели, как правило, не хотят следовать требованиям нормативно-правовых актов Российской Федерации и регистрировать мигрантов в жилье, которое они сдают в аренду. Владельцы жилых помещений делают это с целью наживы и личного обогащения, поскольку после официальной регистрации указанных выше лиц в жилом помещении увеличивается размер коммунальных платежей, возникает необходимость уплаты налогов и другие трудности.

Все это становится причинами возникновения такого явления, как «резиновый» дом (квартира), суть которого заключается в регистрации большого количества мигрантов в одной лишь комнате или же, наоборот, фактическое пребывание большого количества мигрантов в одной квартире без их регистрации.

Результатами «резиновых помещений» и фиктивных регистраций может стать невозможность оказания медицинской помощи мигрантам, лишение возможности получения ими необходимых документов для официального нахождения на территории Российской Федерации. Возможен и такой вариант, когда собственники жилых помещений начинают зарабатывать на иностранных гражданах и лицах без гражданства путем регистрации в своем жилье нескольких мигрантов без их фактического проживания в арендованном помещении.

Так, в 2023 г. в Ярославской области было выявлено 163 «резиновые» квартиры, в которых по официальным документам проживает не одна тысяча мигрантов, а на самом деле ни один из этих мигрантов даже не был в данном помещении. Так, например, жительница г. Ярославля, имея в своем владении три трехкомнатные квартиры, решила заработать на

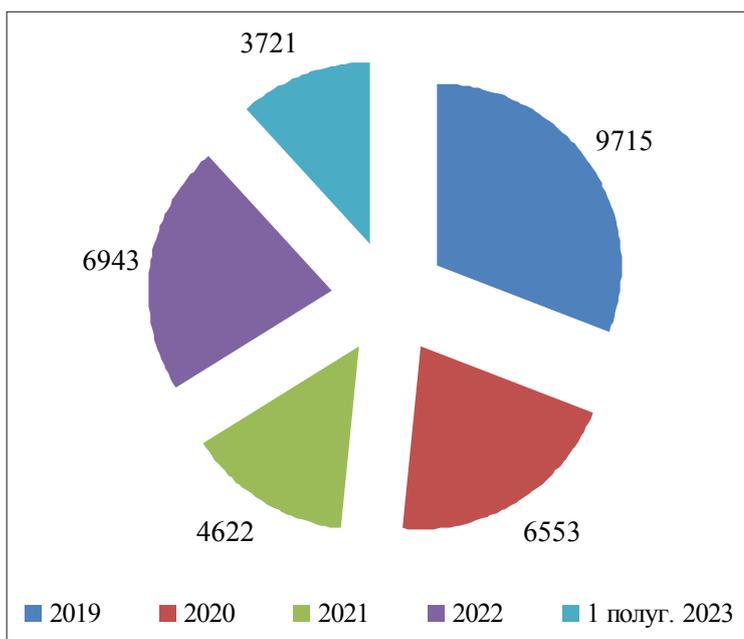

Рис. 1. Количество лиц, осужденных по ст. 322.3 УК РФ

своим имуществом. Традиционно такие квартиры сдают в аренду для получения материальной выгоды, но в данном случае был построен нелегальный бизнес по регистрации мигрантов. Так, согласно данным, поданным в миграционную службу, в трех квартирах одновременно должны были проживать более 600 мигрантов. На деле же в указанных помещениях никто не проживал, а за фиктивную регистрацию хозяйка квартир каждый месяц получала от мигрантов крупные денежные суммы [3].

По самым приблизительным подсчетам, получая в среднем за услугу 15 тыс. руб. с человека за регистрацию по месту пребывания на 6 мес., общая сумма дохода могла составить 9 млн руб, которые при этом не облагались налогом. К сожалению, данный случай не является единичным, подобные примеры можно встретить по всей России.

Основной причиной совершения указанных преступлений является отсутствие в Российской Федерации ограничений, запрещающих регистрацию по месту пребывания в жилом помещении определенного количества лиц на квадратный метр, что позволяет прописывать собственникам жилых помещений неограниченное число лиц. Не разрешил ситуацию и так называемый закон о микродолях, которым были внесены ряд поправок в Семейный и Жилищный кодексы Российской Федерации [4; 5]. Действующее законодательство по-прежнему не дает однозначного ответа на вопрос «Сколько людей можно зарегистрировать в жилом помещении?» [6].

Во-вторых, данное преступление по степени общественной опасности относится к категории небольшой тяжести. Но, если мы проведем параллель с теми общественно опасными последствиями, которые реально наступают или могут наступить от неконтролируемого притока мигрантов на территорию Российской Федерации, становится очевидным, что нарушение регистрационного режима пребывания и проживания иностранных граждан и лиц без гражданства часто сопровождается совершением следующих преступлений:

– ч. 1 ст. 327 УК РФ (например, подделок официального документа (отрывной части бланка уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания), предоставляющего право законно находиться на территории Российской Федерации, в целях его сбыта);

– ч. 1 ст. 159 УК РФ (например, получение денежных средств за поддельный официальный документ (отрывную часть бланка уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания), предоставляющий право законно находиться на территории Российской Федерации);

– ч. 1 ст. 291 УК РФ (например, дача взятки должностному лицу за фиктивную постановку на миграционный учет);

– ч. 1 ст. 198 УК РФ (например, регулярное получение денежных средств от мигрантов за регистрацию в жилом помещении собственника жилья и постановку на миграционный учет).

Этот перечень можно дополнить и другими еще более тяжкими составами: терроризм, изнасилование, хищение чужого имущества, незаконный оборот наркотиков и др., что в конечном итоге создает угрозу национальной безопасности страны. О признании такой опасности свидетельствует Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., а также изменения в миграционном законодательстве, вступившие в силу с 1 января 2023 г., которые предполагающие новые меры контроля и ужесточение ответственности за правонарушения со стороны мигрантов [2].

В-третьих, пробелы в законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ. Прежде всего это касается вопроса неоднозначного определения субъекта преступления и связанных с этим проблем квалификации преступления, разграничения его со смежными составами преступлений и административных правонарушений.

Кроме того, не дана надлежащая оценка деятельности посредников в таких преступлениях, не взят во внимание рост криминального бизнеса.

На практике зачастую совершается фиктивный миграционный учет иностранных граждан или лиц без гражданства, пребывающих на территории Российской Федерации, сотрудниками правоохранительных органов или при их попустительстве. Кроме того, известны случаи, когда в общежитиях университетов регистрируют иностранных граждан или лиц без гражданства. За ними не закрепляют определенных комнат, и вскоре они отчисляются из учебных заведений. Однако их регистрация в общежитии остается, но никто не сообщает в миграционные службы о данных фактах. Как нам известно, регистрацией мест в общежитиях занимаются деканы факультетов высших учебных заведений и профсоюзные бюро. Можно ли считать их действия преступными и равными фиктивной регистрации? Мы считаем, что можно.

Возникают сомнения относительно достаточности и справедливости наказания за такие преступления, поскольку они затрагивают общественные отношения в области государственной власти, а также могут негативно сказываться на множестве других объектов (особенно в случае совершения мигрантами различных правонарушений на территории проживания).

За совершение деяния, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ, назначаются следующие основные виды наказаний: штраф от ста тысяч рублей, принудительные работы и лишение свободы. Даже если собственники жилых помещений, осуществляющие фиктивную постановку на миграционный учет, и будут привлечены к уголовной ответственности, то чаще всего наказание не связано с реальным лишением свободы. В 2022 г. такое наказание было назначено лишь 278 осужденным (АППГ – 182). Условное лишение свободы назначили лишь 6 осужденным (АППГ – 911). Принудительные работы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового за последние 5 лет не назначались и вовсе. Кроме того, осужденным назначались ограничение свободы (10 – в 2022 г. (АППГ – 1255)) и условное осуждение (6 – в 2022 г., (АППГ – 911)) (рис. 2) [6].

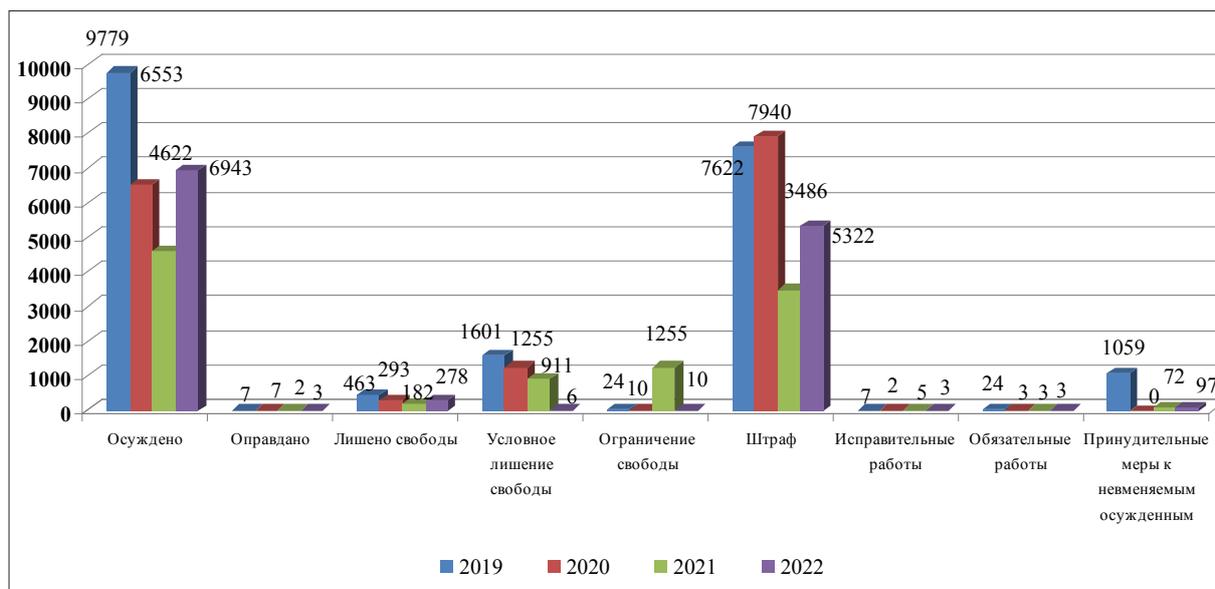

Рис. 2. Данные о назначенном наказании за совершение преступлений, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ

А вот штраф в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет был назначен 5322 осужденным (АППГ – 3486). Учитывая доходы, получаемые субъектами преступлений от постановки на учет граждан других стран и лиц без гражданства в своих жилых помещениях, не удивителен рост количества данных преступлений. Субъекту преступления ничего не стоит оплатить штраф и вернуться к своему прибыльному бизнесу.

В пользу данного довода свидетельствует тот факт, что, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о судимости, в России за 2019–2022 гг. и первое полугодие 2023 г. за преступления, предусмотренные ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, увеличилось количество осужденных лиц, которые имели неснятые и непогашенные судимости на момент совершения преступления, в 2019 г. их число составило 2777 чел., в 2020 г. – 1921, в 2021 г. – 1344, в 2022 г. – 1902, в первом полугодии 2023 г. – 950 (рис. 3).

Для устранения вышеназванных пробелов необходимо в первую очередь внести поправки в соответствующее законодательство и установить конкретные ограничения и для собственников жилья по количеству лиц, которых можно зарегистрировать в своем жилом помещении на квадратный метр, а также на определенный период (возможно, по аналогии с существующим ограничением для муниципальных квартир, комнат в общежитии и маневренного фонда).

Статья 70 ЖК РФ содержит требование о соблюдении учетной нормы жилплощади при вселении новых жильцов в государственную или муниципальную квартиру: наймодатель (орган, ответственный за управление жильем) имеет право запретить вселение граждан по запросу нанимателя, если после их поселения общая жилая площадь на одного члена семьи будет ниже установленной нормы. Это правило не распространяется на регистрацию в квартире только супруга, детей и родителя нанимателя, а также несовершеннолетних детей членов семьи нанимателя, на их регистрацию получать согласие наймодателя не требуется. Таким образом, в неприватизированном жилье количество зарегистрированных лиц ограничивается, прежде

всего жилплощадью: на каждого жильца должно приходиться не менее учетной нормы в регионе (не учитываются при этом только самые близкие родственники – супруг, дети и родители нанимателя и несовершеннолетние дети членов семьи). К этому следует добавить поправку, недавно сделанную Верховным Судом Российской Федерации: если в неприватизированной квартире проживает несовершеннолетний ребенок, к нему могут вселить и там же зарегистрировать его родителя, при этом учетная норма также может не соблюдаться [8].

Для устранения двух указанных выше пробелов в правовом регули-

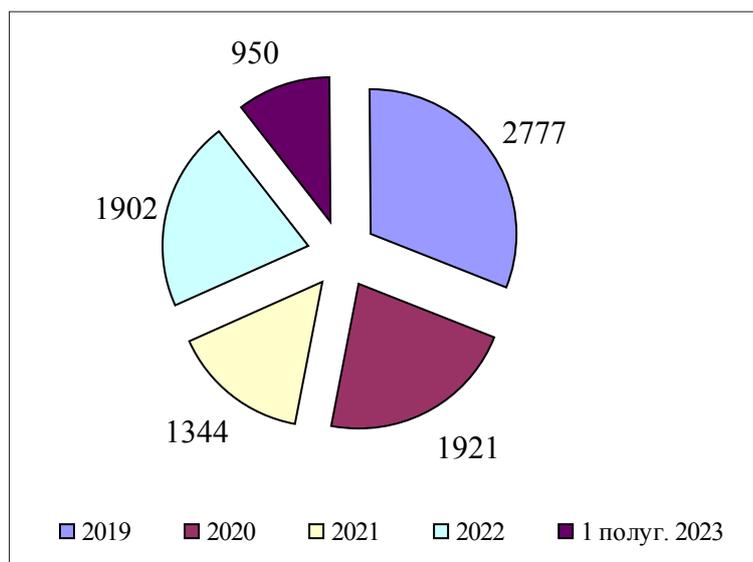

Рис. 3. Количество осужденных лиц, которые имели неснятые и непогашенные судимости на момент совершения преступлений, предусмотренных ст. 322.3 УК РФ

ровании предлагаем внести изменения в УК РФ в части установления дополнительных механизмов противодействия фиктивной постановке иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания.

1. Статью 322.3 УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации» дополнить ч. 2, изложив ее в следующей редакции:

«2. Те же деяния, совершенные:

- а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
  - б) из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с мошенничеством или подделкой, изготовлением или оборотом поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков;
  - в) лицом с использованием своего служебного положения, –
- наказываются лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до пяти-сот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового».

2. Статью 322.3 УК РФ дополнить ч. 3, изложив ее в следующей редакции:

«3. Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частью 1 или частью 2 настоящей статьи, –

наказывается лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до шестисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до четырех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до трех лет либо без такового».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о судимости в России за 2019–2023 гг. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.02.2024).
2. Как ужесточат миграционное законодательство в 2023 году. URL: <https://kontur.ru/articles/3026> (дата обращения: 13.01.2024).
3. Лейба А. Нет «резиновым» квартирам // ЭЖ-Юрист. 2020. № 8. С. 4–7.
4. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 14.07.2022 № 310-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения: 02.02.2024).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 21.12.2013 № 376-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (дата обращения: 02.02.2024).
6. Принят закон, направленный на борьбу с микродолями в квартирах. URL: <http://duma.gov.ru/news/54752/> (дата обращения: 12.01.2024).
7. Судебная статистика Российской Федерации. URL: <https://stat.ани-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.01.2024).
8. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2020 № 86-КАД20-1-К2. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-21102020-n-86-kad20-1-k2/> (дата обращения: 13.01.2024).

REFERENCES

1. *Statisticheskim dannye Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii o sudimosti v Rossii za 2019–2023 gg.* [Statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on criminal records in Russia for 2019–2023]. Available at: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (accessed February 10, 2024).
2. *Kak uzhestochat migratsionnoe zakonodatel'stvo v 2023 godu* [How migration legislation will be tightened in 2023]. Available at: <https://kontur.ru/articles/3026> (accessed January 13, 2024).
3. Leiba A. No “rubber” apartments. *EZh-Yurist = Lawyer*, 2020, no. 8, pp. 4–7. (In Russ.).
4. *O vnesenii izmenenii v Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 14.07.2022 No. 310-FZ* [On amendments to the Family Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 310-FZ of July 14, 2022]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (accessed February 2, 2024).
5. *O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 21.12.2013 No. 376-FZ* [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 376-FZ of December 21, 2013]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (accessed February 2, 2024).
6. *Prinyat zakon, napravlennyi na bor'bu s mikrodoilyami v kvartirakh* [A law has been adopted aimed at combating microdoles in apartments]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/54752/> (accessed January 12, 2024).
7. *Sudebnaya statistika RF* [Judicial statistics of the Russian Federation]. Available at: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17> (accessed January 10, 2024).
8. *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 21.10.2020 No. 86-KAD20-1-K2* [Cassation Ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 86-KAD20-1-K2 of October 21, 2020]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-21102020-n-86-kad20-1-k2/> (accessed January 13, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА РАНЕНКОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, alena_ranenkova@rambler.ru

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УГЛИЦКИХ – кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, uglickih@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0048-2017>

ELENA A. RANENKOVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, alena_ranenkova@rambler.ru

DMITRII V. UGLITSKIKH – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, uglickih@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0048-2017>

Статья поступила 14.05.2024

Научная статья
УДК 343.265.5
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.018

Пути совершенствования отсрочки отбывания наказания как института уголовного и уголовно-исполнительного права

МАРИЯ АНДРАНИКОВНА САРГСЯН

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, mariy.andranikovna@gmail.com.

Аннотация. В статье, посвященной институту отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), исследуются дискуссионные вопросы основания ее применения, предлагается расширить круг субъектов, включив в него усыновителей, а также разъяснить основания и сроки предоставления отсрочки отбывания наказания суррогатной матери. Учитывая неравенство граждан по половому признаку при применении ст. 82 УК РФ, предлагается уравнивать мужчин и женщин в праве предоставления отсрочки независимо от состава семьи. Анализируется возможность предоставления отсрочки при совокупности преступлений, а также разъясняются основания неприменения норм этого института. Предлагается усовершенствовать контроль за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания представителями уголовно-исполнительной инспекции.

Ключевые слова: институт отсрочки отбывания наказания; условия предоставления отсрочки; усыновители; суррогатная мать; уголовно-исполнительная инспекция.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Саргсян М. А. Пути совершенствования отсрочки отбывания наказания как института уголовного и уголовно-исполнительного права // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 136–142. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.018.

Original article

Ways to Improve Postponement of a Sentence as an Institution of Criminal and Penal Law

MARIYA A. SARGSYAN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, mariy.andranikovna@gmail.com.

Abstract. The article devoted to the postponement of a sentence (Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation) considers controversial issues of the grounds for its application. It is proposed to expand a range of subjects to include

adoptive parents, as well as to clarify grounds and terms for granting postponement of a sentence to a surrogate mother. Taking into account the inequality of citizens by gender in the application of Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is proposed to equalize men and women in the right to grant postponement of a sentence, regardless of the composition of the family. The possibility of granting postponement of a sentence in the case of a set of crimes is analyzed and grounds for the non-application of norms of this institution are clarified. It is suggested to improve monitoring of the compliance with the conditions of postponement of a sentence by representatives of the criminal executive inspection.

Key words: postponement of a sentence; conditions for granting postponement of a sentence; adoptive parents; surrogate mother; criminal executive inspection.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sargsyan M.A. Ways to improve postponement of a sentence as an institution of criminal and penal law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 136–142. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.018.

Институт отсрочки наказания является одним из стабильно развивающихся институтов современного уголовного права в Российской Федерации, отражающих тенденцию к гуманизации наказания, экономии репрессивных уголовно-правовых мер и расширению перечня мер и санкций, альтернативных наказанию. Отсрочка отбывания наказания является одним из видов освобождения от отбывания наказания, которая связана с защитой прав и законных интересов ребенка, а также с предоставлением возможности лечения осужденных, больных наркоманией, вместо отбывания наказания.

По данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 г. 248 осужденным удовлетворено ходатайство о применении отсрочки от отбывания наказания в соответствии со ст. 82 УК РФ, а 331 осужденному отказано, в 2021 г. удовлетворено 278 осужденным, в 2022 г. – 296, в 2023 г. – 374, отказано в 2021 г. – 294, в 2022 г. – 331, в 2023 г. – 299 [1]. Эти показатели свидетельствуют о том, что доля осужденных, в отношении которых суд удовлетворяет ходатайство об отсрочке отбывания наказания, за период с 2020 по 2023 г. увеличилась на 51 %. Возможно, это связано с общей тенденцией роста женской преступности и, соответственно, увеличением количества осужденных женского пола.

Одним из актуальных вопросов является предоставление отсрочки отбывания наказания усыновителям и гражданам, взявшим ребенка под опеку или попечительство. В последней редакции УК РФ указаны такие субъекты, как беременная женщина и (или) имеющая малолетних детей в возрасте до 14 лет, мужчины, являющиеся для ребенка единственным родителем. Можно заметить, что законодателем ограничен круг субъектов, к которым применяется данная норма, однако ст. 137 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) в своей дефиниции приравнивает усыновителей к биологическим родителям. Усыновители, как и биологические родители, несут равные права и обязанности, являются такой же семьей. Однако в законодательстве не уточняется вопрос о возможности применения данной нормы к усыновителям. Тем самым, не предоставляя отсрочки отбывания наказания данному кругу лиц, негативные последствия распространяются не только на лиц, совершивших общественно опасное деяние, но и на их детей, которые могут быть переданы в детские дома. По нашему мнению, не важно, являются ли родители биологическими, главное – достижение цели обеспечения ребенка семьей, заботой. Представляется, что данная категория граждан имеет право входить в субъектный состав ст. 82 УК РФ.

Дискуссионным является вопрос предоставления отсрочки опекунам и попечителям. В семейном законодательстве опекуны и попечители не приравниваются к биологическим родителям, однако не исключается факт заботы о несовершеннолетнем. И. А. Петрова предлагает отнести рассматриваемый круг лиц к субъектам отсрочки отбывания наказания, как и усыновителей [2, с. 74–75]. Институт отсрочки отбывания наказания направлен на обеспечение интересов семьи и детей, и потому императивный запрет ее применения к опекунам и попечителям ребенка вызывает сомнение. Н. Г. Скобелева также придерживается положительного мнения о предоставлении отсрочки опекунам и попечителям: «к лицам, имеющим детей, можно отнести граждан, взявших ребенка под опеку или попечительство» [3, с. 339]. Стоит отметить, что отсрочка отбывания наказания не может быть применена к попечителям, так как в силу закона ими являются люди, которые взяли на себя обязанность по воспитанию несовершеннолетних от 14 до 18 лет. Целесообразно включить опекунов в круг субъектов, так как они также выполняют обязанности родителей по воспитанию, обеспечению детей.

Законодатель указывает на то, что одним из оснований отсрочки отбывания наказания является беременность женщины. Может ли в таком случае применяться отсрочка отбывания наказания к суррогатной матери? По мнению С. Г. Саядян, целесообразно предоставить отсрочку отбывания наказания также и суррогатной матери [4, с. 161]. Не являясь генетической матерью ребенка, она все же относится к категории беременных женщин и, соответственно, к одному из субъектов отсрочки отбывания наказания. При этом окончанием периода отсрочки от отбывания наказания для суррогатной матери необходимо признать момент дачи согласия на запись заказчиков родителями ребенка, рожденного с помощью вспомогательных методов репродукции, что предусматривает последующую отмену данной отсрочки в связи с переходом прав на ребенка другим лицам [4, с. 161]. Следует отметить, что суррогатная мать лишь вынашивает ребенка, а после его рождения передает биологическим родителям. Таким образом, период предоставления отсрочки суррогатной матери ограничен.

Д. М. Адылин пишет: «Учитывая, что период суррогатного материнства ограничен моментом передачи ребенка потенциальным родителям, с которыми об этом заключен договор, то в соответствии с данными обязательствами суррогатная мать после родов должна отказаться от ребенка, что на основании ч. 2 ст. 82 УК РФ влечет отмену отсрочки отбывания наказания и направление осужденной отбывать наказание в место, определенное приговором суда» [5, с. 12]. Представляется целесообразным разъяснить в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» законный интерес на применение отсрочки отбывания наказания суррогатной матери и основания ее отмены в случае передачи ребенка биологическим родителям.

Необходимо обратить внимание на гипотезу ст. 82 УК РФ – «наличие у мужчины, являющегося единственным родителем, ребенка в возрасте до 14 лет». По мнению П. Р. Базарова, «основания применения отсрочки отбывания наказания не в полной мере соответствуют конституционным положениям о равенстве всех перед законом и судом, государственных гарантиях прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, о том, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации (ст. 19 Конституции РФ)» [6, с. 58–59]. Следует согласиться с мнением автора о том, что ст. 82 УК РФ нарушает равенство граждан по половому признаку, поскольку статья УК РФ противоречит ст. 19 Конституции Российской Федерации. Очевидно, что в конструкции

данной статьи прослеживаются дискриминация по половому признаку, а также лишение ребенка права расти в семье. Исходя из ч. 1 ст. 9 Конвенции о правах ребенка (1989 г.), по которой ребенок имеет право не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Также ч. 2 ст. 54 СК РФ гласит, что «каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам». По мнению М. С. Красильниковой, «если осужденный мужчина не единственный родитель малолетнего, но является единственным кормильцем в семье, то негативные последствия его преступления ложатся на близких, находящихся на его иждивении» [7, с. 274]. В целом, возможно создание более гибкой системы правосудия, которая учитывала бы индивидуальные обстоятельства и положение семьи. Это поможет минимизировать отрицательные последствия осуждения мужчин, не являющихся единственными кормильцами, и поддержать стабильность и благополучие семей в различных ситуациях. Думается, что отсрочка отбывания наказания должна предоставляться мужчинам, состоящим только в официально зарегистрированном браке.

Вообще целью применения рассматриваемого института является охрана материнства, хорошее воспитание ребенка без негативного влияния, однако полагаем, что суд в таких случаях должен руководствоваться особенностями личности осужденного, характером и общественной опасностью совершенного им преступления для недопущения нарушений прав ребенка.

Таким образом, целесообразно исключить данное ограничение по отношению к мужчинам и закрепить право суда рассматривать вопрос о целесообразности применения отсрочки отбывания наказания в отношении осужденного мужчины, имеющего ребенка в возрасте до 14 лет, независимо от наличия или отсутствия матери у этого ребенка [8, с. 11].

В связи с этим можно сформулировать статью следующим образом: «Беременной женщине, женщине или мужчине, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет, кроме лиц, осужденных к ограничению свободы и лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности».

Согласно ч. 1 ст. 82 УК РФ отсрочка не может быть применена при осуждении указанных лиц к ограничению свободы и лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Преступлениями против личности следует считать преступления, в которых личность выступает только в качестве основного объекта разд. VII УК РФ, так как необходимо исходить из первоначального умысла. Учитывая личность как дополнительный объект, круг субъектов, к которым будет применена норма отсрочки от отбывания наказания, увеличится. Полагаем, что при применении отсрочки отбывания наказания за совершение преступления против личности должен учитываться лишь основной объект.

Необходимо обратить внимание также на отсутствие в УК РФ уточнений, при назначении каких видов наказаний может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания. Предполагается, что если в законе прямо не указаны ограничения, то в таком случае данная норма применяется ко всем видам наказания, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Хотя в УИК РФ возможность отсрочки наказания ограничена кругом лиц, отбывающих наказание в исправительном учреждении.

Контроль за субъектом, к которому применена отсрочка отбывания наказания, осуществляет уголовно-исполнительная инспекция (УИИ) по месту его жительства. При исполнении данной меры сотрудники УИИ руководствуются нормами ст. 177–178.1 УИК РФ. Н. Г. Скобелева отмечает, что осужденный уклоняется от воспитания ребенка только в тех случаях, которые указаны в законе, данный перечень является исчерпывающим, следовательно, если осужденный выполняет свои обязанности по воспитанию ребенка, обеспечивает его, но при этом «ведет антиобщественный образ жизни, то такое отрицательное поведение освобожденного не может стать основанием для отмены судом отсрочки отбывания наказания» [3, с. 340]. Представляется важным включить антиобщественный образ жизни в перечень случаев уклонения от воспитания ребенка, так как такое поведение приносит вред. Антиобщественный образ жизни может серьезно повлиять на способность родителя воспитывать и заботиться о ребенке должным образом, а в некоторых случаях права ребенка могут быть ущемлены родителем. При этом под антиобщественным образом жизни или иными действиями, свидетельствующими об уклонении от воспитания ребенка, следует понимать, например, злоупотребление спиртными напитками, немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ, уклонение от трудоустройства, занятие попрошайничеством, криминальную деятельность.

Также следует обратить внимание на случаи, когда данное лицо занимается воспитанием ребенка, но привлекается несколько раз к административной ответственности. Важно предусмотреть в законе, что уклоняющимся от воспитания ребенка является лицо, которое систематически нарушает общественный порядок, за что был два и более раза подвергнут административной ответственности. В связи с этим целесообразно дополнить ч. 2 ст. 82 УК РФ следующими словами: «В случае, если осужденный, указанный в части первой настоящей статьи, отказался от ребенка или систематически нарушал общественный порядок, за что был два и более раза подвергнут административной ответственности за нарушения общественного порядка, предусмотренные гл. 20. КоАП РФ, после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, суд может по представлению этого органа отменить отсрочку отбывания наказания и направить осужденного для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда». Систематическое нарушение общественного порядка является девиантным поведением, которое должно включаться в основания отмены судом отсрочки отбывания наказания. Целесообразно дать разъяснение, что именно понимается под систематическим нарушением общественного порядка. В этой связи предлагаем дополнить ст. 177 УИК РФ п. 10 следующего содержания: «Систематическим нарушением общественного порядка, понимается два и более раза в год совершение нарушений, предусмотренных гл. 20 КоАП РФ».

Для избежания уклонения осужденным от воспитания ребенка необходимо дополнить обязанности уголовно-исполнительной инспекции, так как она не обладает полномочиями влиять на осужденного путем применения к нему каких-либо мер воздействия. В связи с этим целесообразно предусмотреть в законе обязанность уголовно-исполнительной инспекции проводить с осужденными, к которым применена отсрочка отбывания наказания, воспитательную работу. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в ч. 7 ст. 177 УИК РФ, а также разработать в рамках приказа Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» положение по проведению воспитательной работы с данными осужденными, определяющее методы воспитательной работы, основные мероприятия, меры поощрения и взыскания к осужденному.

В заключение следует отметить, что институт отсрочки отбывания наказания занимает важное место в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, которые нуждаются в дальнейшем улучшении. Требуется расширение субъектного состава ст. 82 УК РФ, посредством включения в нее граждан, являющихся усыновителями и опекунами, а также исключить из статьи дискриминацию полов, указав, что отсрочка отбывания наказания может применяться и к мужчине, имеющего ребенка в возрасте до четырнадцати лет, независимо от наличия или отсутствия матери у этого ребенка. Для эффективного обеспечения контрольной функции уголовно-исполнительных инспекций необходимо включить в ст. 177 УИК РФ обязанность проводить воспитательную работу с данной категорией осужденных. Во избежание возникновения вопроса о законности предоставления суррогатным матерям отсрочки отбывания наказания целесообразно в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 № 47 разъяснить основания предоставления и сроки отсрочки отбывания наказания суррогатной матерью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: <http://cdep.xn--ru-i5t?id=79> (дата обращения: 06.12.2023).
2. Петрова И. А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 32 с.
3. Скобелева Н. Г. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения отсрочки отбывания наказания // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 3. С. 335–340.
4. Саядян С. Г. Основания и условия применения отсрочки отбывания наказания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 160–166.
5. Адылин Д. М. Некоторые вопросы предоставления отсрочки отбывания // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3. С. 9–13.
6. Базаров П. Р. Некоторые проблемы законодательной регламентации отсрочки исполнения наказания // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 15. С. 57–60.
7. Красильникова М. С. Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4. С. 273–277.
8. Красильникова М. С. Отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ): теоретические и практические вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. 3 с.

REFERENCES

1. *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchei yurisdiktsii i mirovykh sudei* [Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates]. Available at: <http://cdep.xn--ru-i5t?id=79> (accessed December 6, 2023).
2. Petrova I.A. *Otsrochka otbyvaniya nakazaniya beremennym zhenshchinam i zhenshchinam, imeyushchim maloletnikh detei: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Postponement of serving punishment for pregnant women and women with young children: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2005. 32 p.
3. Skobeleva N.G. Criminal law and penal aspects of the application of the suspension of sentence. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 335–340. (In Russ.).

4. Sayadyan S.G. Rounds and conditions for application of suspension of serving a sentence. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2021, no. 4, pp. 160–166. (In Russ.).
5. Adylin D.M. Some issues of granting a suspended sentence in serving. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 3, pp. 9–13. (In Russ.).
6. Bazarov P.R. Some problems of legislative regulation of the postponement of punishment. *Vestnik obshchestvennoi nauchno-issledovatel'skoi laboratorii «Vzaimodeistvie ugovolno-ispolnitel'noi sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty» = Bulletin of the Public Research Laboratory “Interaction of the Penal System with Civil Society Institutions: Historical, Legal, Theoretical and Methodological Aspects”*, 2019, no. 15, pp. 57–60. (In Russ.).
7. Krasil'nikova M.S. Some issues of criminal legal regulation of punishment suspension. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 4, pp. 273–277. (In Russ.).
8. Krasil'nikova M.S. *Otsrochka otbyvaniya nakazaniya (st. 82 UK RF): teoreticheskie i prakticheskie voprosy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Postponement of punishment (Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation): theoretical and practical issues: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Tomsk, 2015. 3 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАРИЯ АНДРАНИКОВНА САРГСЯН – студент 4 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, mariy.andranikovna@gmail.com

MARIYA A. SARGSYAN – 4th year student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, mariy.andranikovna@gmail.com

Статья поступила 15.12.2023

Научная статья

УДК 343.85

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.019

Основания и границы назначения несовершеннолетним условного осуждения

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА СКОРОХОДОВА

Университет ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия,
IPKR.Skorokhodova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7537-2320>

Аннотация. Российская уголовно-исполнительная политика последних лет характеризуется тенденцией к смягчению уголовной репрессии, индивидуализации и дифференциации назначения наказания. Результатом такой политики стало расширение практики применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы. В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты назначения условного осуждения в Российской Федерации, в том числе лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте. Приводятся статистические данные о привлечении к уголовной ответственности и видах уголовного наказания в Российской Федерации за 2020–2023 гг., рассматриваются основания назначения условного осуждения в соответствии с уголовным законодательством, делается вывод о необоснованном расширении сферы применения данной уголовно-правовой меры, предлагаются пути корректировки российского законодательства, направленные на решение выявленных проблем.

Ключевые слова: условное осуждение; назначение наказания; альтернативы лишению свободы; несовершеннолетние.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Скороходова А. С. Основания и границы назначения несовершеннолетним условного осуждения // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 143–148. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.019.

Original article

Grounds and Boundaries for the Appointment of a Suspended Sentence to Minors

ALEKSANDR S. SKOROKHODOVA

University of the Federal Penitentiary Service, Saint Petersburg, Russia,
IPKR.Skorokhodova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7537-2320>

Abstract. The Russian penal policy has been recently characterized by a tendency to mitigate criminal repression, individualization and differentiation of punishment. It

has led to the expansion of the practice of applying punishments and other criminal law measures alternative to imprisonment. The article discusses some problematic aspects of the appointment of a suspended sentence in the Russian Federation, including for minors. Statistical data on criminal prosecution and types of criminal punishment in the Russian Federation for 2020–2023 are presented, grounds for the appointment of a suspended sentence in accordance with criminal law are considered, the conclusion about unjustified expansion of the scope of application of this criminal legal measure is drawn, and ways to amend Russian legislation are proposed.

Key words: probation; sentencing; alternatives to imprisonment; minors.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Skorokhodova A.S. Grounds and boundaries for the appointment of a suspended sentence to minors. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 143–148. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.019.

Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации последних лет демонстрирует тенденцию к смягчению наказания, индивидуальный и дифференцированный подход к назначению уголовных санкций, что проявляется в расширении перечня альтернативных лишению свободы видов уголовных наказаний и уголовно-правовых мер (далее – АЛС). Так, за последние 20 лет в Российской Федерации введены в действие такие АЛС, как обязательные работы (2004 г.), ограничение свободы (2009 г.), отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (2012 г.), контроль за применением принудительных мер медицинского характера, назначенных в соответствии с ч. 2.1 ст. 102 УК РФ (2012 г.), возложение на осужденного к штрафу, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам или ограничению свободы обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (2013 г.), принудительные работы (2017 г.).

Тем не менее в системе мер уголовно-правового характера, применяемых в Российской Федерации в качестве АЛС, в том числе к несовершеннолетним гражданам, довольно значительную нишу стабильно занимает условное осуждение. Это подтверждается представленными в таблице статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в России за 2020–2023 гг. [1]:

Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания в Российской Федерации за период 2020–2023 гг.

Наименование показателя	Отчетный период							
	2020 год		2021 год		2022 год		2023 год	
	всего	н/л	всего	н/л	всего	н/л	всего	н/л
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>
Всего осуждено лиц	530 998 (100 %)	14 702 (100 %)	565 523 (100 %)	14 863 (100 %)	578 751 (100 %)	14 214 (100%)	555 743 (100%)	12 769 (100%)

1		2	3	4	5	6	7	8	9
в том числе	осуждены условно	15 8074 (29,8 %)	5991 (40,7 %)	170 472 (30,1 %)	5949 (40 %)	165 380 (28,6%)	5416 (38,1%)	140 447 (25,3%)	4299 (33,7%)
	в том числе								
	условное осуждение к лишению свободы	147 763 (27,8 %)	5790 (39,4 %)	158 768 (28 %)	5791 (39%)	153 745 (26,6%)	5263 (37%)	131 623 (23,7%)	4190 (32,8%)
	условное осуждение к иным видам наказаний	10 311 (1,9 %)	201 (1,4 %)	11 704 (2 %)	158 (1%)	11 635 (2%)	153 (1%)	8824 (1,6%)	109 (0,9%)
Лишение свободы на определенный срок		149 681 (28,2 %)	2237 (15,2 %)	158 923 (28,1 %)	2413 (16,2 %)	167 165 (28,9 %)	2474 (17,4%)	161 127 (29%)	2259 (17,7%)
Содержание в дисциплинарной воинской части		79 (0,01 %)	–	82 (0,01 %)	–	81 (0,01 %)	–	54 (0,01%)	–
Принудительные работы		947 (0,2 %)	–	1197 (0,2 %)	–	3139 (0,5 %)	–	15 342 (2,8%)	–
Ограничение свободы (как основной вид наказания)		20 099 (3,8 %)	511 (3,5 %)	20 060 (3,5 %)	503 (3,4 %)	21 574 (3,7 %)	411 (2,9%)	23 453 (4,2%)	444 (3,5%)
Ограничение по военной службе		179 (0,03 %)	–	204 (0,04 %)	–	253 (0,04 %)	–	98 (0,02%)	–
Исправительные работы		40 924 (7,7 %)	212 (1,4 %)	46 288 (8,2 %)	203 (1,4 %)	48 566 (8,4 %)	213 (1,5%)	45 780 (8,2%)	240 (1,9%)
Обязательные работы		92 617 (17,4 %)	2919 (19,8 %)	90 245 (15,6 %)	2615 (17,6 %)	86 311 (14,9 %)	2437 (17,1%)	76 869 (13,8%)	2136 (16,7%)
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (как основной вид наказания)		121 (0,02 %)	0	141 (0,02 %)	0	111 (0,02 %)	0	91 (0,02%)	0
Штраф (как основной вид наказания)		61706 (11,6 %)	1462 (9,9 %)	68 249 (12 %)	1490 (10 %)	73 491 (12,7 %)	1352 (9,5%)	76 992 (13,9%)	1336 (10,5%)
По приговору освобождено осужденных от наказания или наказание не назначалось		6526 (1,2 %)	1368 (9,3 %)	9621 (1,7 %)	1690 (11,4 %)	12 620 (2,2 %)	1910 (13,4%)	15 431 (2,8%)	2048 (16%)

Как видно из представленных данных, практически каждый третий осужденный в Российской Федерации приговаривается к условной мере наказания, а среди несовершеннолетних количество условно осужденных достигает 40 %. Таким образом, несмотря на постоянно расширяющийся выбор АЛС, в российском уголовном законодательстве судебная практика, в которой превалирует условное осуждение, на протяжении последних лет значительно не изменяется.

Дисбаланс системы уголовных наказаний, вызванный негативной тенденцией закрепления практики применения фактически всего одной меры уголовно-правового характера условного осуждения, – отмечал А. В. Звонов, рассматривая статистические данные о деятельности российских судов за 2003–2017 гг. [2]. В. А. Уткин, проводя аналогичные изыскания за 2008–2018 гг., также указывал на чрезмерно высокую долю условного осуждения в судебной практике (до 40 % взрослых осужденных и 50 % несовершеннолетних) [3; 4].

Для того чтобы выявить причины столь широкого и порой необоснованного применения условного осуждения, рассмотрим порядок и основания назначения данной уголовно-правовой меры в соответствии с законодательством.

В соответствии с ч. 1 ст. 73 УК РФ если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. В соответствии с ч. 6.1 ст. 88 УК РФ при назначении несовершеннолетнему осужденному наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, сокращается наполовину. Поскольку низший предел, согласно ст. 15 УК РФ, устанавливается только за особо тяжкие преступления (срок свыше 10 лет), получается, что у суда есть формальные основания назначить условное наказание за преступление, совершенное в несовершеннолетнем возрасте, за которое предусмотрен 16-летний срок лишения свободы. Представляется резонным сократить указанный выше срок лишения свободы, который может быть назначен условно, с 8 до 5 лет, хотя бы за совершение умышленных преступлений, поскольку в настоящее время суд практически не ограничен категорией преступления при назначении условного осуждения. Так, например, санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ (квалифицированное убийство) составляет от 8 до 20 лет лишения свободы, что дает формальную возможность суду при назначении минимального наказания за данное особо тяжкое преступление против личности назначить условное осуждение.

В ч. 1 ст. 73 УК РФ также указаны категории лиц, которым условное осуждение не назначается: это осужденные за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста; осужденные за ряд преступлений террористического характера (всего 10 составов); осужденные, совершившие тяжкое или особо тяжкое преступление в период испытательного срока при условном осуждении или условно-досрочном освобождении; осужденные при опасном или особо опасном рецидиве преступлений. В отношении несовершеннолетних дополнительно действуют положения ч. 6.2 ст. 88 УК РФ: в случае, если несовершеннолетний осужденный, которому назначено условное осуждение, совершил в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким, суд с учетом обстоятельств дела и личности виновного может повторно принять решение об условном осуждении, установив новый испытательный срок. Таким образом, если для взрослых осужденных, совершивших повторное тяжкое или особо тяжкое преступление в период испытательного срока, возможность повторного назначения условного осуждения исключена, то несовершеннолетним, совершающим любые преступления, кроме особо тяжких, условное осуждение может назначаться практически бесконечно. Практике известны случаи, когда в отношении одного несовершеннолетнего исполнялись самостоятельно до восьми приговоров к условной мере наказания; вряд ли при таких обстоятельствах возможно достичь целей восстановления социальной справедливости и предупреждения повторных преступлений. Полагаем необходимым ограничить формальную возможность многократного назначения условного осуждения несовершеннолетним, дополнив ч. 6.2 ст. 88 УК РФ положениям о том, что в случае совершения второго и последующего умышленных преступлений в период испытательного срока наказание несовершеннолетнему должно назначаться на общих основаниях.

В соответствии с ч. 2 ст. 73 УК РФ при назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства, в то время как эти обстоятельства должны учитываться непосредственно при назначении наказания, а не при установлении испытательного срока, о чем говорят содержание и наименование соответствующих статей УК РФ, например ст. 62 «*Назначение наказания* (курсив наш. – А. С.)

при наличии смягчающих обстоятельств». Соответственно, если характер и степень общественной опасности совершенного преступления, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства берутся во внимание при назначении наказания, то их учет при решении вопроса о назначении испытательного срока представляется избыточным. Основания назначения условного осуждения не должны дублировать смягчающие обстоятельства, которые относятся, скорее, к субъективной стороне преступления и необходимы для оценки судом преступных действий обвиняемого. Для решения вопроса об условном осуждении суду необходимо прийти к выводу о том, что обвиняемый не нуждается в реальном отбытии назначенного наказания. К основаниям такого вывода можно отнести, например, наличие у обвиняемого постоянного места жительства, работы и (или) учебы, поддержание стойких социальных связей с родственниками или иными лицами; поручительство лиц, которые могут оказать на условно осужденного положительное влияние в период испытательного срока; добровольное желание пройти курс лечения от алкоголизма и (или) наркомании, а также иные факторы, свидетельствующие о стремлении осужденного к исправлению. Перечень таких условий необходимо закрепить в ст. 73 УК РФ в качестве оснований назначения условного осуждения, указав, что испытательный срок может быть назначен при наличии хотя бы одного из них.

В качестве примера реализации предлагаемых изменений заслуживает внимания практика досудебного доклада, который реализуется службой пробации в соответствии со ст. 14 Закона Республики Казахстан от 30.12.2016 № 38-VI «О пробации». В описательной части досудебного доклада указываются такие данные об обвиняемом, как гражданство, семейное положение, род занятий, образование, место жительства, наличие судимости, социальная характеристика, результаты психосоциального тестирования личности, оценка рисков совершения обвиняемым повторных уголовных правонарушений и иные характеризующие данные. В рекомендательной части доклада указывается примерный перечень обязанностей и ограничений, которые рекомендуется использовать при назначении лицу наказания и его исполнении. По ряду объективных причин в Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» не вошли положения о досудебной пробации и досудебном докладе, тем не менее опыт учета личности обвиняемого на стадии судебного процесса при назначении условного осуждения представляется весьма полезным.

Таким образом, рассмотрев основания назначения условного осуждения в Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что суд практически не ограничен в назначении условного осуждения, в том числе за тяжкие и особо тяжкие преступления. Для категории лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, границы назначения условного осуждения еще более размыты, вследствие того что для несовершеннолетних действует особый, более мягкий, чем для взрослых, порядок назначения уголовного наказания. Более того, совершение в период испытательного срока повторного преступления, не относящегося к категории тяжких или особо тяжких (для несовершеннолетних только особо тяжких), не препятствует повторному назначению условного осуждения, что в определенной мере нивелирует цель предупреждения совершения осужденными повторных преступлений при исполнении в отношении них уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера. Еще одной причиной неоправданного расширения практики назначения условного осуждения является отсутствие в российском законодательстве перечня условий, свидетельствующих о возможности исправления обвиняемого без реального исполнения назначенного наказания.

На основании изложенного полагаем целесообразным внести следующие изменения в соответствующие статьи УК РФ: сократить срок лишения свободы, который может быть

назначен условно, с 8 до 5 лет; дополнить ч. 6.2 ст. 88 УК РФ положением о том, что в случае совершения второго и последующего умышленных преступлений в период испытательно-го срока наказание несовершеннолетнему должно назначаться на общих основаниях в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ; закрепить в ст. 73 УК РФ перечень условий, при наличии хотя бы одного из которых может быть назначено условное осуждение. Результатом реализации предлагаемых изменений могла бы стать практика более обдуманного и целесообразного назначения условного осуждения и расширение сферы применения иных АЛС, что способствовало бы реализации принципов дифференциации и индивидуализации при назначении уголовного наказания в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистические данные «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 04.06.2024).
2. Звонов А. В. Реализуемость уголовных наказаний в практической деятельности судов: аналитический обзор // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 51–57.
3. Уткин В. А. «Социология» применения наказаний и пенитенциарная практика // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4 (41). С. 107–116.
4. Уткин В. А. Тенденции применения альтернативных санкций в России // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 75–80.

REFERENCES

1. Statistical data “Report on the number of persons brought to criminal liability and types of criminal punishment”. *Ofitsial’nyi sait Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom sude Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/?id=79> (In Russ.). (Accessed June 4, 2024).
2. Zvonov A.V. Implementability of criminal punishments in courts’ practice: analytical review. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 1 (32), pp. 51–57. (In Russ.).
3. Utkin V.A. “Sociology” of administration of punishment and penal practice. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbas Institute*, 2019, no. 4 (41), pp. 107–116. (In Russ.).
4. Utkin V.A. Trends of alternative sanction application in Russia. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2013, no. 1 (1), pp. 75–80. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА СКОРОХОДОВА – преподаватель-методист отделения планирования, методического обеспечения и контроля образовательного процесса учебного отдела Университета ФСИН России, Санкт-Петербург, Россия, IPKR.Skorokhodova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7537-2320>

ALEKSANDRA S. SKOROKHODOVA – Teacher-Trainer of the Department of Planning, Methodological Support and Control of the Educational Process of the Educational Department of the University of the Federal Penitentiary Service, Saint Petersburg, Russia, IPKR.Skorokhodova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7537-2320>

Статья поступила 10.06.2024

Научная статья

УДК 349.3

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.020

Проблема эффективности правовых ограничений в сфере правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СОФРОНОВ

Союз Торгово-промышленной палаты Вологодской области, Вологда, Россия, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Аннотация. В статье исследуются особенности правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в условиях юридической коллизии действующих нормативных правовых актов, регламентирующих соответствующие общественные отношения. Оценивается эффективность установленных в них правовых ограничений на предмет достижения цели, связанной с обеспечением невозможности применения института конфиденциального содействия для получения доступа соответствующих компетентных органов к адвокатской тайне без согласия доверителей, использования адвокатского статуса содействующего лица для вмешательства в деятельность адвоката и адвокатуры либо воспрепятствования ее осуществлению.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; конфиденциальное содействие; адвокат; механизм правового регулирования; способы правового регулирования; контракт.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Софронов Д. Н. Проблема эффективности правовых ограничений в сфере правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // *lus publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 3 (27). С. 149–156. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.020.

Original article

Analyzing Effectiveness of Legal Restrictions in the Field of Legal Regulation of Legal Relations of Confidential Assistance of Lawyers to Bodies Engaged in Law Enforcement Intelligence Operations

DMITRII N. SOFRONOV

Union Chamber of Commerce and Industry of Vologda Region, Vologda, Russia, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

© Софронов Д. Н., 2024

Abstract. The article considers the specifics of legal regulation of legal relations of confidential assistance of lawyers to bodies engaged in law enforcement intelligence operations in the context of a legal conflict of existing normative legal acts regulating relevant public relations. The author assesses effectiveness of legal restrictions set to achieve the goal of ensuring that the institution of confidential assistance cannot be used to gain access to attorney-client confidentiality by relevant competent authorities without the consent of principals and use the lawyer status of an assisting person for interfering in activities of a lawyer and the bar or hindering its implementation.

Keywords: law enforcement intelligence operations; confidential assistance; lawyer; mechanism of legal regulation; methods of legal regulation; contract.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sofronov D.N. Analyzing effectiveness of legal restrictions in the field of legal regulation of legal relations of confidential assistance of lawyers to bodies engaged in law enforcement intelligence operations. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 149–156. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.020.

Правовое государство предполагает необходимость соблюдения баланса интересов при формировании правового механизма взаимодействия адвокатуры, представляющей собой институт гражданского общества, и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). Несмотря на то что среди целей деятельности указанных субъектов присутствует защита прав и свобод человека, в силу специфики выполняемого функционала при решении стоящих перед ними задач интересы сторон могут вступать в прямое противоречие. Наиболее остро это проявляются в позиции каждой из них по вопросу о выборе законодателем способа правового регулирования содействия лиц, имеющих статус адвоката, соответствующим компетентным органам, а также границ действия устанавливаемых при этом дозволений и ограничений. Рассматривая институт содействия в качестве эффективного инструмента борьбы с преступностью, органы, наделенные законодателем правом на его использование, заинтересованы в расширении круга лиц, потенциально готовых и реально способных оказывать им помощь в достижении целей и решении задач оперативно-розыскной деятельности. В свою очередь адвокаты и адвокатура стремятся сохранить свою независимость, предполагающую в числе других факторов недопустимость вступления с соответствующими компетентными органами в рассматриваемые правоотношения.

Специфика российского законодательства состоит в том, что в действующих правовых актах отсутствует единый подход к выбору способа правового регулирования анализируемых правоотношений. В ст. 17 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) закреплен запрет конфиденциального содействия на контрактной основе адвокатам органам ОРД, что не исключает возможность оказания помощи на бесконтрактной основе. В п. 5 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатской деятельности) установлен абсолютный запрет на установление отношений конфиденциального содействия между указанными субъектами. В соответствии с п. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) запрещается сотрудничество адвокатов с соответствующими компетентными органами при осуществлении профессиональной (адвокатской) деятельности, что не препятствует оказанию помощи вне ее рамок. Следствием противоречий формулировок рассматриваемых

правовых норм объясняется наличие между ними юридической коллизии, возникновение которой в подобных условиях неизбежно.

Наиболее оптимальным выходом из сложившейся ситуации является устранение анализируемой юридической коллизии в ходе нормотворческой деятельности. Однако до настоящего времени в этом направлении законодателем усилия не предпринимались. Позиция, сформулированная в Разъяснении Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросам применения подп. 3.1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденная решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.01.2016 (далее – Разъяснение), содержит видение приемлемых для адвокатского сообщества вариантов разрешения (преодоления) рассматриваемой юридической коллизии, но не решает проблему ее устранения.

Анализ авторских проектов Закона об ОРД, подготовленных Н. С. Железняком [1], В. Ф. Луговиком [2], А. Ю. Шумиловым [3], а также К. К. Горяиновым, О. А. Вагиным, А. П. Исиченко и О. Г. Ковалевым [4], позволяет констатировать, что в них сохранен подход к правовому регулированию правоотношений конфиденциального содействия адвокатам органам ОРД, предусматривающий запрет на контрактную форму сотрудничества и допустимость содействия на бесконтрактной основе. При этом среди специалистов в сфере ОРД есть сторонники как абсолютного запрета конфиденциального содействия между указанными субъектами [5, с. 125; 6, с. 12, 28], так и допустимости помощи адвокатов органам ОРД, оказываемой вне рамок профессиональной (адвокатской) деятельности [7].

Таким образом, поиск способа правового регулирования рассматриваемых правоотношений сохраняет свою актуальность и практическую значимость. Для достижения наиболее оптимального результата в этом процессе особое внимание следует уделить предварительному теоретическому осмыслению критериев, которые должны стать определяющими при осуществлении соответствующего выбора.

Законодателем не представлены какие-либо пояснения по вопросу о факторах, положенных в основу сформулированных правовых ограничений, закрепленных в законах об ОРД и адвокатской деятельности. По мнению А. Ю. Шумилова, запреты, предусмотренные Законом об ОРД, направлены, прежде всего, на усиление гарантий законности ОРД [8, с. 97]. В. Н. Омелин полагает, что «при помощи запретов очерчивается круг недопустимых действий в ОРД, а также определяются границы правомерного и неправомерного поведения» субъектов, вовлеченных в сферу ОРД [9, с. 155]. С указанными тезисами невозможно не согласиться. Однако сформулированные в них подходы содержат наиболее общие целевые установки введения правовых ограничений в рассматриваемой сфере, не конкретизирующие мотивацию запретов, предусмотренных ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД и ч. 5 ст. 6 Закона об адвокатской деятельности.

В. Ф. Луговик и А. Л. Осипенко указывают, что «посредством ограничений в работе с конфиденциантами общество пытается обеспечить независимость адвокатов от спецслужб» [10, с. 83]. Мы разделяем данный подход. Вместе с тем полагаем, что он нуждается в детализации, так как из указанного посыла не вполне ясно, для чего именно адвокатам необходим иммунитет на привлечение к конфиденциальному содействию. Сама по себе независимость не является самоцелью установленных в анализируемых нормативных правовых актах правовых запретов. Так, например, согласно ч. 1 ст. 5 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1, государство гарантирует независимость нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности. Однако этого оказалось недостаточно для включения нотариусов в перечень лиц, закрепленный в ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД.

Как представляется, наиболее логичным объяснением установленных правовых ограничений в сфере правового регулирования рассматриваемых правоотношений, закрепленных во всех анализируемых нормативных правовых актах, является стремление создать правовой механизм, препятствующий использованию института конфиденциального содействия для получения органами ОРД доступа к адвокатской тайне без согласия клиента (доверителя), вмешательства в профессиональную деятельность адвоката и адвокатуры или воспрепятствования ее осуществлению. Другие цели конкретизирующего и детализирующего характера не просматриваются или они настолько не очевидны, что определить их контуры и содержание вызывает затруднение. Косвенным подтверждением указанного посыла является тот факт, что закрепление соответствующих запретов отвечает интересам, прежде всего, адвокатского сообщества, так как какой-либо значимой смысловой нагрузки такое ограничение правомочий компетентных органов применительно к выполнению возложенного на них функционала не несет.

Принимая во внимание изложенное, представляет интерес оценка эффективности закрепленных в действующих нормативных правовых актах способов правового регулирования рассматриваемых правоотношений для достижения указанной цели.

В Законе об ОРД основной акцент законодателем сделан на форме закрепления правоотношений, возникающих между органами ОРД и привлекаемыми к конфиденциальному содействию лицами. По мнению А. И. Тамбовцева и Н. В. Павличенко, исходя из формулировки анализируемого правового предписания, государству важен не факт самого содействия лица, а признание недопустимости конфиденциального содействия отдельных категорий лиц именно на контрактной основе [11, с. 217]. Как отмечено О. А. Вагиным, В. С. Овчинским и А. В. Федоровым, закрепленное в ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД положение «связано с обеспечением свободы воли лица на участие в ОРД при наличии противоречий между профессиональными обязательствами и условиями контракта» [12, с. 193–194].

Специфика состоит в том, что формулировка данной правовой нормы допускает различные интерпретации заложенного в ней алгоритма. С одной стороны, имеются основания полагать, что характер выбора определяет лишь позицию содействующего лица при решении вопроса об его участии в ОРД. При этом анализируемая правовая норма не предоставляет лицам указанной категории право на признание по собственному усмотрению допустимости разглашения адвокатской тайны без согласия клиента (доверителя) органам ОРД, использования соответствующими компетентными органами профессионального статуса содействующего лица для вмешательства в адвокатскую деятельность или воспрепятствования ее осуществлению. Напротив, запрет на контрактную форму конфиденциальных правоотношений направлен на обеспечение невозможности принуждения адвокатов к участию в подобных действиях, используя контрактные обязательства в качестве инструмента воздействия.

С другой стороны, не исключена вероятность того, что право выбора законодатель предоставил содействующему лицу с тем, чтобы возложить на него основную нагрузку в виде моральной и юридической ответственности за его осуществление и последствия. В этом случае решение о допустимости совершения действий в интересах ОРД, в том числе противоречащих профессиональным обязательствам, содействующее лицо принимает добровольно и по собственному усмотрению. При этом запрет контрактной формы закрепления правоотношений конфиденциального содействия между субъектами нацелен на недопущение создания ситуации, характеризующейся отсутствием у адвоката, оказывающего помощь органам ОРД на соответствующих условиях, возможности осуществления подобного выбора.

На основании изложенного следует признать, что Закон об ОРД не позволяет определить реальную позицию законодателя по вопросу о допустимости оказания адвокатами в рамках конфиденциального содействия компетентным органам помощи, противоречащей профессиональным обязательствам. В силу ее неочевидности затруднительно однозначно установить, какими правилами должного поведения необходимо руководствоваться указанным субъектам в правоприменительной деятельности при необходимости совершения соответствующего выбора.

Исходя из буквального толкования анализируемой правовой нормы, полагаем, что запрет на контрактную форму конфиденциального содействия в действительности не является непреодолимым препятствием для использования соответствующими компетентными органами института конфиденциального содействия для получения органами ОРД доступа к адвокатской тайне без согласия клиента (доверителя), вмешательства в профессиональную деятельность адвоката и адвокатуры или воспрепятствования ее осуществлению, так как не исключает вероятность совершения подобных действий в рамках правоотношений, установленных на бесконтрактной основе. При рассмотрении проблемы юридических ограничений в сфере правового регулирования конфиденциального содействия прокуроров и судей органам ОРД А. И. Тамбовцевым справедливо отмечено, что «контрактная или бесконтрактная форма не будет являться безусловным гарантом, исключаящим (или, наоборот, допускающим) определенные действия конфиденциалов, якобы выгодные субъекту ОРД (или персонально его представителю)» [13, с. 95]. С полной уверенностью можно утверждать, что данный посыл характеризует и правоотношения конфиденциального содействия адвокатов соответствующим компетентным органам.

В силу этих обстоятельств, полагаем, что рассматриваемый вариант правового регулирования, допускающий установление между субъектами правоотношений конфиденциального содействия на бесконтрактной основе, не является правовым механизмом, гарантирующим обеспечение правовыми средствами невозможность использования в практической плоскости института конфиденциального содействия в вышеуказанных целях.

Как уже отмечено ранее, в Законе об адвокатской деятельности в качестве способа правового регулирования рассматриваемых правоотношений закреплен абсолютный запрет на конфиденциальное сотрудничество адвокатов органам ОРД. По мнению А. Ю. Шумилова, «выделение в запретную зону для оперативных устремлений указанных категорий лиц научно не обосновано», их перечень «не отражает... в должной мере потребности оперативно-разыскной практики» [14, с. 182–183]. Безусловно, выбор приоритета при наличии конкуренции интересов сторон является важной составляющей при определении способа правового регулирования анализируемых правоотношений. Вместе с тем следует признать, что невозможность установления правоотношений между указанными субъектами в рамках рассматриваемого варианта является реальным правовым препятствием для использования института конфиденциального содействия в целях получения компетентными органами доступа к адвокатской тайне без согласия клиента (доверителя), вмешательства в профессиональную деятельность адвоката и адвокатуры или воспрепятствования ее осуществлению. Невозможно правомерно использовать инструментарий, которым субъект юридически не располагает. Обратное будет свидетельствовать о том, что эти действия совершены вне рамок правоотношений конфиденциального содействия либо соответствующие правоотношения установлены незаконно. Из этого следует, что в рассматриваемой версии правового регулирования анализируемых правоотношений представлен правовой

механизм, позволяющий гарантировать невозможность использования института конфиденциального содействия в вышеуказанных целях.

В соответствии с требованием, закрепленным в КПЭА, адвокатам не запрещено вступать в правоотношения конфиденциального содействия с органами ОРД при условии оказания им помощи, не связанной с осуществлением адвокатской деятельности. Необходимо констатировать, что в данном случае формально определены условия, призванные исключить использование института конфиденциального содействия адвокатов посредством применения возможностей, которыми лица указанной категории располагают в силу их правового статуса. При этом создается видимость, что заложенный в правовом предписании алгоритм якобы обеспечивает баланс интересов органов ОРД и адвокатского сообщества, правоохранительной практики и адвокатской деятельности.

Сформулировав соответствующие правовые ограничения, авторы КПЭА, по всей видимости, исходили из установки, предполагающей, что органы ОРД и адвокаты в правоприменительной деятельности будут действовать строго в рамках регламентированной модели поведения, предусматривающей безусловное соблюдение установленных запретов. Однако данный посыл не обязывает реальных и потенциальных клиентов адвокатов, общество в целом абсолютизировать проявление указанными субъектами рассматриваемых правоотношений исключительной добросовестности при исполнении предписаний, соответствие ожиданиям полноты их выполнения в практической плоскости.

Здесь вступает в силу фактор соотношения декларируемой эффективности механизма правового регулирования рассматриваемых правоотношений, направленного на воспрепятствование совершению нежелательных поступков и предотвращение негативных проявлений, с оценкой его действенности, обусловленной субъективным восприятием отдельными лицами и обществом в целом. Ввиду специфики института конфиденциального содействия доступ к сведениям закрытого характера о нем и его использовании в правоприменительной деятельности имеет крайне ограниченный круг лиц. Как следствие, извне невозможно удостовериться в неукоснительном соблюдении сторонами рассматриваемых правоотношений границ установленных запретов. В свою очередь, ограниченность возможностей внешнего контроля, в том числе полномочными инстанциями, создает условия для появления в среде непрямых к указанной сфере общественных отношений граждан сомнений в способности имеющимися правовыми средствами обеспечить надлежащее выполнение субъектами конфиденциальных правоотношений правовых предписаний, определяющих пределы дозволенного и недопустимого. В силу этих обстоятельств сам факт признания допустимости оказания адвокатами помощи на конфиденциальной основе органам ОРД, даже при наличии условия, предусматривающего дозволенность ее осуществления исключительно вне рамок профессиональной (адвокатской) деятельности, подрывает доверие общества к адвокатам и адвокатуре из-за отсутствия абсолютной уверенности в сохранении адвокатским сообществом независимости и безусловном соблюдении адвокатской тайны, на чем недвусмысленно сделан акцент в Разъяснении.

Дозволение в качестве способа правового регулирования правоотношений конфиденциального содействия между адвокатами и органами ОРД, не предусматривающее каких-либо ограничений, не закреплено законодателем ни в одном из действующих нормативных правовых актов. Тем не менее следует отметить, что подобный вариант, отвечающий интересам исключительно оперативно-розыскной практики, максимально способствует формированию в обществе неуверенности в неукоснительном соблюдении соответствующими субъектами гарантий независимости адвокатов и адвокатуры, призванных обеспечить невозможность неправомерного вмешательства в их деятельность.

Таким образом, совокупность рассмотренных факторов позволяет признать, что механизм правового регулирования, предусматривающий закрепление абсолютного запрета в качестве способа правового регулирования отношений конфиденциального содействия адвокатов органам ОРД, является наиболее эффективным для обеспечения невозможности использования института конфиденциального содействия для получения доступа соответствующих компетентных органов к адвокатской тайне без согласия доверителей, использования адвокатского статуса содействующего лица для вмешательства в деятельность адвоката и адвокатуры либо воспрепятствования ее осуществлению. Безусловно, в этом случае ограничиваются возможности органов ОРД, что противоречит их правовым интересам. Принимая во внимание данный аспект, в практической плоскости решение проблемы устранения существующей коллизии зависит от приоритетов, которыми законодатель будет руководствоваться в правотворческой деятельности. Вместе с тем следует констатировать, что полноценное достижение рассматриваемой цели возможно только при закреплении абсолютного запрета в качестве общепризнанного способа правового регулирования анализируемых правоотношений. При использовании иных подходов неизбежны проявления, связанные с падением доверия отдельных лиц и общества в целом к сохранению независимости адвокатов и адвокатуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Железняк Н. С. Проект Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2012. 77 с.
2. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (Авторский проект Федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 109–135.
3. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: открытый проект: науч.-справ. пособие / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2004. 32 с.
4. Инициативный проект Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности"» / К. К. Горяинов, О. А. Вагин, А. П. Исиченко, О. Г. Ковалев // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Омск, 2006. С. 80–90.
5. Халиков А. Н. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. 3-е изд. М., 2019. 281 с.
6. Шахматов А. В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 39 с.
7. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Запрет на содействие оперативно-розыскным органам адвокатов: анахронизм или реальная необходимость // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 137–144.
8. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М., 2004. 363 с.
9. Омелин В. Н. О запретах в оперативно-розыскной деятельности // Закон и право. 2020. № 6. С. 155–157.
10. Луговик В. Ф., Осипенко А. Л. О сотрудничестве адвоката с оперативно-розыскными органами // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4. С. 81–86.
11. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен : моногр. М., 2022. 344 с.
12. Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. 712 с.
13. Тамбовцев А. И. Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1 (20). С. 91–100.
14. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации : моногр. : в 3 т. М., 2013. Т. 1. 454 с.

REFERENCES

1. Zheleznyak N.S. *Proekt Federal'nogo zakona "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti"* [Draft Federal Law "On Law Enforcement Intelligence Operations"]. Krasnoyarsk, 2012. 77 p.
2. Lugovik V.F. Crime detection code of the Russian Federation (the author's draft of the federal law). *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2015, no. 1 (31), pp. 109–135. (In Russ.).
3. Shumilov A.Yu. *Novaya redaktsiya operativno-rozysknogo zakona Rossii: otkrytyi proekt: nauch.-sprav. posobie* [New edition of law enforcement intelligence law of Russia: open project: scientific reference aid]. Moscow, 2004. 32 p.
4. Initiative draft of the Federal Law "On Amendments and Additions to the Federal Law "On Law Enforcement Intelligence Operations". In: Goryainov K.K., Vagin O.A., Isichenko A.P. et al. *Sovremennye podkhody k pravovomu regulirovaniyu operativno-rozysknoi deyatel'nosti: initsiativnye avtorskie proekty Federal'nogo zakona "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti"* [Modern approaches to legal regulation of law enforcement intelligence operations: initiative authors' draft federal laws "On Law Enforcement Intelligence Operations"]. Omsk, 2006. Pp. 80–90.
5. Khalikov A.N. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost': ucheb.* [Law Enforcement Intelligence Operations: textbook]. Moscow, 2019. 281 p.
6. Shakhmatov A.V. *Agenturnaya rabota v operativno-rozysknoi deyatel'nosti (teoretiko-pravovoe issledovanie rossiiskogo opyta): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Agent work in law enforcement intelligence operations (theoretical and legal study of the Russian experience): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2005. 39 p.
7. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. Prohibition on assistance to the operational-investigative bodies of lawyers: anachronism or real necessity. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 3 (63), pp. 137–144. (In Russ.).
8. Shumilov A.Yu. *Operativno-rozysknaya entsiklopediya* [Law enforcement intelligence operations encyclopedia]. Moscow, 2004. 363 p.
9. Omelin V.N. On prohibitions in operational investigative activities. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2020, no. 6, pp. 155–157. (In Russ.).
10. Lugovik V.F., Osipenko A.L. On lawyer's cooperation with operational-search bodies. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2020, no. 4, pp. 81–86. (In Russ.).
11. Tambovtsev A.I., Pavlichenko N.V. *Sodeistvie grazhdan pravookhranitel'nym organam kak sotsial'no-pravovoi fenomen: monogr.* [Assistance of citizens to law enforcement agencies as a socio-legal phenomenon: monograph]. Moscow, 2022. 344 p.
12. *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti: ucheb.* [Theory of operational investigative activity: textbook]. Ed. by Goryainov K.K., Ovchinskii V.S., Sinilov G.K. Moscow, 2017. 712 p.
13. Tambovtsev A.I. Legislative bans analysis of the confidential citizens' assistance to the ORA according to the contract. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2013, no. 1 (20), pp. 91–100. (In Russ.).
14. Shumilov A. Yu. *Operativno-rozysknaya nauka v Rossiiskoi Federatsii: monogr.: v 3 t. T. 1* [Law enforcement intelligence science in the Russian Federation: monograph: in 3 volumes. Volume 1]. Moscow, 2013. 454 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СОФРОНОВ – советник президента Союза Торгово-промышленной палаты Вологодской области, Вологда, Россия, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

DMITRII N. SOFRONOV – Advisor to the President of the Union Chamber of Commerce and Industry of Vologda Region, Vologda, Russia, sdn_35@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1676-5863>

Статья поступила 06.05.2024

Научная статья
УДК 347.2/.3:349
doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.021

Цифровые права в отрасли гражданского права: современное состояние и перспективы

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ВАЛЬКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, elena23477@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8649-0431>

МИЛАНА ИВАНОВНА ЗИНОВЬЕВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, milanazinovjewa@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа действующего гражданского законодательства Российской Федерации, теоретических положений рассматриваются новеллы правового регулирования цифровых отношений. Поднимаются ключевые проблемы цифровых прав в рамках сложившегося их закрепления в гражданском законодательстве, вопросы отнесения их к объектам отраслей права, возможности выделения в отдельную отрасль. Предлагаются пути разрешения сложившихся проблем.

Ключевые слова: цифровые права; информационная система; гражданское законодательство; отрасль права.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Валькова Е. В., Зиновьева М. И. Цифровые права в отрасли гражданского права: современное состояние и перспективы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 157–161. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.021.

Original article

Digital Rights in the Field of Civil Law: Current State and Prospects

ELENA V. VAL'KOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, elena23477@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8649-0431>

MILANA I. ZINOV'EVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, milanazinovjewa@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of current civil legislation of the Russian Federation and theoretical provisions, the authors consider novelties of the legal regulation of digital relations. The article discusses key problems of digital rights within the framework of their current consolidation in civil legislation and issues of their attribution to the objects of branches of law, the possibility of separation into a separate branch. The ways of solving the existing problems are proposed.

Key words: digital rights; information system; civil legislation; branch of law.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Val'kova E.V., Zinov'eva M.I. Digital rights in the field of civil law: current state and prospects. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 157–161. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.021.

Современное общество за последние несколько десятилетий совершило огромный скачок в развитии, который коснулся практически всех сфер общества, во всяком случае его влияние оказалось ощутимым. Ключевым в развитии стало цифровое направление и все, что с ним связано: информационные системы, техника, компьютерные технологии и т. д. Следует отметить, что вместе с развитием технологий должны развиваться все отрасли нашей жизни. Однако правовая система как национальная, так и международная представляют собой достаточно консервативную совокупность норм права, которые регулируют все сферы жизни общества. Вместе с тем они достаточно медленно видоизменяются и подстраиваются под новые условия развития мирового устройства.

Важно понимать, что любая правовая система регулирует многие сферы повседневной жизни как обычных людей, так и международного сообщества, государств, корпораций и т. д. Законодательные органы, которые призваны развивать данный механизм, не успевают за современными тенденциями, в результате возникают те или иные процессы, объекты, институты, которые долгое время не получают должного правового закрепления и регулирования. Одним из них стало цифровое право и все, что с ним связано.

Нельзя не отметить, что определенные действия на пути к освоению новой отрасли уже предпринимаются, так в 2019 г. в ГК РФ получило закрепление понятие цифровых прав, под которыми понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Как и любая новелла в правовой среде, цифровая отрасль достаточно скупо регламентируется законодательством на первоначальном этапе ее развития, и в ГК РФ ей посвящено несколько положений. Приведенное выше определение цифровых прав толкуется достаточно широко и не конкретизировано. В связи с этим даже мнения ученых и практиков разделяются о том, как можно сузить данное понятие. При этом нормы гражданского законодательства, закрепляющие цифровые права, существенным образом упрощают процесс их внедрения в правовую систему, поскольку фактически признают и закрепляют выражение воли с помощью информационных технологий в качестве простой письменной сделки. Это существенно облегчает применение данной нормы и разрешение возникающих споров, а также встраивает новые информационные объекты в имеющуюся классификацию, закрепленную в ст. 128 ГК РФ. Но законодатель не пытается создать нормы, отвечающие современным реалиям развития информации и информационных технологий, а

лишь подстраивает их под уже имеющуюся систему регулирования, что, на наш взгляд, в корне неправильно, поскольку нарушается их восприятие субъектами гражданских правоотношений и правоприменителями. Аналогичного мнения придерживаются и другие ученые, например И. И. Булохов, который в своем исследовании правового регулирования цифровых объектов гражданских прав указывал на это [1, с. 338].

Кроме того, остается острой дискуссия о признании или непризнании цифрового права самостоятельной отраслью. Зарубежные юристы отмечают, что в отличие от всех других отраслей права интернет-право не является конкретной, стабильной и надежной областью практики и охватывает собой принципы и правила из ряда различных отраслей [2, с. 7].

Даже само понятие цифрового права отечественными учеными толкуется по-разному. Формулируются авторские определения понятия «цифровое право». Например, В. Э. Волков, автор учебного пособия «Цифровое право. Общая часть» (2022 г.), трактует цифровое право в широком смысле, понимая под ним новое направление правового регулирования, правовой механизм, обеспечивающий развитие цифрового общества. Авторы учебника «Цифровое право» под редакцией В. В. Блажеева, М. А. Егоровой пишут о том, что цифровое право – это система гарантированных государством общеобязательных, формально определенных правил поведения, которая складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и цифровых или IT-технологий. В свою очередь, законодательные органы нашего государства не регламентируют данные аспекты [3].

В связи с этим наиболее правильным решением в сложившейся ситуации нам видится толкование законодателем цифровых прав в отдельности, то есть создание собственной классификации, присущей именно данному институту и более узкое определение каждого из них. Другим вариантом может стать выделение отрасли интернет-права, и тогда цифровые права преобразуются в объекты новой отрасли [4, с. 3].

Однако говорить о создании самостоятельной отрасли пока рано, так как отсутствуют такие необходимые элементы, как метод правового регулирования, принципы, предмет. Но на сегодняшний день можно говорить о создании подотрасли цифрового права. Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи, например С. Н. Шишкин, который указывает на возможность определить цифровое право в качестве подотрасли информационного права, которое как самостоятельная отрасль не сформировано до конца [5, с. 121]. На наш взгляд, для формирования цифрового права, даже как подотрасли другого права пока, нет существенных предпосылок со стороны законодательства России.

Но вернемся в начало нашего исследования. Законодательство нашей страны истолковало лишь понятие цифровых прав, указав на необходимость принятия специального закона, который должен урегулировать исключительно данную сферу, при этом не дано толкование понятия информационной системы, которая упоминается в ст. 141.1 ГК РФ. А ведь именно оно может стать ключевым в определении будущего всей формирующейся отрасли, поэтому в нем заключено еще большее количество проблем.

Нормы права закрепили понятие цифровых прав, указав, что регулируются они по правилам информационной системы, но в то же время являются частью обязательных прав и регулируются гражданским законодательством. В этом заключается, наверное, основная проблема существующих правовых положений, поскольку, прежде чем вводить понятие объекта, необходимо определить сущность правового явления, в котором этот объект возникает.

Логику законодателей проследить можно, так как информационная система, как и цифровые права, фактически не урегулирована и существует посредством еще только складывающейся судебной практики и общепризнанных принципов применения и обращения. В связи с этим последнее понятие гораздо легче на первоначальном этапе отнести к уже существующей и отлаженной системе обязательных прав, не выделяя ее в отдельную категорию.

Вместе с тем иных попыток регулирования и развития данного вопроса на уровне законодательства с 2019 г. не предпринималось.

Следует также понимать, что вся информационная система и ее объекты, то есть фактически производные цифрового права, строятся на информации, информационных технологиях и процессах, происходящих в этой системе. Поэтому важно, чтобы взор законодателя был обращен и на эти аспекты тоже [6, с. 96], например, изучение таких объектов и процессов, как кэшбэк, бонусные баллы и др. Не понятен не только механизм их образования, но и правовое урегулирование, кроме как наличия соглашения между организацией, их предлагающей, и потребителем этих услуг.

Абсолютно не понятно, как будут разрешаться споры, которые могут возникнуть по поводу данных бонусных программ, существующих исключительно в информационной системе. Вместе с тем их механизм не подконтролен законодательству и не известен государству.

И даже в такой ситуации, казалось бы уже обыденной для современного человека, не понятно, относятся ли кэшбэк и бонусные баллы к цифровым правам.

Все это создает массу проблем не только при разрешении правовых споров на их основе, но и подвергается атаке извне, например кибератакам.

Таким образом, на сегодняшний день современное российское законодательство очень ограниченно начинает процесс правовой регламентации цифровых прав и той отрасли, к которой данное понятие можно было бы отнести. При чем предпринимаемые попытки носят длительный характер и не вносят ясности при их регулировании. В некотором смысле получается даже наоборот: широкое толкование данного понятия, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, формирует на сегодняшний день не только споры среди ученых, но и в правоприменительной практике, что усложняет процесс дальнейшего нормотворчества в данной сфере.

Вместе с этим остаются без внимания и вопросы, так или иначе связанные с цифровыми правами, такие как механизмы их образования, классификация, признаки, отнесение к конкретной классификации, их защита и другие процессы в рамках уже информационной системы, в которой изначально и образовались цифровые права.

Исходя из вышеизложенного, нам видится необходимым глубокое и детальное исследование всех обозначенных проблем и создание норм, которые бы позволили их разрешить и закрепить, например выделение самостоятельной отрасли и отнесение к ней цифровых прав вместе с их конкретизацией и расширенным толкованием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булохов И. И. Проблемы правового регулирования цифровых объектов гражданских прав // Молодой ученый. 2023. № 17 (464). С. 337–339.
2. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4 (519). С. 3–12.
3. Грудцына Л. Ю. Цифровое право как комплексная отрасль российского законодательства // Образование и право. 2023. № 3. С. 277–283.

4. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: выступление на Петербургском международном юридическом форуме // Российская газета. 2018. № 115.
5. Шишкин С. Н. Цифровое право в правовой системе России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 3 (79). С. 120–123.
6. Белова С. С. Цифровые права в современном гражданском обороте // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XXXIV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза, 15 мая 2020 года. Ч. 2. Пенза, 2020. С. 94–97.

REFERENCES

1. Bulokhov I.I. Problems of legal regulation of digital objects of civil rights. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2023, no. 17 (464), pp. 337–339. (In Russ.).
2. Rozhkova M.A. Is digital law a branch of law and should we expect the appearance of a digital code? *Khozyaistvo i Pravo = Economy and Law*, 2020, no. 4 (519), pp. 3–12. (In Russ.).
3. Grudtsyna L.Yu. Digital law as a comprehensive branch of Russian legislation. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2023, no. 3, pp. 277–283. (In Russ.).
4. Zor'kin V.D. Law in the digital world: speech at the St. Petersburg International Legal Forum. *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2018, no. 115. (In Russ.).
5. Shishkin S.N. Digital law in the legal system of Russia. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Scientific Letters of Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*, 2021, no. 3 (79), pp. 120–123. (In Russ.).
6. Belova S.S. Digital rights in modern civil turnover. In: *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sb. st. XXXIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ch. 2* [Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the XXXIV International scientific and practical conference: in 2 parts. Part 2]. Penza, 2020. Pp. 94–97. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ВАЛЬКОВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, elena23477@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8649-0431>

МИЛАНА ИВАНОВНА ЗИНОВЬЕВА – курсант 4 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, milanazinovjewa@yandex.ru

ELENA V. VAL'KOVA – Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, elena23477@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8649-0431>

MILANA I. ZINOV'EVA – 4th year cadet at the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, milanazinovjewa@yandex.ru

Статья поступила 06.06.2024

Научная статья

УДК 347.64

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.022

Актуальные вопросы ответственности лиц, замещающих родителей, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ОНИЩЕНКО

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФЕДОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nesti2028@inbox.ru

Аннотация. В статье проводится анализ форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, таких как опека, попечительство и приемная семья, в контексте действующего законодательства. Рассматриваются ключевые аспекты данных форм, их различия и взаимосвязь. Особое внимание уделяется проблемным вопросам, возникающим из-за неоднозначности трактования соответствующих понятий и пробелов в действующем законодательстве. Предлагаются меры по совершенствованию семейного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: дети; приемные родители; опекуны; попечители; жестокое обращение, подопечные.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Онищенко И. С., Федорова А. В. Актуальные вопросы ответственности лиц, замещающих родителей, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 162–168. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.022.

Original article

Analyzing Substitute Parents' Responsibility for Improper Performance of Their Duties

IRINA S. ONISHCHENKO

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University
(MSAL), Vologda, Russia

onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

ANASTASIYA V. FEDOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, nesti2028@inbox.ru

Abstract. The article considers forms of family arrangement of children left without parental care, such as custody, guardianship and adoptive family, in the context of current legislation. Key aspects of these forms, their differences and interrelation are considered. Special attention is paid to problematic issues arising from the ambiguity of interpretation of the relevant concepts and gaps in the current legislation. Measures are proposed to improve family legislation in this area.

Key words: children; substitute parents; guardians; caregivers; abuse, wards.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Onishchenko I.S., Fedorova A.V. Analyzing substitute parents' responsibility for improper performance of their duties. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 162–168. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.022.

На протяжении истории всегда встречались дети, которые оказывались сиротами в силу различных трагических обстоятельств, таких как войны, эпидемии и природные катастрофы. Даже с улучшением условий жизни проблема сиротства остается актуальной.

При этом в настоящее время распространенным явлением становится социальное сиротство, когда дети оказываются без попечения родителей из-за различных обстоятельств. К основным причинам роста данного явления относятся увеличение числа неблагополучных семей, снижение уровня жизни, алкоголизм и наркомания родителей, падение нравственных ценностей, жестокое обращение с ребенком, игнорирование его интересов, преждевременная смертность, заключение в места лишения свободы [1]. По статистике, 90 % детей, находящихся в трудной ситуации, остаются сиротами при живых родителях [2, с. 145].

Защита прав и законных интересов таких детей является важным направлением социальной политики Российской Федерации. Осуществление данных обязанностей непосредственно возложено на органы опеки и попечительства.

В соответствии с положениями Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) к формам семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, относятся усыновление (удочерение), опека (попечительство) и приемная семья.

Использование данных форм устройства детей имеет немаловажное значение, так как, принимая ребенка в семью, опекуны (попечители) или приемные родители помогают ребенку овладеть навыками, которыми он не будет обладать в полной мере, оставаясь в специализированных учреждениях.

Согласно сведениям, содержащимся в банке документов Министерства просвещения Российской Федерации, в 2023 г. под опекой (попечительством) или в приемных семьях находилось 352 917 детей [3].

Приоритетной формой устройства ребенка является усыновление (удочерение), так как она позволяет ему почувствовать себя полноценным членом семьи. Кроме того, усыновленный ребенок приравнивается в правах и обязанностях к кровным детям усыновителя.

В настоящее время вопросы опеки (попечительства) и приемной семьи являются наиболее важными и проблемными. Основные положения в данной сфере регламентированы ГК РФ. При этом большое количество ученых дают авторское определение указанным понятиям, несмотря на их закрепление в ст. 2 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве».

Так, Г. Ф. Шершеневич в своих работах изучал понятие «опека» и определял его как «искусственную семью» [4, с. 456], В. И. Синайский – как «суррогат родительского попечения о детях, их личности и имуществе» [5, с. 529]. В. А. Цветков рассматривает приемную семью как «временную, профессиональную семейную форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, предусматривающую оплату труда приемных родителей (супругов или отдельных граждан, взявших детей на воспитание) и государственное содержание детей» [6, с. 38].

Статья 152 СК РФ закрепляет следующее определение приемной семьи: это опека или попечительство над ребенком или детьми, которые осуществляются по договору о приемной семье, заключаемому между органом опеки и попечительства и приемными родителями или приемным родителем, на срок, указанный в этом договоре.

Законодательство Российской Федерации накладывает на опекунов (попечителей) и приемных родителей ряд обязанностей, которые они должны выполнять, чтобы обеспечить достойное воспитание и полноценное развитие ребенка. За противоправные действия (бездействие), нанесенный ущерб личности или имуществу подопечного они несут ответственность, в том числе административную и уголовную.

Особо остро в настоящее время стоит проблема жестокого обращения с ребенком в семьях, замещающих родителей. Согласно статистике каждый год около миллиона детей в нашей стране сталкиваются с жестоким обращением в семье или становятся свидетелями этого [7].

В Интернете очень часто встречаются новости о том, что дети становятся объектом агрессии, истязаний опекунов и приемных родителей. К тому же стоит добавить, что ключевым моментом в таких делах является полное бездействие органов опеки и попечительства, способствующее продолжению нарушений и усугублению ситуации. Такое безразличие к детям со стороны властей не может ни привести к серьезным последствиям, которые отражаются на физическом и психическом здоровье детей.

Например, дело Степы Кукина, 7-летнего мальчика из Вологды, которого в 2017 г. отдали под опеку семье. Опекуны на протяжении почти полутора лет издевались над маль-

чиком. На теле ребенка насчитали не менее 135 различных ран и даже переломов, не говоря уже о кровоизлиянии головного мозга и открытой непроникающей черепно-мозговой травме, после которых он впал в кому. Несмотря на усилия врачей, он умер в больнице, так и не придя в сознание. При этом на протяжении всего этого времени органы опеки и попечительства предоставляли отчеты о проверках условий жизни мальчика, в которых не было никаких нареканий [8]. И только в начале 2024 г. сотрудники управления социальной защиты предстали перед судом по этому делу [9].

В мае 2023 г. в Сочи дети столкнулись с жестокостью приемной матери. Женщина месяцами морила детей голодом и регулярно избивала совместно со своим 19-летним пасынком. Поводы для истязаний были самые незначительные, за любое нарушение следовало наказание [10].

В сентябре 2023 г. жительница Томской области до смерти избивала приемную 6-летнюю дочь, изгоняя из нее «беса пьянства», который передался ей от родной семьи, страдающей алкоголизмом. Приемная мать засовывала ребенку в рот кухонную лопатку и поворачивала. По словам других детей, после такого «лечения» у девочки изо рта шла кровь. Остальных детей родители воспитывали голодом или холодом. Органы опеки и попечительства даже не придавали значение жалобам соседей [11].

С каждым годом данных случаев становится все больше.

Несмотря на то что в отечественном законодательстве есть положения, которые устанавливают ответственность опекунов (попечителей), приемных родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей, случаев страданий и гибели детей меньше не становится. Поэтому необходимо предпринять меры для совершенствования данной сферы.

Важным элементом при принятии ребенка на воспитание является обязательное проведение обучения будущих опекунов (попечителей), приемных родителей, чтобы дать им необходимые знания и навыки для эффективного выполнения своих обязанностей, создать благоприятную и безопасную среду, что в конечном итоге будет способствовать его успешной адаптации ребенка. С 2000 г. в России начали свою деятельность школы для усыновителей, приемных родителей, опекунов (попечителей), обучение в которых в 2012 г. стало обязательным [12]. Проходить подготовку в данной школе не нужно:

– близким родственникам усыновляемого ребенка – дедушкам, бабушкам, братьям и сестрам;

– лицам, которые являются или являлись усыновителями, опекунами или попечителями и которые не были отстранены от исполнения возложенных на них обязанностей.

Кроме того, одним из важных нововведений можно считать установление четких стандартов и правил для опекунов (попечителей), приемных родителей, которые помогут выявить возможные проблемы и недостатки в семье и своевременно предпринять меры для их устранения.

К правилам и стандартам можно отнести:

1. Обязательное ежегодное обучение опекунов (попечителей), приемных родителей.
2. Установление правил по режиму дня, питанию и здоровью детей.
3. Проведение периодических проверок условий проживания семьи, отдавая приоритет внеплановым посещениям органами опеки и попечительства.
4. Обеспечение доступа к медицинской помощи и психологическая поддержка детей.

Для защиты прав и интересов ребенка и эффективного контроля за деятельностью замещающих семей целесообразно предложить следующее:

1. Создать горячую линию на местах, куда дети или другие заинтересованные лица могут обращаться в случае нарушений прав и интересов ребенка со стороны опекунов или приемных родителей. Очень важно установить связь между детьми и органами опеки и попечительства, а также третьими лицами, чтобы при любой возможности они смогли вовремя среагировать на сложившуюся ситуацию.

2. Повысить взаимодействие органов опеки и попечительства и общественных объединений, непосредственно занимающихся защитой прав и интересов детей. Данные институты могут осуществлять мониторинг и контроль за семьями, а также обращаться в суд в случае выявления серьезных нарушений.

3. Усовершенствовать механизм контроля за деятельностью органов опеки и попечительства, обратив внимание на проведение своевременных проверок, недопущение фальсификации отчетов.

4. Развивать систему обратной связи и поддержки для опекунов (попечителей), приемных родителей, чтобы помочь им справляться с трудностями и предотвращать возможные проблемы с ребенком, так как далеко не всегда дети ведут правопослушный образ жизни и поддерживают контакт со взрослыми или другими детьми в семье.

5. Повысить санкции за нарушение законодательства в сфере ненадлежащего исполнения обязанностей опекунов (попечителей), приемных родителей, так как суммы штрафов незначительны и не останавливают лиц, которые замещают семью, издеваться и избивать своих подопечных.

Таким образом, в Российской Федерации задачей государственной важности является создание условий для полноценного физического, интеллектуального, духовного, нравственного и социального развития детей, оставшихся без попечения родителей, подготовка их к самостоятельной жизни в современном обществе. При этом в последнее время в новостных лентах все чаще можно услышать истории о страданиях детей, их гибели, бездействии органов опеки и попечительства, издевательствах со стороны людей, которые наоборот должны оказывать заботу и любовь.

За невыполнение (ненадлежащее выполнение) своих обязанностей, нарушение прав и интересов подопечных в отношении опекунов (попечителей) и приемных родителей предусмотрена уголовная и административная ответственность. Однако существующие нормы соблюдаются не всегда. Предложенные нами меры помогут совершенствовать сферу ответственности лиц, замещающих родителей, за ненадлежащее выполнение своих обязанностей, тем самым обеспечат безопасность детей, их воспитание и развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Методическое пособие для замещающих родителей. URL: https://aistenok-dom.ucoz.ru/Dokumenty/posobie_dlja_zameshhajushhego_roditelja.pdf (дата обращения: 11.05.2024).
2. Лазаренко А. М. Приемная семья и патронат как семейные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Право и образование. 2012. № 7. С. 145.
3. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2023 год. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/cbbf904d6d7a7132dcead100345912d0/download/6424/> (дата обращения: 11.05.2024).
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 1-е изд. М., 2017. 532 с.
5. Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. 636 с.

6. Цветков В. А. Приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 239 с.
7. Профилактика жестокого обращения с детьми в замещающих семьях как правовая, социально-педагогическая и психолого-педагогическая проблема. URL: <https://tusp04.msp.midural.ru/news/profilaktika-jestokogo-obrashcheniya-s-detmi-v-zameshchayushchih-semyah-kak-pravovaya-socialno-pedagogicheskaya-i-psihologo-pedagogicheskaya-problema-21318/> (дата обращения: 11.05.2024).
8. Громкое дело Степы Кукина: «Мальчик попал просто в мясорубку». URL: <https://vologdaregion.ru/news/2020/2/20/gromkoe-delo-stepy-kukina-mal-chik-popal-prosto-v-myasorubku> (дата обращения: 11.05.2024).
9. Сотрудники управления соцзащиты предстали перед судом по делу Степы Кукина. URL: <https://onlinevologda.ru/news/incidents/sotrudniki-upravlenija-soczaschity-predstali-pered-sudom-po-delu-stepy-kukina/> (дата обращения: 11.05.2024).
10. Родные нелюди. Как искоренить жестокость в приемных семьях. URL: <https://360tv.ru/tekst/obschestvo/rodnye-neljudi/> (дата обращения: 11.05.2024).
11. Приемная семья оказалась адом: под Томском сирот лечили «изгнанием дьявола». URL: <https://mk-ru.turbopages.org/mk.ru/s/social/2023/09/25/priemnaya-semya-okazalas-adom-pod-tomskom-sirot-lechili-izgnaniem-dyavola.html> (дата обращения: 11.05.2024).
12. Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних: постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2009 № 423 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 21. Ст. 2572.

REFERENCES

1. *Metodicheskoe posobie dlya zameshchayushchikh roditelei* [Methodological guide for substitute parents]. Available at: https://aistenok-dom.ucoz.ru/Dokumenty/posobie_dlja_zameshhajushhego_roditelja.pdf (accessed May 11, 2024).
2. Lazarenko A.M. Foster family and foster care as family forms of placement of children left without parental care. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2012, no. 7, p. 145. (In Russ.).
3. *Svedeniya po forme federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya No. 103-RIK "Svedeniya o vyavlenii i ustroistve detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei" za 2023 god* [Information on the form of federal statistical observation No. 103-RIK "Information on the identification and placement of orphaned children and children left without parental care" for 2023]. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/cbbf904d6d7a7132dcead100345912d0/download/6424/> (accessed May 11, 2024).
4. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law]. Moscow, 2017. 532 p.
5. Sinaiskii V.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. Moscow, 2002. 636 p.
6. Tsvetkov V.A. *Priemnaya sem'ya kak forma ustroistva detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Substitute family as a form of placement of children left without parental care, according to the legislation of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Omsk, 2005. 239 p.
7. *Profilaktika zhestokogo obrashcheniya s det'mi v zameshchayushchikh sem'yakh kak pravovaya, sotsial'no-pedagogicheskaya i psikhologo-pedagogicheskaya problema* [Prevention of child abuse in substitute families as a legal, socio-pedagogical and psychological-pedagogical problem]. Available at: <https://tusp04.msp.midural.ru/news/profilaktika-jestokogo-obrashcheniya-s-detmi-v-zameshchayushchih-semyah-kak-pravovaya-socialno-pedagogicheskaya-i-psihologo-pedagogicheskaya-problema-21318/> (accessed May 11, 2024).
8. *Gromkoe delo Stepy Kukina: "Mal'chik popal prosto v myasorubku"* [The high-profile case of Stepa Kukin, "The boy has just got into a meat grinder"]. Available at: <https://vologdaregion.ru/news/2020/2/20/gromkoe-delo-stepy-kukina-mal-chik-popal-prosto-v-myasorubku>

ru/news/2020/2/20/gromkoe-delo-stepy-kukina-mal-chik-popal-prosto-v-myasorubku (accessed May 11, 2024).

9. *Sotrudniki upravleniya sotszashchity predstali pered sudom po delu Stepy Kukina* [Employees of the social protection department appeared in court in the case of Stepa Kukin]. Available at: <https://onlinevologda.ru/news/incidents/sotrudniki-upravleniya-soczaschity-predstali-pered-sudom-po-delu-stepy-kukina/> (accessed May 11, 2024).

10. *Rodnye nelyudi. Kak iskorenit' zhestokost' v priemnykh sem'yakh* [Close inhumans. How to eliminate cruelty in substitute families]. Available at: <https://360tv.ru/tekst/obschestvo/rodnye-nelyudi/> (accessed May 11, 2024).

11. *Priemnaya sem'ya okazalas' adom: pod Tomskom sirot lechili "izgnaniem d'yavola"* [A substitute family turned out to be hell: near Tomsk, orphans were cured with "exorcism"]. Available at: <https://mk-ru.turbopages.org/mk.ru/s/social/2023/09/25/priemnaya-semya-okazalas-adom-pod-tomskom-sirot-lechili-izgnaniem-dyavola.html> (accessed May 11, 2024).

12. On Certain Issues of Custody and Guardianship of Minors: Decree of the Government of the Russian Federation No. 423 of May 18, 2009. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2009. No. 21. Art. 2,572. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ОНИЩЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА ФЕДОРОВА – курсант 4 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nesti2028@inbox.ru

IRINA S. ONISHCHENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, associate professor at the Department of Civil Law and Civil Procedure of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, onishchirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3857-4301>

ANASTASIYA V. FEDOROVA – 4th year cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, nesti2028@inbox.ru

Статья поступила 16.06.2024

Научная статья

УДК 341

doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.023

Международный уголовный суд: история и современность

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Аннотация. В статье раскрываются история и причины создания международного уголовного суда как первого постоянного действующего международного судебного органа. Проводится параллель с ранее действующими международными судебными органами, в частности Нюрнбергским трибуналом и международными уголовными трибуналами по бывшей Югославии. Также анализируются причины отказа от членства МУС со стороны ведущих держав мира.

Ключевые слова: международные юрисдикционные органы; Международный уголовный суд; Нюрнбергский трибунал; Международный трибунал по бывшей Югославии; Международный трибунал по Руанде; международные преступления; военные преступления; агрессия; преступления против человечности; геноцид.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Для цитирования: Кириловская Н. Н. Международный уголовный суд: история и современность // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 3 (27). С. 169–177. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.023.

Original article

International Criminal Court: History and Modern Times

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Abstract. The article reveals the history and reasons for the establishment of the International Criminal Court as the first permanent international judicial body. A parallel is drawn with the previously existing international judicial bodies, in particular the Nuremberg Tribunal and the International Criminal Tribunals for the former Yugoslavia. Reasons for the refusal of ICC membership on the part of the leading countries are also analyzed.

© Кириловская Н. Н., 2024

Keywords: international jurisdictional bodies; International Criminal Court; Nuremberg Tribunal; International Tribunal for the Former Yugoslavia; International Tribunal for Rwanda; international crimes; war crimes; aggression; crimes against humanity; genocide.

5.1.4. Criminal law sciences.

5.1.5. International law sciences.

For citation: Kirilovskaya N.N. International Criminal Court: history and modern times. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 3 (27), pp. 169–177. doi 10.46741/2713-2811.2024.27.3.023.

В XIX в. в научных кругах стали возникать идеи создания международного уголовного суда для привлечения виновных лиц, способных нести ответственность за совершение серьезных нарушений норм международного права в период вооруженных конфликтов, в частности нарушений прав военнопленных, комбатантов, гражданского населения. Впервые с предложением об учреждении Международного уголовного суда выступил Гюстав Муанье [1, с. 57]. Оно было детально обосновано им в 1872 г. после окончания франко-прусской войны 1870–1871 гг. В то время он возглавлял Международный Комитет Красного Креста (МККК). Президент МККК выдвинул проект Конвенции об учреждении международного судебного органа для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушениях Женевской конвенции об улучшении положения больных и раненых в воюющих армиях от 22.08.1864. В нем предусматривались порядок формирования и деятельности такого суда. Однако идея не была поддержана государствами.

Первым и беспрецедентным по своей основательности научным произведением, посвященным всестороннему обоснованию идеи международного суда, в том числе специального международного уголовного суда, явилась защищенная в 1881 г. докторская диссертация российского правоведа Л. А. Камаровского «О международном суде». В том же году она была издана в виде отдельной книги, а в 1887 г. увидела свет на французском языке в Париже [1, с. 57]. Появление и увеличение научных трудов по данной проблематике свидетельствовало о важности и перспективности данного направления, обозначало ее практическую значимость; ученые юристы-международники старались таким образом привлечь внимание государств к идее создания международного уголовного суда.

Государства откликнулись на научный призыв по созданию международного уголовного суда лишь после Первой мировой войны. Версальский мирный договор между Германией и 27 союзными и ассоциированными державами от 28.06.1919 содержал следующие обязательства сторон (ст. 227, 228):

- организовать специальный международный трибунал для публичного рассмотрения дела по обвинению императора Вильгельма II Гогенцоллерна в «совершении тягчайшего преступления против международной нравственности и священной власти договоров»;
- обратиться к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче суду бывшего императора;
- преследовать в уголовном порядке и выдавать предполагаемых военных преступников;
- «сообщать потребные документы и сведения» [1, с. 58].

Положения Версальского мирного договора о создании международного уголовного суда так и не были выполнены [2, с. 67]. Причиной стала скорее всего объективная реаль-

ность того времени: война хоть и считалась нежелательным, но признавалась вполне законным средством для разрешения международных споров. Исходя из этого данная идея вряд ли смогла бы быть реализована в то время. К тому же государства-победители не готовы были на тот момент судить высших должностных лиц государств, ответственных за развязывание и ведение Первой мировой войны.

XX в. стал настоящим испытанием для человечества. В ходе вооруженных конфликтов, которые проходили на территории почти 80 государств, погибли миллионы военнослужащих, а раненые, женщины и дети подвергались жестокому обращению. Первая и Вторая мировые войны и межнациональные конфликты этого столетия показали, что тесное международное сотрудничество необходимо и в сфере уголовного права и уголовного судопроизводства, а поддержание мира невозможно без создания механизма привлечения преступников к ответственности за международные уголовные преступления. Идея создания первого международного трибунала, предложенная Советским Союзом, для привлечения к ответственности основных фашистских преступников в годы Второй мировой войны в итоге была поддержана странами-победителями. 8 августа 1945 г. был создан Международный военный трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее – МВТ). Данный орган имел временный характер и целевое предназначение, что в принципе так и не решало общей задачи по созданию постоянно действующего международного уголовного суда. Но это уже представляло собой серьезный шаг в решении этой проблемы, так как именно МВТ заложил материальные и процессуальные основы будущего международного уголовного суда [3, с. 99].

Созданию международного уголовного суда предшествовало формирование целой группы международных договоров в области прав и свобод человека, которые закрепили фундаментальный перечень прав и свобод для каждого человека независимо от места его нахождения и времени их действия. К числу таковых относятся: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., международные пакты о правах человека 1966 г. и другие документы. Большую роль сыграли Женевские конвенции 1949 г., предусматривающие защиту жертв вооруженных конфликтов. Международные стандарты не только установили минимальный перечень прав и свобод, но и поставили их под международную защиту.

С учреждением Организации Объединенных Наций работа по созданию международного уголовного суда приобрела организованный характер и стала системной и последовательной. Роль ключевого органа, ответственного за разработку вопроса, была отведена Комиссии международного права Организации Объединенных Наций (далее – Комиссия). Точкой отсчета в данной работе следует считать резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) № 260 В (III) от 09.12.1948, в которой ГА ООН предложила Комиссии «изучить желательность и возможность учреждения международного судебного органа для суда над лицами, обвиняемыми в геноциде или других преступлениях, юрисдикция которых будет предоставлена этому органу международными конвенциями». Учитывая сложность, дискуссионность и комплексность обозначенного ГА ООН вопроса, Комиссия решила объединить его рассмотрение с подготовкой проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (далее – проект Кодекса), запрос на разработку которого Комиссия получила немного раньше (Резолюция 177 (II) Генеральной Ассамблеи от 21.11.1947). С учетом того, что предметная юрисдикция международного уголовного суда – это был главный и первичный вопрос в формировании международного уголовного суда, то разработка проекта Кодекса стала первостепенной задачей Комиссии. Работа по подготовке его проекта началась в 1949 г. и длилась 47 лет в тесной и постоянной взаимосвязи

с правительствами государств – членов ООН. Изначально в качестве преступлений Комиссия определила группу противоправных деяний, содержащих политический элемент и ставящих под угрозу или нарушающих поддержание международного мира и безопасности. В 1984 г. к данной группе преступлений были добавлены колониализм, апартеид, серьезный ущерб окружающей среде человека, экономическая агрессия, применение атомного оружия и наемничество [4]. В 1991 г. Комиссия приняла в первом чтении проект Кодекса, который включал 12 преступлений: агрессия; угроза агрессии; интервенция; колониальное господство и другие формы иностранного господства; геноцид; апартеид; систематические или массовые нарушения прав человека; исключительно серьезные военные преступления; вербовка, использование, финансирование и обучение наемников; международный терроризм; незаконный оборот наркотических средств; преднамеренное и серьезное повреждение окружающей среды. Однако впоследствии данный список был сокращен и включал только те деяния, квалификация которых как преступлений против мира и безопасности человечества трудно оспаривается, в частности это были деяния, относящиеся к агрессии, военным преступлениям, преступлениям против человечности, геноциду.

Изначально Комиссия к вопросу о разработке международного уголовного суда отнеслась очень осторожно и воздержалась от идеи создания международных институциональных механизмов для применения проекта Кодекса, определив в качестве потенциальных реализаторов национальные суды. Однако в процессе подготовки проекта отдельными представителями государств были высказаны замечания о неэффективности данного документа в отсутствие санкций и компетентной международной уголовной юрисдикции. В связи с этим в 1983 г. Комиссия вновь вернулась к вопросу компетентной международной уголовной юрисдикции относительно обеспечения проекта Кодекса, работа продолжалась несколько десятилетий и завершилась в 1998 г. При разработке устава международного уголовного суда Комиссия не ставила себе целью приспособиться к какой-либо конкретной уголовно-правовой системе, а, скорее, объединить в единое целое наиболее подходящие элементы для поставленных целей с учетом существующих договоров, более ранних предложений о международном суде или трибуналах и соответствующих положений в национальных системах уголовного правосудия в рамках различных правовых традиций. Также были тщательно рассмотрены различные положения, регулирующие деятельность Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г.

Результатом работы Комиссии стал подготовленный проект по созданию международного уголовного суда и принятие Генеральной Ассамблеей ООН решения о созыве Международной дипломатической конференции. Конференция состоялась в Риме 15 июня–17 июля 1998 г. Ее результатом стало создание постоянно действующего Международного уголовного суда (International Criminal Court, далее – МУС) и принятие его Статута. Местом нахождения суда определен город Гаага (Нидерланды). На дипломатической конференции были представители от 160 государств, что показало всему миру общее понимание необходимости создания и функционирования постоянно действующего международного уголовного суда.

Основным назначением МУС было определено привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении серьезных международных преступлений, к числу которых были отнесены агрессия, военные преступления, преступления против человечности, геноцид. Формирование такой группы преступлений стало результатом длительной совместной

работы Комиссии и государств – членов ООН, а также их закрепление и признание в учредительных документах международных трибуналов и иных международных актов. Так, Уставом МВТ 1945 г. в качестве серьезных нарушений закреплены преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии 1993 г. закрепил следующие преступления: серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., нарушения законов или обычаев войны, геноцид, преступления против человечности. Таким образом, можно говорить об общем признании со стороны международного сообщества тех видов преступлений, которые имеют серьезный международный характер и ответственность за совершение которых должны нести высшие должностные лица государства.

Временная и территориальная юрисдикция МУС была ограничена противоправными действиями, которые произошли после 1 июля 2002 г., с вступлением в силу Римского статута, и теми преступными действиями, которые произошли на территории государств-участников Римского статута или государства, признавшего юрисдикцию МУС *ad hoc* на конкретное преступление (ст. 12 Римского статута).

МУС в своей деятельности должен руководствоваться такими принципами, как самостоятельность, независимость, объективность, законность, дополнительность (субсидиарность), справедливость и др. Субсидиарность МУС предопределяет его как исключительно дополнительный судебный орган по отношению к национальной судебной системе. Однако это отнюдь не означает, что МУС занимает по отношению к ним подчиненное положение [5, с. 200]. Его деятельность строго предопределена следующими случаями:

- 1) государство само передает на рассмотрение суда определенную ситуацию, в ходе которой предположительно были совершены деяния, подпадающие под юрисдикцию суда;
- 2) Совет Безопасности ООН, действуя в соответствии с положениями гл. VII Устава ООН, передает на рассмотрение суда такую ситуацию;
- 3) обвинитель суда сам начал расследование подобной ситуации.

Если первые два случая не вызывают вопросов, то последний порождает много дискуссий, так как деятельность МУС предопределена либо бездействием, либо неэффективностью предпринятых действий со стороны национальных судов. Однако в таких случаях вопрос бездействия или неэффективности национальной судебной системы решает сам МУС, что подвергает сомнению реализацию принципа невмешательства во внутренние дела государства и избежание субъективизма со стороны судебского корпуса МУС [6, с. 28]. Реализация всех принципов деятельности МУС очень важна, и нарушение хотя бы одного из них может привести к дестабилизации работы международного судебного органа, потере авторитета и нивелированию его сущности. МУС наделен серьезными полномочиями: во-первых, под его персональную юрисдикцию может попасть любое лицо, независимо от должности и статуса, даже главы государств не обладают иммунитетом перед ним (ст. 27 Римского статута); во-вторых, в отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, не устанавливаются сроки давности (ст. 29 Римского статута); в-третьих, государство-участник обязано незамедлительно выполнять требования МУС об аресте и передаче лица, находящегося на его территории, в распоряжение суда (ст. 59 Римского статута). Такими возможностями суд наделен не случайно, задача была сформировать реально работающий, постоянно действующий международный судебный орган, деятельность которого давала понять каждому физическому лицу, включая высших должностных лиц, что серьезные международные преступления не будут оставлены международным сообществом без внимания, и ответственность должна обязательно в случае виновности

лица наступить. В то же время МУС обязан следовать четким принципам деятельности: subsidiарности, объективности и независимости, законности.

Практика показывает, что за 20-летний период деятельности МУС было рассмотрено или находится еще на рассмотрение 32 дела, большинство которых связано с предъявлением обвинений в преступлениях против человечности и военных преступлениях. Преступление агрессии хоть и подпадает под юрисдикцию МУС, но еще не стало предметом разбирательства суда, так как лишь в 2010 г. было выработано определение «агрессии», а активация юрисдикции суда над агрессией начала действовать с 17 июля 2018 года. В юрисдикции МУС находились преступления, совершенные на территории таких государств, как Уганда, Демократическая республика Конго, Судан, Центральноафриканская республика, Кения, Ливия, Берег Слоновой кости, Мали, Грузия, Бурунди, Бангладеш, Афганистан, Государство Палестина. Наглядно просматривается акцент деятельности МУС с точки зрения территориальности. Данная ситуация неоднозначно была воспринята некоторыми африканскими государствами, в частности это выразилось в недоверии к работе МУС и отказу от участия в Римском статуте. Ряд африканских государств усмотрели в такой территориальной ограниченности работы МУС дискриминацию по государственному признаку. Так, например, Гамбия и ЮАР в 2016 г. направили уведомления Генеральному секретарю ООН о выходе из МУС, но в 2017 г. отозвали свои уведомления, посчитав такой шаг опрометчивым и ошибочным. Бурунди оставила свое решение в силе и с 2017 г. вышла из Римского статута МУС.

В настоящее время участниками Римского статута являются 124 государства, в числе этих государств нет Российской Федерации, Индии, США, Китая, Израиля, Саудовской Аравии, Турции и еще около 60 государств, что свидетельствует о том, что МУС пока не смог стать тем органом, чья деятельность соответствует идейным принципам и вызывает доверие у всех государств. Так, например, США в 2000 г. подписали Римский статут, но уже в 2002 г. отозвали свою подпись, более того, впоследствии США стали заключать с рядом государств двусторонние «соглашения об иммунитете», посредством которых исключается возможность привлечения американских граждан МУС к ответственности. Такие договоры, в частности, предусматривают, что если американский гражданин будет находиться на территории государства – члена МУС и в отношении него поступит запрос передать его в распоряжение МУС, то такое государство обязуется выдать это лицо не МУС, а властям США [7, с. 128–129].

Российская Федерация не является членом МУС, но принимает активное участие не только в зарождении идеи создания международного судебного органа, но и в его разработке, определении предметной компетенции, задач, функций, принципов деятельности и других ключевых вопросов, решение которых привело к его созданию. Российская Федерация 13.09.2000 г. подписала Римский статут Международного уголовного суда, а 16.11.2016 отозвала подписание, приняв распоряжение Президента Российской Федерации от 16.11.2016 № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда», обосновав это защитой национальных интересов и государственного суверенитета [2, с. 68]. Период между подписанием и отзыванием подписи составил 16 лет, что свидетельствует о взвешенности принятого Российской Федерацией решения, в отличие от США, которым понадобилось всего лишь два года.

Решение России о намерении не становиться участником Римского статута было вызвано определенными причинами как объективного характера, так и позицией суда в отношении России [7, с. 132]. В частности, в 2016 г. МУС в своем отчете квалифицировал при-

соединение Крыма к России в качестве международного вооруженного конфликта; МУС признал свою юрисдикцию в отношении боевых действий, произошедших в Южной Осетии в 2008 г. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что 17 марта 2023 г. МУС выдал ордер на арест Президента Российской Федерации В. В. Путина и уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка М. А. Львовой-Беловой по обвинению в совершении военных преступлений, в частности незаконной депортации детей Украины в Российскую Федерацию. Следует заметить, что Украина, как и Российская Федерация, не является членом МУС и компетенция международного судебного органа в данном вопросе вызывает много дискуссий. Российская Федерация не подчиняется решениям МУС, но все страны – участники МУС обязаны их выполнять, и, если на территории государства – члена МУС окажется лицо, в отношении которого имеется ордер, они будут вынуждены его задержать и передать в распоряжение МУС. Последнее является важнейшим и основным этапом для начала работы МУС, так как пока лицо не окажется в распоряжении МУС, он не сможет начать рассмотрение данного дела, это обязательный принцип работы суда. Решение МУС о выдаче ордера на арест главы нашего государства не является первым, история знает несколько таких случаев, в частности в отношении президента Судана в 2009 г. В настоящее время МУС выдал ордер в отношении 20 ответчиков, которые находятся на свободе, из них 6 ордеров применительно к высшим должностным лицам Российской Федерации. Все они обвиняются в военных преступлениях. Вся информация находится в открытом доступе на сайте МУС.

Интересна ситуация с ордером на арест в отношении премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху. Прокурор Международного уголовного суда Карим Хан потребовал выдать ордер на арест на премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху и министра обороны страны Й. Галанта, заявив, что «страна имеет полное право на самооборону и возвращение заложников, но ни у кого нет “лицензии” на совершение военных преступлений» [8]. Однако после официальных заявлений со стороны США о недопустимости такого шага со стороны МУС все разговоры затихли. Оказанное политическое давление на МУС со стороны США в данном случае очевидно, руководство США даже не скрывало своей заинтересованности в исходе данной ситуации. Такого рода инциденты еще раз демонстрируют отсутствие у МУС самостоятельности и авторитетности.

Подводя итоги, следует отметить, что Международный уголовный суд – первый в истории постоянно действующий международный судебный орган, в компетенцию которого входят серьезные международные преступления. Предшественники МУС (Нюрнбергский и Токийский трибуналы, Трибунал по бывшей Югославии, Трибунал по Руанде и др.) создали платформу для его деятельности. Это была сложная задача. Международный уголовный суд получил серьезные полномочия, обязав государства сотрудничать с судом с целью проведения им расследования и привлечения виновных к ответственности. Данная задача является важной и перспективной для предотвращения международных преступлений, однако МУС при реализации своих полномочий должен строго следовать принципам международного права, таким как суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела государства, принцип сотрудничества и др. В то же время практика суда показывает, что принятые МУС решения не всегда однозначны. Так, например, в 2007 г. прокурор Международного уголовного суда (представитель развивающихся стран) завела дело по расследованию военных преступлений, которые США и возглавляемая ими коалиция совершали в Афганистане. Реакция Вашингтона не заставила себя долго ждать: были объявлены санкции в отношении прокурора и других сотрудников МУС, а дело закрыто. Сейчас ситуация с выдачей ордера на арест Президента Российской Федерации В. В. Путина ста-

вит под сомнение авторитет данного органа как самостоятельного и аполитичного международного судебного органа. Участие МУС в таком формате в регулировании конфликта на Украине является бесперспективным и влекущим негативные последствия для самого международного органа, поскольку такие прецеденты в его деятельности вряд ли будут способствовать укреплению к нему доверия со стороны как государств-участников, так и государств, думающих над присоединением к Римскому статуту.

В июле 2023 г. МУС исполнилось 25 лет. Для такого органа этот срок еще очень незначительный и непоказательный, происходит его становление как международного судебного органа, выработка правовых позиций, принятие принципиальных решений по сложным делам. В то же время именно в первые годы деятельности закладывается тот фундамент правовых, организационных, методических установок, которые будут основой всей дальнейшей работы данного органа, поэтому именно начальный период деятельности является показательным для формирования его авторитета у государств, как присоединившихся к Римскому статуту, так и нет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волеводз А. Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 2. С. 55–68.
2. Подшибякин А. С. Римский статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами // Вестник МГИМО Университета. Право. 2008. С. 66–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-statut-i-reshenie-problem-ego-ratifikatsii-otdelnymi-gosudarstvami> (дата обращения: 01.07.2024).
3. Глотова С. В. Особенности международного уголовного судопроизводства (на примере Международного уголовного суда) // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 99–110.
4. Резюме работы Комиссии международного права. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (часть II), включая проект Статута международного уголовного суда. URL: https://legal.un.org/ilc/summaries/7_4.shtml (дата обращения: 01.07.2024).
5. Марусин И. С. Разграничение юрисдикции Международного уголовного суда и внутригосударственных судебных органов // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2014. Вып. 4. С. 199–207.
6. Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2016. 39 с.
7. Скуратова А. Ю. Россия и Римский статут Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 125–137.
8. Прокурор МУС объяснил предложение выдать ордер на арест Нетаньяху. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/05/1452411> (дата обращения: 01.07.2024).

REFERENCES

1. Volevodz A.G. International criminal justice: from the idea to modern system. *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2009, no. 2, pp. 55–68. (In Russ.).
2. Podshibyakin A.S. The Rome Statute and the solution of the problems of its ratification by individual states. *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2008, pp. 66–70. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskiy-statut-i-reshenie-problem-ego-ratifikatsii-otdelnymi-gosudarstvami> (accessed July 1, 2024).
3. Glotova S.V. Peculiarities of international criminal proceedings (on the example of international criminal court). *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2011, no. 3, pp. 99–110. (In Russ.).

4. *Rezyume raboty Komissii mezhdunarodnogo prava. Proekt kodeksa prestuplenii protiv mira i bezopasnosti chelovechestva (chast' II), vklyuchaya proekt Statuta mezhdunarodnogo ugolovnogo suda* [Summaries of the Work of the International Law Commission. Draft code of crimes against the peace and security of mankind* (Part II) including the draft Statute for an international criminal court]. Available at: https://legal.un.org/ilc/summaries/7_4.shtml (accessed July 1, 2024).
5. Marusin I.S. Delineation of jurisdiction of the International Criminal Court and domestic judicial authorities. *Vestnik SPbGU. Ser. 14 = Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 14*, 2014, no. 4, pp. 199–207. (In Russ.).
6. Kayumova A.R. *Ugolovnaya yurisdiksiya v mezhdunarodnom prave: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Criminal jurisdiction in international law: issues of theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2016. 39 p.
7. Skuratova A.Yu. Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2016, no. 4, pp. 125–137.
8. *Prokuror MUS ob"yasnil predlozhenie vydat' order na arest Netan'yakhu* [The ICC Prosecutor explained the proposal to issue an arrest warrant for Netanyahu]. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2024/05/1452411> (accessed July 1, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Статья поступила 08.07.2024